

**Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)**

**ДВА ПУТЧА
И РАСПАД СССР**

Москва 2011

УДК 94(47+57)

Г 67

Горбачевские чтения. Вып. 9. **Два путча и распад СССР** /
Междунар. Фонд соц.экон. и политол. исслед. (Горбачев-
Фонд). — М.: Горбачев-Фонд, 2011. — С. 146.

Руководитель авторского коллектива

А.С. Черняев

Компьютерный набор

Т.А. Александрова

ISBN 978-5-86493-144-8

© Горбачев-Фонд, 2011

© Оформление И.П. Матушкина И.И., 2011

Сдано в набор 10.10.2011. Подписано к печати 26.10.2011.

Формат 60х90/16. Объем 9,5 п.л. Тираж 700 экз.

Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)

Отпечатано в ООО «Радио-Связь»

Содержание

От составителей	4
РАЗДЕЛ I	
Советское общество: почему распалось союзное государство (А.С. Черняев)	5
РАЗДЕЛ II	
Подготовка и провал августовского путча (А.Б. Вебер)	29
РАЗДЕЛ III	
«Сто дней» Горбачева (А.А. Галкин)	61
РАЗДЕЛ IV	
Внешние факторы: роль США (В.Б. Кувалдин)	97
РАЗДЕЛ V	
Итоги. Выводы. Перспективы (Ю.А. Красин)	121
Приложение 1	137
<i>Записка А.С. Черняева М.С. Горбачеву 7 августа 1991 года</i>	
Приложение 2	144
<i>О внешнем факторе. Дополнение к Разделу IV</i>	
Resume in English	147

От составителей

Публикуемая работа посвящена двум событиям, с которыми связана судьба Союза ССР. Авторы и составители попытались выявить причины процессов — исторических, экономических и особенно политических, — которые привели к распаду советского союзного государства.

Вокруг этих событий возникло много дискуссий и криво-толков, особенно по случаю двадцатилетия августовского путча и декабрьского переворота в Беловежской Пуще. Авторы книги стремились представить свое видение Перестройки и событий 1991 года, основываясь на документальных свидетельствах, в том числе на материалах архива Горбачев-Фонда.

Авторские особенности в разделах очевидны. Тем не менее, это не сборник статей, а коллективная работа, выполненная в Горбачев-Фонде.

РАЗДЕЛ I

А.С. ЧЕРНЯЕВ

Советское общество: почему распалось союзное государство

В этой вводной главе делается попытка дать портрет общества, которому пришлось столкнуться с перестройкой. Поначалу оно ее приветствовало, но, в конце концов, от нее отвернулось. Активная (очень немногочисленная) его часть бросилась защищать от путчистов полученные свободы и права (некоторые). Но не умела ими распорядиться и вручила победу тем и тому, кто имел в виду совсем не то, чего оно, общество, хотело и на что рассчитывало.

Портрет такой нужен, чтобы напомнить, к какому состоянию намеревался вернуть страну ГКЧП и насколько нелепа nostalgia по брежневской стабильности.

«Советский народ» — совсем не то, что сложилось за долгие годы в идеологический миф. Это был предельно разрозненный организм, раздробленный по всем мыслимым параметрам, с колоссальным разрывом между различными его слоями — по историческим корням, по этнонациональным признакам, по уровню и характеру культуры, трудовой деятельности, по привязанности к тому или иному климату и природной среде, по темпераменту, по обычаям и привычкам, по материальному уровню и условиям жилья, по отношениям между полами и поколениями, и т.д. В целом это было социально весьма хаотическое образование, несмотря на казалось бы жестко упорядоченное тоталитарным режимом и тупой ортодоксией правящей номенклатуры.

Страна трудно жила — в условиях более или менее напряженной чрезвычайщины, бесчисленных ограничений и запретов.

Об этом всем надо знать, когда рассуждают о «человеческом материале», с которым пришлось иметь дело Реформатору. Насколько этот сложнейший «конгломерат», под назва-

нием «советский народа», был способен к переменам, которых он, безусловно, ждал и хотел?

Здесь же надо искать и объяснение, почему стало возможным появление ГКЧП, к которому основная масса могла бы и приспособиться в случае его победы, вполне возможной, если бы не та наиболее активная часть общества, о которой мы сказали вначале. Ведь согласно Достоевскому, который полнее и точнее, чем кто-либо из классиков, отобразил характер российской нации, «человек есть существо, ко всему привыкающее».

Материал главы, надеемся, побуждает задуматься над тем, почему великое государство так «легко» и вроде неожиданно рухнуло — от толчка полдюжины ничтожеств (август 1991 года) и в результате сговора довольно посредственных персон, оказавшихся во главе трех республик (декабрь 1991 года).

Портрет, который мы попытаемся нарисовать, свидетельствует, что в 1985 году Советский Союз уже не был здоровой, жизнеспособной и величавой державой. Это было слабеющее государство, утратившее свой первоначальный импульс, застрявшее на своем «особом пути». И Горбачеву пришлось заниматься лечением физически и ментально больного организма, который плохо поддавался выздоровлению.

Не мудрено, что в атмосфере Перестройки обозначились две тенденции: центробежная и центростремительная. Первая из них вырвалась на авансцену, как только лопнул тоталитарный обруч, обеспечивавший единство советского государства. Соответственно и образовались две противоположные политики, опиравшиеся на объективно обусловленные тенденции. В борьбе этих двух политик огромную роль приобрел так называемый «субъективный фактор» со всеми его позитивными и негативными качествами.

Так или иначе, но приходится констатировать, что **нация** (т.е. тогда это «советский народ», с его в основном русским корнем), утратившая «имперский импульс», уже не в состоянии была выдвинуть достаточно крупную и сплоченную силу, способную — в условиях цивилизационного надлома к концу

столетия — реализовать новаторский и спасительный вариант развития.

Теперь перейдем к «портрету».

Какие черты, признаки, странности, нелепости, несовместимые, казалось бы, явления отличают брежневское 20-летие?

Попробуем воспроизвести образ той советской жизни, располагая явления вразной. Одно накладывается на другое, как и было в действительности.

Начало непривычное: свергнутый Хрущев не был уничтожен.

Объявлено «коллективное руководство», которое, впрочем, продержалось недолго.

Косыгинская экономическая реформа, загубленная на корню ради раздувания военно-промышленного комплекса (ВПК).

Сорванное по той же причине намерение по-крупному продвинуть агропромышленный комплекс.

20-летие окончания Войны. Возрожденная Брежневым память о ней, о Великой победе из сокровенной части национального самосознания превращается вскоре в объект охранительной идеологической манипуляции.

Менялся взгляд на Войну. Это отразилось в литературе. На смену писателям — «реалистам», создателям «окопной прозы» (Бакланов, Бондарев, К. Симонов, Казакевич, Тендряков, Носов...), востребованными стали другие — с трагическим звучанием, с гневом против бессмысленных потерь, с намеками на преступно бездарное командование, с ассоциациями насчет похорожести столкнувшихся в этой схватке режимов (Быков, Адамович, Воробьев, Кондратьев, Астафьев, напрямую — Гроссман...). И — со швейковским оттенком (романы Окуджавы, Войновича).

Духовную жизнь много пока еще читавшей страны будто «накрыла» новая волна высококачественной художественной прозы, драматургии — так называемое «поколение 40-летних»¹. Все заметнее уход от «соцреализма». Считалось «плохим то-

¹ Аксенов, Айтматов, Войнович, два Ерофеева, Гладилин, Стругацкие, Трифонов, Белов, Солоухин, Георгий Семенов, Георгий Садовский, поздний Катаев, Давыдов, Шукшин, Астафьев, Можаяев, Вампилов, Казаков, Грекова, Воробьев, Битов, Петрушевская, Орлов, Довлатов, Рыбаков, Домбровский, Распутин, Абрамов, Приставкин, Борис Васильев, Ю.Поляков, Маканин, Искандер, Рошин,

ном», если не приспособленчеством ради «проходимости» и тиража, славить коммунизм и партию. Правда, антисоветские «мотивы» проскакивали только на краях, соприкасаясь с диссидентско-эмигрантской литературой. Но стиль, характер, сюжеты новой литературы отвечали уже другим интеллектуальным и нравственным потребностям, свидетельствовали о меняющихся ценностях довольно уже образованного общества.

Толстые журналы (плюс «Юность») выходили многотысячными тиражами, со 100% подпиской, раскупались, передавались из рук в руки. Книги издавались, как правило, тиражами, превышавшими 100.000 экземпляров, а бывали и миллионные. Шли нарасхват, продавались втридорога из-под полы. Еще до выхода на них записывались в очереди.

Шестидесятые — начало восьмидесятых годов — это время теле-кинематографии высочайшего художественного уровня². Фильмы и телесериалы создавали **культурное про-**

¹ Розов, Горин, Володин, Гельман. Поэзия была представлена достойными наследниками «Золотого» и «Серебряного» ее века (Самойлов, Слуцкий, Новелла Матвеева, Рубцов, Кушнер, Чухонцев, Кузнецов). Стихи сошли со стадионных трибун, но продолжали звучать имена Беллы Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенского, Рождественского. Книжонки больших и малых поэтов (а их было десятки) расхватывались походя в газетных киосках, читались в трамваях, в метро, в электричках, на вечеринках. Вернулись к читателям великие Пастернак, Заболоцкий, Мандельштам, Ахматова.

² Назовем главные сериалы и фильмы, которые волновали людей, просвещали, утверждали достоинство человека, «чувства добрые» пробуждали: «У твоего порога», «Обратной дороги нет» (первый успешный сериал), «Председатель», «Адъютант его превосходительства», «Семнадцать мгновений весны», «Белое солнце пустыни», «Ася Хромоножка», «Ирония судьбы», «Добро пожаловать!», «Бег», «Берегись автомобиля», «Вокзал для двоих», «Место встречи изменить нельзя», «Зеркало», «Пять вечеров», «Берег», «Горячий снег», «Гамлет», «Кавказская пленница», «Зимняя вишня», «Первый учитель», «Белорусский вокзал», «Три тополя на Плющихе», «Мама вышла замуж», «Дело было в Пенькове», «Простая история», «Доживем до понедельника», «Двадцать дней без войны», «Старший сын», «Ночевала тучка золотая», «Бриллиантовая рука», «Москва слезам не верит», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Деревья умирают стоя», «Живет такой парень», «Одиноким предоставляется общежитие», «Вечный зов», «Никто не хотел умирать», «Продлись, продлись очарованье», «Начало», «Застава Ильича», «В огне брода нет», «Летите голуби», «Мой друг Иван Лапшин», «Проверка на дорогах»...

Эти и не названные здесь - западали в народной памяти на десятилетия вперед. Значит, несли в себе толику - большую или меньшую - непреходящих ценностей, которые вроде бы не должны бы исчезнуть вместе со строем, в котором родились.

странство, пронизанное гуманистическими представлениями, создавали вторую, виртуальную реальность, где было полно людей добрых, смелых, самоотверженных, порядочных, честных, красивых и умных. Пусть «пространство» это было обманчиво. Но оно было **культурное** (в основном). С функцией, если угодно, общесоюзной «сказки», где были и злые, и хорошие, и где справедливость, как правило, побеждала. Сказка всегда «во благо», но и порицает зло. Доступные практически всему населению, талантливые советские фильмы позволяли удерживать нравственность значительной его части в приличном состоянии.

И, конечно, среди характерных черт той эпохи нельзя миновать **советскую песню**. Это явление уникальное в мировой культуре. К началу 70-ых, когда как раз стал все заметнее застой в экономике и по другим направлениям, советская песня вошла в пик своего расцвета. (Так не раз бывало в истории с явлениями культуры на нисходящих этапах развития общества). Советская песня была «продуктом» невероятной концентрации композиторских, вокальных и поэтических талантов. Собирала их со всех концов страны — от Латвии до Азербайджана, от Москвы до Новосибирска и Иркутска.

Песни разных жанров и настроений, замечательно мелодичные, в основном свободные от примитивно-назидательной идеологической начинки, содержательные по смыслу (в отличие от нынешних!), они несли людям простые человеческие ценности, даже «бытовые», «обиходные» — веселые и задорные, печальные и лирические, размышляющие и даже мудрые, возвеличивавшие доброе, достойное, красивое.

Шли они в изобилии с многочисленных концертных эстрад, по радио и телевидению, из кинофильмов, которые — почти ни один — не обходился без новой песни, многие из них подхватывала «улица». Кто из тех поколений не помнит Муслима Магомаева, Юрия Гуляева, Марка Бернеса, ту Пугачеву (с Паулсом), Валентину Толкунову, тогдашнюю Гурченко, Эдиту Пьеху, Кобзона, Лещенко, Эд.Хиля, Анну Герман, Сенчину, Георга Отса, «песняров», Рыбникова с его «Заречной улицей»?!

Общедоступная музыка, песня в исполнении и профессионалов, и актеров кино и театра, умные и часто разительно талантливые создавали некий постоянно действующий *atmosphère* в «бытийственном процессе» (по Бердяеву) советского времени, внося немалый вклад в поддержание нравственно-культурного уровня многонационального народа... — при всей бездарности, пошлости и уродствах политического и экономического состояния страны.

Народные кумиры — Высоцкий и Окуджава, их любили и восхищались тоже отнюдь не за прославление Советской власти и существующих порядков. Высоцкий, едва ли не лучше сотен писателей, поэтов и журналистов гениально отрицавший «эпоху», — властитель дум и чувств послевоенных поколений — бросил яростный вызов брежневиаде.

Тамиздатовские сочинения Солженицына, в первую очередь, «Архипелаг ГУЛАГ», проникавшие в СССР и здесь подпольно размножавшиеся, знали уже десятки, если не сотни тысяч людей. Они регулярно транслировались зарубежными радиостанциями.

То же — с публичными обращениями, брошюрами Сахарова, хотя и в более узком кругу.

Театр «Современник», «Таганка» Любимова, отчасти «Ленком» — оппозиционные. Но другие — пустовали, а сюда ломались.

Выставочные залы — всегда заполнены. В Третьяковку обычно не попасть. Публика ломалась на «разрешенные» эпатажные манежные выставки весьма посредственного живописца Глазунова и равнодушно отреагировала на позорные события, связанные с «бульдозерной выставкой»: «авангард», как всегда, был России «не по душе».

Так или иначе, при всех ограничениях, пустотах, нелепотях и часто драматичности — соприкосновения советского общества с культурой, невозможно отрицать, что интеллигенция — в пределах дозволенного и пусть на недостаточном для XX века уровне, в искаженной идеологией форме — выполняла свою просветительскую, интеллектуальную и нравственную функцию. (Безвозвратно утраченную вместе с гибелью Пере-

стройки. И сама погибла как источник и хранитель духовности нации).

Шестидесятничество. Не общественное движение, а скорее, состояние умов довольно значительной образованной части общества, очнувшейся после XX съезда и «оттепели» от дурмана «культы личности». Интеллигенция со своими критериями порядочности, честности, человечности, вновь устремилась к «поиску правды, справедливости, духовности».

Свободомыслие шестидесятников, в основном, лояльное к «социализму», тем не менее, отторгало их от режима, часто сталкивало с властями. Отсюда — «подписанчество», протестные послания и открытые письма в «высшие инстанции», апелляция к Западу и к своей Конституции, которую власти и не собирались соблюдать.

Шестидесятники духовно были близки с диссидентами, но это не одно и то же. И те, и другие тайно собирались на «интеллигентских кухнях», в этих своего рода дискуссионных микро-клубах, где советским порядкам доставалось сполна. Были и такие, кто замыкался во «внутренней эмиграции», уходил в дворники, сторожа, грузчики. Показательно, однако, что когда Перестройка позволила этим кухонным сидельцам и грузчикам выйти на площади, их оказалось тысячи и тысячи!

«Множество разнообразно думающих людей сначала шептались по углам, потом говорили вполголоса, и, в конце концов, выходили с протестами все смелее и осознаннее. Их задерживали, судили, сажали, выпускали, и жизнь была наполнена ежедневными событиями, о которых узнавали друг от друга или по западным радиостанциям, у кого что ловилось»

(Людмила Улицкая «Зеленый шатер». Роман. М., 2010).

Старожилы вспоминают об этой стороне советской жизни как о «духовном подъеме». Социальным стержнем его была надежда на перемены.

Этой скрытно-протестной атмосфере противопоставлен был антисемитизм. Глубоко проник гнилостный вирус, брошенный в общество сталинской «космополитией» 40-х — начала 50-х гг. Антисемитская политика и «практика» властей выталкивала из СССР миллионы евреев — не самую худшую

часть российской нации, в том числе людей талантливых. Направляемый и поощряемый сверху он разлагал общественную нравственность. К интеллектуальной потере в результате эмиграции добавились губительные последствия оскорбительной дискриминации одаренных, способных, деятельных людей в науке, культуре, в вузах, на производстве, в быту...

Бегство и выдворение из страны многих значимых ее талантов. Бродский, Коржавин, Синявский, Максимов, Некрасов, Аксенов, Зиновьев, Довлатов, Войнович, Гладилин, Галич, ... режиссеры Тарковский, Любимов, ... дирижеры Кондрашин, Ростропович, Ашкенази, Щедрин, тот же Рождественский, другие выдающиеся музыканты, знаменитые балерины и танцовщицы, другие артисты, в том числе «народные» и «заслуженные». Скульптор Эрнст Неизвестный, целая «школа» новаторов в изобразительном искусстве, в том числе жертв упомянутой выше «бульдозерной выставки», и т.д., и т.п. Дюжины.

В 1965 году событие — публикация в журнале «Москва» романа Булгакова «Мастер и Маргарита». И в том же году процесс Синявского-Даниеля. Разворот диссидентского движения. «Самиздат» и «Тамиздат». Обширный теневой рынок выпускаемых ими произведений. Подпольный журнал «Хроника текущих событий», куда стекалось все, что становилось известным об арестах, расправах, тюремных и лагерных порядках, жертвах репрессий.

«Голоса» слушали повсеместно, изловчаясь обходить глушение.

Соответственно...

Вся общественная жизнь и в немалой части личная находились под бдительным «оком» КГБ. В каждом учреждении, на предприятии в каждом учебном заведении или, скажем, театре был «хорошо узнаваемый» представитель КГБ, «куратор», а в больших организациях — целые «особые отделы», они же просеивали кадры. Малейшее проявление нелояльности, какое-то сомнительное высказывание, поведение, выходящее за рамки «дозволенного», бралось на учет и в определенный момент — «принимались меры» и в отношении «подозрительных», и в отношении учреждений, где их обнаруживали.

Два пуща и распад СССР

Эта «система» не особенно и скрывалась, — «чтоб каждый знал», что «о нем знают» или «легко могут узнать» там, «где надо».

Активизация сталинизма началась еще при подготовке XXIII съезда КПСС, — как реакция на шестидесятничество. Стаяли последние следы «оттепельных послаблений».

Вторжение в Чехословакию. Сокрушительная дискредитация идеологии и «имиджа» коммунизма и Советского Союза как его лидера.

Установление личной власти Генсека взамен «коллективного руководства» и подобия триумвирата (Брежнев — Косыгин — Подгорный + Суслов).

Международное совещание коммунистических партий в Москве (1969 г.) — последнее. Начало неудержимого упадка движения как фактора мировой политики. «Еврокоммунизм» — когда друзья стали критиковать и разоблачать порядки в СССР не менее остро и компетентно(!), чем враги.

Включение по максимуму в ракетно-ядерную и полностью милитаризованную гонку в Космосе. В оборонный комплекс уходила четверть ВВП. Сюда шли 75% ассигнований на науку, лучшие научно-технические силы и огромные материальные ресурсы — за счет развития гражданских отраслей и жизненного уровня народа.

Освоение месторождений нефти и газа в Западной Сибири — переключение финансово-экономической политики «на трубу».

Устаревшие основные производственные фонды. На некоторых фабриках можно было обнаружить станки с дореволюционной «пропиской». Закупленное за нефтедоллары и золото иностранное оборудование (даже целые заводы) плохо осваивалось, иногда ржавело на складах, обслуживалось не квалифицированно.

Разрастание обворовывавшей казну теневой экономики. Удовлетворявшая какой-то спрос, она не к нормальному рынку причала, а питала базарную психологию, для которой «не обманешь — не продашь».

Обезлюдение деревни, окончательная гибель собственно крестьянства. Колхозно-совхозный строй в 70-х годах практи-

чески обанкротился совсем. Голод и массовый падеж скота удавалось предотвращать за счет тех же нефтедолларов — растущего из года в год импорта продовольствия. Россию, когда-то житницу Европы, кормили фермеры Канады, США, Аргентины, Франции и т.д. В советском импорте пятую часть составляло продовольствие.

Дефицит, очереди и отвратительное качество товаров — головная боль повседневной жизни.

Повальное пьянство, подрывающее физическое и нравственное здоровье нации, особенно ее главной составляющей — русских.

Школа, вырвавшаяся одно время в разряд самых лучших в мире образовательных систем, начала сдавать позиции. Слабел учительский контингент, падал уровень подготовки преподавательских кадров.

ПТУ превратилось в отстойник дебилов и хулиганов, а на заводах и фабриках не хватало квалифицированных рабочих, профессионалов.

Высшее образование для многих стало самоцелью, а то и способом «скосить» от армии.

Переполненные детдома — ужасные условия, нищенское содержание. Массовые отказы забирать новорожденных из роддома.

Количество заключенных на порядок превышало их число при царизме. Но политических заключенных (как и sex'a) в СССР, оказывается, не было!

Пятимиллионный человеческий потенциал растрачивался в армии или замкнут в ВПК, обескровливавшего экономику якобы для отражения якобы нависшей угрозы. Более 100 млрд. из 500 – 600 млрд. госбюджета шло «на оборону».

17 – 18 миллионов партийных и государственных чиновников ежедневно надрывались в учреждениях и заведениях, в органах и организациях, в столицах и в провинции. Плюс также исчисляемой миллионами «корпус» пропагандистов, денно и ночью прославлявших порядки в «самой передовой и счастливой стране» и «давали отпор».

Пропагандистско-политическая поверхность пучилась от вала переходных знамен в соцсоревновании и награждений

городов, областей, республик, заводов, фабрик, институтов, колхозов, совхозов, ферм, цехов,.. сотен и тысяч трудящихся.

Зияющий разрыв между благосостоянием **номенклатуры**, других прикармливаемых категорий и жизненным уровнем основной части населения.

«Номенклатура» — понятие не однозначное. Это не только люди непосредственно при власти — те, кого потом стали презрительно именовать «начальством». Это и назначенцы партийных органов в государственных и административных службах разного уровня, на предприятиях, в учреждениях, в общественных организациях и в комсомоле, в сфере культуры, и, конечно, в средствах массовой информации. Вместе со взрослыми членами семьи это миллионы.

Далеко не все номенклатурные члены КПСС чувствовали себя правящим классом, хотя и состояли в единственно правящей партии, насчитывавшей к концу брежневской «эпохи» почти 20 млн. человек.

К концу «эпохи» уже ощущалась искусственность пребывания в партии такой огромной массы людей. Тем более, что, по сути, она была уже идейно и социально далеко не однородна.

Члены КПСС часто «в душе» глубоко расходились во взглядах — и на Советскую власть и ее историю, на сложившиеся порядки, на внешнюю политику, на «вождей» в ЦК и в Кремле. Особенно, по отношению к Сталину и его наследию, к сталинизму. Отличались они друг от друга и по своим моральным качествам. Это касалось не только рядовых, не обремененных официальной ответственностью, но и довольно высоких этажей номенклатуры, где тоже копились даже и оппозиционные настроения.

«Верующих» в социализм-коммунизм в рядах КПСС было меньшинство, во всяком случае — к 70-ым годам. Зато был большой слой ортодоксов марксизма-ленинизма (иногда просто фанатичных), как карьерных, так и искренних. А вернее сказать, людей по убеждению или из приспособленческих соображений считавших, что «партия всегда права», что бы она ни провозглашала и что бы ни делала. Немало было и тех, кто

просто соглашался с «правилами игры», сопротивляться которым было бессмысленно и «себе дороже».

Наверху мелькали дутые фигуры, появлявшиеся там по законам сталинско-хрущевского отрицательного отбора. Воронов, Полянский, Шелест, Шелепин, Подгорный, Кириленко, Тихонов, Кулаков, Алиев, Соломенцев, Устинов, Пельше, Демичев, Мазур, Романов, Черненко,... кто там еще? Все «Герои социалистического труда». Картинки их самонаграждений и поздравлений с поцелуями в засос то и дело появлялись на экране ТВ на потеху публике.

Над всеми парил «лично товарищ Брежнев» — Генсек и пятизвездный герой, лауреат Ленинской литературной премии — за «Малую Землю» и «Целину», под конец — жалкий марзмати́к, не понимавший, что он читает с государственной и партийной трибуны.

Большинство, разумеется, жило обычной «мещанской» жизнью. Дружили, развлекались, влюблялись, женились, разводились, растили детей, ссорились-мирились,.. рыбачили и охотились, копались в своих огородах, ездили в дома отдыха и даже на курорты, сидели перед телевизором, бывали в кино (часто), читали книги (много читали), присутствовали на собраниях, участвовали в демонстрациях по праздникам, устраивали и свои праздники, совершали поступки и преступления. Ходили на работу и на службу, в институты, писали дипломы, защищали диссертации, сеяли-пахали... Тысячи занятий, причувших правило «жить, чтобы работать» (а не наоборот). Для кого-то это составляло и смысл своей частной жизни, самого своего существования. Кому-то везло, кому-то улыбалось счастье, кто-то был доволен скромным благополучием. Согласно восточной легенде, гениально обработанной Анато́лем Франсом, все шло по трехчленной формуле, к которой сводится всемирная история: «они рождались, страдали, умирали». В общем, «жить, как говорится, было можно»... до поры до времени. Так сказать, на микроуровне, в краткосрочной перспективе. А на «макро», на дальнейшее?..

В обстановке «нутряного» страха, внедренного со сталинских времен, страха лезть в большую политику, даже открыто судить о ней, партия, олицетворяемая властной частью но-

менклатуры, сохраняла «руководящий» потенциал. И плохо-бедно держала страну «на плаву».

Застой был не только в экономике, не только в государственно-политической жизни. Застой 70-х годов поразил и общественное сознание. «Марксистско-ленинская» мифология, которой было пропитано это сознание, уже не давала удовлетворительных ответов — куда идем и что же, в конце концов, означает этот коммунизм, который Хрущев обещал построить как раз к 1980-ому году? А он все — за горизонтом, теперь и движение к горизонту остановилось.

Общая цель и «большая идея» исчезли. Для Советского Союза это имело особое значение, гораздо большее, чем для большинства стран. Великая Революция задала мощный импульс для ее рывка вперед в неизведанном и лучезарном направлении. Не только принуждение и насилие, а и великий энтузиазм сохранили ее как великую. Этот импульс иссяк, а «нормальная жизнь» (по христианско-западноевропейским критериям) взамен не наступила.

Идеологическая политика, пронизанная фальсификациями, ложью, обличением происков империализма, насаждала отчуждение от внешнего мира. Этому же служил контроль над соблюдением «идеологической выдержанности» в общественных науках, в печати, и, конечно, цензура, впрочем, все более дырявая.

На почве убогости материальной жизни в закрытой системе таким способом взращивался тупой, невежественный «патриотизм». В 1968 году, например, можно было слышать: даже в интеллигентских кругах: «Мы их (чехов) освободили, а они вон как себя ведут!» Или: «Если б не вошли в Афганистан, американцы обрушились бы на нас ракетами с Юга»... Американский империализм и НАТО были неоспоримым жупелом страшной угрозы. Сомнение в этом казалось предательством. Сохранялся и «комплекс 1941 года», который заботливо пестовали. Все это позволяло оправдывать чудовищный ВПК, расходы на оборону, сопоставимые с военным временем.

Внешняя политика пронизана была риторикой на тему происков разных врагов и превосходства социализма. Что мешало проводить «реальполитик», — чтобы не скатиться к

ядерному столкновению. Отсюда Договор с ФРГ, Разрядка и Хельсинкский Акт, которому следовали лишь где выгодно нам: «третью корзину» практически игнорировали³. Как и всё другое, внешняя политика была чрезвычайно затратной сферой — не только из-за того, что отгораживала нас от наиболее развитой части мира, но и из-за огромных потерь в неэквивалентном обмене с союзниками (ради удержания сателлитов в советско-имперской орбите) и «благодаря» вливаниям в квазисоциалистические режимы в третьем мире и даже угождавшие нам монархические.

Соревнование социальных систем было давно проиграно, осталось состязание двух ВПК, которое (у нас в особенности) пагубно влияло и на экономику, и на внутренне-охранную, и на жизненный уровень, на идеологию, диктовало правила дипломатических игр. Это дьявольское противоборство вышло за пределы нормальной человеческой логики, но (у нас, во всяком случае) «не подлежало обсуждению».

В финале эпохи — большое и тоже очень затратное международное мероприятие. В очищенной от нежелательных элементов, в полупустынной Москве состоялась «Олимпиада», усеченная и неполноценная из-за кровавой и чрезвычайно дорогостоящей Афганской авантюры, затеянной чуть ли не накануне.

Прошла Олимпиада под аккомпанемент мощно-протестных похорон Владимира Высоцкого, очень контрастно смотревшихся на фоне череды провожаемых народным ёрничеством похорон генсеков и других «вождей».

Такой вот портрет брежневской эпохи — довольно сюрреалистический портрет. Чтобы изобразить его на одном полотне, пришлось бы перемешать «передвижников» и советских «лакировщиков действительности» с Филоновым и Сальвадором Дали. Не учитывая всего этого, нельзя понять ни судьбы Перестройки, ни причин распада Советского Союза.

В одном из интервью накануне своего 80-летия Горбачев напомнил о том, что говорил и раньше: мол, не начни он Пере-

³ «Хельсинки» не помешало нам поставить ракеты СС-20, нацеленные на главные европейские столицы. Обернулось это установкой «Першингов» с пятиминутным подлетным временем до Москвы.

стройку, царствовал бы себе на троне Генерального секретаря еще лет 10–15. Но, скажем мы, что бы это было — на новом витке холодной войны, в международной изоляции, в условиях нарастающей глобализации вокруг?! Пожалуй, уместно согласиться, с Юрием Афанасьевым, — «о форме умирания цивилизаций стоя», без революций и кровавых потрясений («Новое время», № 7, 2011 г.), они как бы рассыпались во времени.

Ни ЦРУ, ни высоколобые советологи из знаменитых университетов, ни диссидентствующие наши аналитики и мысли не могли допустить, что Советский Союз скоро исчезнет. Тем более — наши ученые, считавшие себя марксистами. Им, владевшим «самым передовым учением», казалось бы, и карты в руки. Некоторые, впрочем, догадывались, куда идет дело, даже «трепыхались» в своем кругу, нарывались на неприятности «по партийной линии». Но правильно «раскладывать пасьянс» им было не позволено.

А вот человек, энциклопедически образованный, освоивший мировую литературу и впитавший от нее «сознание Духа», изучавший советскую историю на интеллектуальном уровне своего знаменитого прадеда⁴, Никита Струве, заявил в ноябре 1977 года во время празднования 60-летия Октябрьской революции: 70-летия, во всяком случае 75-летия празднования уже не будет!

Два года спустя два кандидата в члены Политбюро, беседа на отдыхе в Пицунде (между прочим, в день вторжения в Афганистан) так оценили ситуацию в стране. «Всё прогнило! Всё! До основания», — сказал Эдуард Шеварднадзе. «Да, согласен», — ответил Михаил Горбачев.

Со страной «надо было что-то делать»!

Общество, рожденное революцией, не сумело своевременно «повзрослеть». Ему не доверили процесс самоопределения, самоорганизации после разрушения старого мира, навязали схему.

⁴ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — один из первых марксистов в России, выдающийся экономист, историк, философ Серебряного века, оппонент, а потом непримиримый враг Ленина.

Оно нуждалось в избавлении от абсурда, в котором его держал режим, потерявший историческую ориентацию. Все хотели воли — каждый по-своему в этом хаотическом «социуме». Образовалась своеобразная «революционная ситуация»: верхи не хотели, низы не могли.

Шестидесятники не сумели сплотиться в политически авангардную силу, как, скажем, эсеры или социал-демократы в начале XX века — тоже ведь в репрессивных условиях... Хотя численно их наверно было не меньше, чем тех тогда. (Впрочем, царской «охранке» далеко было до КГБ!).

Да они и не собирались **бороться** с режимом. Хотели лишь, чтобы он вел себя «приличнее», стал цивилизованным. Не набрав достаточной и целостной энергии, они рассеялись в атмосфере «народного» безразличия, наплевательского «пофигизма».

Диссидентство властям вскоре удалось (за вычетом единиц, готовых беззаветно бороться с режимом политически «канализировать» в эмиграционное русло и отождествить с «еврейским вопросом»). Оно стало явно маргинальным. И фактически «помогало» властям культивировать охранительно-«патриотический» антисемитизм, укрепляя заодно репрессивный аппарат.

Солженицын и Сахаров — особая статья. Солженицын — открытый противник. Он считал советское общество незаконнорожденным, а власть нелегитимной. Его цель — уничтожить.

Для Сахарова советское общество было исторической данностью, подлежащей исправлению и могущей быть исправленной. Если даже считать Сахарова диссидентом (на что сам он никогда бы не согласился), он не чета какому-нибудь Буковскому и даже Ковалеву, хотя и требовал от властей в конкретных вопросах того же, что они.

Само появление таких крупных и своеобразных фигур в брежневскую «эпоху» — знак морально-политической несостоятельности власти и хронической социальной болезни страны. Они и поставили ей такой диагноз, тем самым готовили советских людей к переменам. Но ни они, ни шестидесятники, ни диссиденты, ни примкнувшие к ним (и нашедшие в диссидентах поддержку) волнения среди репрессивных наро-

дов, требовавших возвращения на родную землю, не могли сдвинуть с диктаторских заклепок режим, представлявший так или иначе в глазах большинства населения и во внешнем мире сверхдержаву.

Важно и то, что российскому обывателю враждебность к «Советской власти», которую он привык отождествлять со «своей» страной, была чужда. «Воспринималась — в снисходительном варианте — как «интеллигентская выпендрель». «Интеллихенция» — отбивался Брежнев, издевательски реагируя на приставания Юрия Арбатова, которому Л.И. благоволил, доказывавшего Генсеку необходимость «введения демократии». И это, увы! отражало массовое отношение к политике как «не наше дело»!

Короче говоря, истощенная нация, особенно ее главная, русская часть, не в состоянии была вычленив из себя «армию революции». «Революция» могла придти только «сверху». И она пришла, в облике Перестройки, которая и дала волю. Её не удалось отобрать в августе 1991 года. Но люди, повторюсь, не знали, что с этой волей делать, и попали в руки державников нового образца.

Вот природа и первого, и второго путча.

* * *

С приходом Горбачева не сразу возникла дилемма: можно ли, трансформируя режим, сохранить государство как многонациональный союз?

Объективные предпосылки и средства для этого имелись. На них и рассчитывали.

Масштаб страны, исторический и географический. Преобладающая часть населения в поколениях привыкла жить в большой стране, на пространстве, подобном «вселенной».

Русский язык, действительно великий и могучий, ничем нельзя было заменить, если хотеть чего-то добиться в каком бы углу этой страны ты ни жил и к какому бы этносу ни принадлежал.

Общность образования, школьного и вузовского, стержнем которого была неоспоримо господствовавшая русская культура, а также и наука, существовавшая на русском языке.

Интернациональная политика на протяжении десятилетий — при всех ее грехах, ошибках и извращениях — сумела внушить большинству идентификацию себя как советских граждан. Тем более что во внешнем мире нас так и воспринимали — как советских, будь ты русский, грузин, татарин и т.д.

Экономика — единый хозяйственный комплекс — охватывала все сферы жизни страны от края до края. Была построена на максимальной взаимозависимости и взаимопроникновении — и на производственно-распределительном, и на техническом, и на профессиональном уровне, в межрегиональных и в межчеловеческих связях и т.д.

Репрессивно-идеологической власти партии сопротивляться до поры до времени было непродуктивно даже с точки зрения личного интереса, не говоря уж о страхе перед расправой.

Непререкаемый авторитет Генерального секретаря ЦК КПСС, возможности которого, по словам Горбачева, превосходили то, чем располагался любой современный президент или премьер.

Однако исторический ресурс этих «средств», их эффективность и значимость истощились к концу XX века.

В каждом из названных «ресурсов» была своя «червоточинка».

В обширности страны — проблема управляемости.

В языке — господство русского воспринималось как ущемление других.

В науке — с одной стороны, она слишком «русская», с другой, слишком оторвана от всемирного потока научной и философской мысли.

В партии — что она уже не монолит.

В репрессивном аппарате — его позорное ГУЛАГ^овское, сталинское прошлое.

В идеологии — ее лживость на фоне реальностей, завралась, заболтана.

В авторитете Генсека (связанном, между прочим, не только с революционным вождизмом, но и с исконным царистским комплексом) — дискредитация этого поста комичным ничтожеством позднего Брежнева и жалкой фигурой Черненко.

Тем не менее, эти «рычаги» и условия еще могли быть «использованы» для вывода страны на новый путь, для преодоления самого строя, что Горбачев и делал, поступаясь иногда частично или даже целиком тем или иным из перечисленных ресурсов.

Главное же, на что Горбачев рассчитывал, — что свобода, которую он дал, породит и наполнит новым содержанием **надежду** на возможность справедливого устройства в многонациональном сообществе народов. Но свобода трансформировалась в безответственную вседозволенность, которая делала невозможной реформацию государственного организма в отпущенный срок.

«Свобода лучше, чем несвобода». Конечно, хорошо, что это сказано сейчас главой государства. Хотя и настолько старо, что показалось неожиданно совсем новым. Но есть высказывание другого президента (о чем нам недавно напомнил один крупный ученый): «Свобода привела к выбросу всех видов зла человеческого, какие можно себе только представить» (Вацлав Гавел). Это мы испытали сполна и именно это погубило Перестройку, не дало стране выйти на достойный ее путь.

Дезинтеграционные факторы, центробежные тенденции стремительно нарастали, разные по своему происхождению.

- 1) Некоторые народы, давшие наименование советским республикам, благодаря именно Советской власти превратились в нации или протонации. В лице своей интеллигенции и партийной «элиты», тоже вскормленных советской властью и русской культурой, они стали «задумываться» о суверенности и независимости. А размах национальных движений во внешнем мире, распад империй подпитывали сепаратистские настроения. Несмотря на вековой багаж сожительства разных народов, со всем его несомненным позитивом, несмотря на то, что Советский Союз был своеобразной «империей наоборот», он все-таки оставался лоскутным образованием, где железным обручем были схвачены слишком разнородные элементы, о чем уже сказано выше. Удерживать их на одном географическом пространстве и в

одинаковым для всех социально-экономических условиях мог только тоталитарный режим, который в XX веке рано или поздно был обречен.

- 2) Центризм в унитарном государстве — со всеми его иногда унижительными правилами, часто с некомпетентностью и неразборчивостью в этно-национальных особенностях, привычкой к принуждению, к унификации — представлен был главным образом русскими во власти. Поэтому националистические настроения и сепаратистские устремления приобретали русофобскую окраску, а значит — и на разрыв.
- 3) Ультрацентрализованная экономика и соответствующее управление ею на пост-сталинских принципах, становилась все более очевидно неэффективной. Вызывали недовольство и сопротивление местных хозяйственных и технических кадров. Плановое хозяйство сталинского образца уже не могло обслуживать должным образом страну, давать приличный уровень жизни. Децентрализация стучалась в дверь.
- 4) Некоторые государства и территории, включенные в СССР в 1940-ом и 1945 годах, присоединены были насильственно, «покорены» (термин XIX века) с применением часто очень жестоких мер. Они этого не забыли, не примирились и, в общем-то, оставались чужеродными частями Советского государства. Ждали момента, чтобы заявить о своих правах. В условиях свободы быстро реанимировалась и память о завоевании у некоторых из тех, кто был включен в Российскую империю в XVIII и XIX веках.
- 5) Русский народ («господствующая нация» по старым, имперским понятиям), ослабленный генетически и физически, измученный потрясением трех войн, коллективизацией, пятилетками, перманентной чрезвычайщиной, ГУЛАГ'ом, **устал** нести союзное великодержавное бремя. Не хотел больше жертвовать ради других. Это был, пожалуй, решающий фактор, которым и воспользовались разрушители Союза.
- 6) Интернационализм как идеология и политика, хорошо послуживший многим народам, к концу XX столетия рас-

тратил свой потенциал. Он дискредитировал себя — навязчивой и хвастливой демагогией о «дружбе народов», фарисейской пропагандой о равноправии со «старшим братом», депортацией многих народов, граничащей с геноцидом, скрытой, но чувствительной русификацией, государственным антисемитизмом.

- 7) Партийно-государственная власть, хотя и привычная, превратилась в паразитическую надстройку над народами, с «кормушкой» как источнике ее особого снабжения. Она утратила моральный (в том числе революционный) авторитет. Официальная идеология, построенная на фальсификации истории не только русского, но и других народов, на обещаниях, которые не выполнялись, давно перестала быть стимулом совместного развития и единения, особенно, при новейших технических средствах коммуникации и неизбежном узнавании о жизни «за бугром».

Ненависть к «начальству», ко всем, кто с ним был связан, клекотала⁵.

И вот когда во весь рост поднялась дилемма — можно ли спасти многонациональный Союз, разрушая порочный режим, но сохраняя (в трансформированном виде) общее государство, — столкнулись две силы (представлявшие интеграционные и дезинтеграционные факторы и тенденции): одна спасительная (Горбачев), другая — разрушительная (Ельцин и «националы»).

В этот момент, на пике их соперничества по поводу нового Союзного договора и случился путч. Особенности пораже-

⁵ Наглядным и концентрированным выражением этой ненависти была акция на Старой площади и прилегающих к зданиям ЦК КПСС улицах 23 августа 1991 г. Правда, она была адресована уже перестроенной номенклатуре, тем не менее, воспринималась как «то же начальство», к тому же опозоренное только что провалившимся путчем. Эта акция — целое публичное представление по изгнанию сотрудников ЦК из их помещений — была, конечно, заранее организована ельцинской московской властью, но эмоции толпы были неподдельными.

Сквозь узкий проход между шпалерами тысяч людей шли, бежали сотрудники аппарата ЦК, в основном, рядовые — секретарши, машинистки, обслуга, референты, инструкторы... Их оплевывали, кидали в них разные предметы, оскорбляли, освистывали, улюлюкали... И если бы не заблаговременно(!) приглашенная в большом количестве милиция, могли бы случиться и расправы.

ния этой попытки вернуть страну в доперестроечное состояние создали условия для второго декабрьского путча, о чем пойдет речь в Третьем разделе Проекта.

* * *

Горбачев не раз говорил, что Перестройку надо было начинать лет на 20 раньше, тем самым признавал, что болезнь была запущена. Это не значит, что не надо было браться за лечение. Горбачев принял на себя это бремя — в этом его величие и его патриотизм! Но «поезд уже ушел». Система и основанное на ней государство не выдержали реформенных перегрузок.

При этом надо иметь в виду, — мы это попытались здесь показать, — что речь шла о чрезвычайно сложном «организме».

В нем парадоксально сосуществовали исконно российское и укорененное советское, интернационализм, шовинизм и национализм, признание превосходства русского начала и неприязнь к нему вплоть до ненависти, высокая культура и невежество, грамотность и предрассудки, законная гордость и уничижение (паче гордости), лихость и смирение, жестокость и жалостливость, терпеливая выносливость и внезапная взрывчатость, богоборчество и богоискательство...

Общество и государство были пропитаны **ложью**. Отсюда **раздвоенное сознание**: одна часть — от обязательной идеологии и официальной морали, другая — от индивидуального «здорового смысла» и простой человеческой (христианской) морали. Отсюда и оппортунистическое **двоемыслие** в «мыслящем» слое общества.

При всей своей хаотичности, разномастности и противоречивости советское общество и государство воспринималось большинством, как нечто целостное... «с отдельными недостатками в отдельных местах». Да и в самом деле это весьма своеобразное социально-политическое явление, по сути цивилизационного масштаба XX века. Перемещение его в другое русло развития было задачей грандиозной, эпохального масштаба, невероятно трудной.

Реформировать такое общество это вам — не в Германии или Японии, даже не в Китае и прочих всяких «тиграх»! Приведем в этой связи несколько выдержек из служебной записки, направленной автором этих строк Горбачеву 7 августа 1991 года:

«Страна накануне обретения новой формы своего существования⁶ — и как государство, и как общество. Политическая реформа привела к тому, что государство не только стало другим, но и сменит название. Общество стремительно идеологизируется. Монопольное доминирование одной партии заменяется плюрализмом. Гласность, свобода слова уже стали неотъемлемой характерной чертой общественной жизни.

Экономическая реформа сделала необратимым переход к рынку на основе многообразия форм собственности. Обе реформы открыли стране двери к вхождению по «общим правилам игры» в мировую хозяйственную систему.

Новое мышление содействовало таким переменам в международной ситуации, что стало возможным, по крайней мере, на главных направлениях безопасности, проводить единую, в полном смысле мировую политику. Об угрозе мировой войны редко кто вспоминает.

Вот самые главные и самые очевидные, исторического масштаба перемены за шесть лет Перестройки. <...> Но сначала недооценили глубину пропасти, в которой оказалась страна к моменту Перестройки, опомнились с опозданием, дали развернуться всюю кризисным процессам... И в результате образовался разрыв в переходе от одной экономики к другой, от одной общественной системы к другой, от одной государственности к новой. Командно-административную структуру надломили и дезорганизовали, а заменять ее новой, на основе правильно понятых принципов Перестройки, не успеваем»⁷.

Общественная мысль сейчас настроена в отношении перспектив и возможностей России весьма пессимистически. На

⁶ Имеется в виду намеченное на 20 августа подписание нового Союзного договора.

⁷ Полный текст записки см. Приложение 1.

то есть основания не только в нынешней ситуации и текущей политике, не только в наследии — ошибках, провалах, преступлениях прошлого, далекого и близкого. Даже не в том, что на крутых поворотах истории был сделан «не тот выбор».

Есть макроисторические законы, может, мистические, может, социально-биолого-климатические, еще какие-то не разгаданные, складывающиеся из случайностей, чрезмерное обилие которых характерно для одних частей человечества больше, чем для других. Они, эти макрозаконны, определяют движение цивилизаций. Россия — одна из них. И для нее, вероятно, пришел момент, когда происходит **цивилизационный надлом**. Перестройка была, можно сказать, порождением этого надлома.

Но для того чтобы выработать энергию, достаточную для спасительного выхода в новое цивилизационное русло, требовалось больше времени, чем было отпущено Перестройке, и гораздо более благоприятные условия, которых у нее не оказалось.

Здесь, может быть, самое подходящее объяснение того, что произошло с Россией на рубеже двух тысячелетий.

Подробно о ходе Перестройки, о ее свершениях и просчетах рассказано в предыдущих проектах Горбачев-Фонда («В Политбюро ЦК КПСС», «Отвечая на вызов времени», «1989 год», «Перестройка и императивы XXI века»).

В данном проекте речь идет об обстоятельствах и причинах срыва Перестройки и гибели самого государства, которое она призвана была вывести на новый, современный путь развития.

РАЗДЕЛ II

А.Б. ВЕБЕР

Подготовка и провал августовского путча

Одним из побочных следствий начавшейся в 1985 году советской Перестройки стал принимавший все более открытые формы кризис межнациональных отношений в СССР — кризис, создавший на определенном этапе прямую угрозу распаду Советского Союза. Подспудно кризис назревал давно. Предпосылки для него складывались на протяжении нескольких десятилетий — по мере формирования национального самосознания народов СССР, происходившего в условиях, когда декларированные Конституцией федеративные отношения подменила сверхцентрализованная унитарная система, воспринимавшая любые проявления национальной самостоятельности как антисоветские происки.

Почва для будущих межнациональных конфликтов была заложена сталинской «национальной» политикой — произвольным проведением административных границ, игнорированием интересов республик при размещении производительных сил, преследованиями за религиозные взгляды, русификаторскими тенденциями, а во время Отечественной войны — депортацией целых народов.

Перестройка, политика гласности и демократизации сняли «сталинский колпак» с межнациональных отношений, обнажили реальные различия в положении разных республик, вывели на свет божий скрытые ранее противоречия, обиды, очаги конфликтов. Серьезность этого вызова не сразу была осознана: привычным было думать, что национальные проблемы в СССР в основном решены, что интернациональная «дружба народов» прочно укоренилась в советском строе, а те или

В этом и следующем разделе использованы неопубликованные материалы В.В. Загладина, составившего обширную документированную хронику перестройки 1985–1991 гг. Эти материалы хранятся в Архиве Горбачев-Фонда.

иные «шероховатости» погоды не делают. Когда в марте-апреле 1986 года в Якутске произошли столкновения между группами молодежи русской национальности и студентами-якутами Якутского государственного университета, это не вызвало особой тревоги. Было принято постановление ЦК КПСС «О некоторых негативных проявлениях среди молодежи города Якутска», традиционно ориентировавшее на усиление воспитательной работы среди молодежи.

В декабре того же года произошли уже более серьезные события в Алма-Ате, спровоцированные заменой первого секретаря ЦК КП Казахстана Кунаева русским — Колбиным. Силовое вмешательство привело к жертвам. Политбюро отреагировало тоже в традиционном духе: осудило как нарушение принципов интернационализма, списав на «недоработки и упущения» на местном уровне.

Это были первые тревожные симптомы. С 1987 года национальная проблема встала во весь рост. Организованные формы приняло движение крымских татар, насильственно перемещенных в 1944 году в лагерные поселения Урала, Сибири, Средней Азии. Теперь они потребовали возвращения в Крым, восстановления автономной республики крымских татар. Начались волнения среди других репрессированных народов — немцев Поволжья, балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков...

В начале 1988 года вспыхнул конфликт вокруг Нагорного Карабаха, который в свое время, в 1920 году, был произвольно включен в состав Азербайджана, хотя 85% населения там составляли армяне. Обострение армяно-азербайджанских отношений повлекло за собой самые тяжкие последствия — армянские погромы (в Сумгаите 27–29 февраля 1988 года), в Баку (13 января 1990 года)¹, столкновения в приграничных районах Азербайджана и Армении, десятки тысяч беженцев с обе-

¹ В связи с этим было объявлено чрезвычайное положение в Баку, в город были введены войска МВД и Советской Армии. В результате возникшей перестрелки погибло 83 человека, в том числе 14 военнослужащих и членов их семей. См.: «Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства». Издание 2-е. — М., 2007, с. 124, 125.

их сторон, затяжной военный конфликт между двумя республиками.

Общественные движения на национальной почве стали набирать силу в Прибалтике, Грузии, Молдавии, зародились на Украине и в Средней Азии. Они приняли форму «народных фронтов» и подобных им неформальных организаций, которые создавались сначала под флагом поддержки Перестройки, но их лидеры, как вскоре выяснилось, с самого начала преследовали сепаратистские цели.

В ноябре 1988 года Верховный Совет Эстонской ССР принял закон об изменениях в Конституции республике и Декларацию о суверенитете, которые противоречили союзной Конституции. В ночь с 8 на 9 апреля 1989 года произошли трагические события в Тбилиси — по решению местных властей были использованы войска для разгона несанкционированного митинга, проходившего под лозунгом независимости Грузии, погибло 16 человек².

Эти события вызвали широкий общественный резонанс, подстегнув сепаратистские тенденции. В мае 1989 года Верховный Совет Литвы, вслед за Эстонией, одобрил Декларацию о государственном суверенитете, а также поправки к Конституции республики, согласно которым законы СССР признавались действующими только после их утверждения республиканским Верховным Советом. Обострение национальных проблем наложило свой отпечаток на работу первого Съезда народных депутатов СССР (май-июнь 1989 года).

Перед руководством КПСС со всей остротой выдвинулись вопросы об отношениях между союзной властью и республиками, об экономических, политических и культурных правах республик, о праве выхода из СССР. Речь шла уже о судьбе Союза. При этом выкристаллизовались две противоположные линии, столкновение которых определило дальнейший ход событий.

Одна линия, линия Горбачева — на сохранение Союза, при том понимании, что союзные начала нуждаются в обновлении, что необходимо строить подлинную федерацию, кото-

² См. там же, с. 61–65.

рая основывалась бы на реальном признании суверенитета союзных республик, наполнении его новым политическим и экономическим содержанием, при максимальном учете интересов каждой нации и народности, всего сообщества народов СССР.

Вопросам радикального обновления национальной политики с учетом новых реалий был посвящен специальный пленум ЦК КПСС 19-20 сентября 1989 года. Пленум готовился долго и основательно, тезисы проекта платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» были предварительно опубликованы для всеобщего обсуждения. В принятом на пленуме документе были определены следующие основные задачи в этой области:

- преобразования в Советской Федерации, наполнение ее реальным политическим и экономическим содержанием;
- расширение прав и возможностей всех видов и форм национальной автономии;
- обеспечение каждому народу равных с другими возможностей в реализации своих прав;
- свободное развитие национальных культур и языков;
- укрепление гарантий, исключающих ущемление прав граждан по национальному признаку.

Впервые был поставлен вопрос о разработке и подписании нового Союзного договора. Решения пленума ориентировали на демократический подход к межнациональным спорам, на диалог и переговоры, на политику, исключавшую применение силы. Но, как ни важны были эти решения, они, к сожалению, сильно запоздали. Затянулась и подготовка к созданию правовой базы реформирования Союза — нового Союзного договора.

«Нет у нас плана действий по защите федерации», констатировал Горбачев на заседании Политбюро 2 марта 1990 года³. Тогда же он поручил срочно подготовить такой план, дать конкретные предложения для рассмотрения их в Верховном Совете СССР. И вновь подтвердил неотложность этой задачи, выступая после избрания его Президентом СССР: «...Считаю безот-

³ «Союз можно было сохранить...», с. 139

лагательной разработку нового Союзного договора, который отвечал бы нынешним реальностям и потребностям развития нашей федерации, каждого народа. При этом следует предусмотреть дифференциацию федеративных связей с учетом своеобразия усилий и возможностей каждой республики»⁴.

В противоположность стремлению Горбачева сохранить Союз, в аппаратных кругах РСФСР — в ответ на рост сепаратистских настроений в Прибалтике и некоторых других республиках — сформировалась линия на противопоставление России Союзу, на независимость России, т.е. фактически на развал СССР. Эту линию — сначала неявно, а потом все более открыто — стали проводить в своих действиях Ельцин и его окружение. Они стремились внушить общественности, что Российская Федерация, освободившись от бремени «окраин», сможет быстрее двигаться по пути экономического и социального прогресса.

Горбачев был убежден, что русский народ не простит никакому руководителю «развала империи», но вместе с тем видел, как нарастают настроения, отражавшие чувства обиды и горечи за состояние российских областей. Эти чувства обострялись по мере роста все более открытых нападок на Россию со стороны некоторых национальных деятелей. На российских проблемах, констатировал он, начинаются политические спекуляции, назвав в этой связи «амбициозных критиков и разрушителей вроде Ельцина»⁵. Усугубляли ситуацию проблемы и опасности, связанные с подготовкой к образованию Российской компартии, к чему, не без дальнего прицела, подталкивали инициаторов этого дела сепаратистские круги в других республиках.

Линия на противопоставление России Союзу оформилась на первом Съезде народных депутатов РСФСР (май-июнь 1990 г.). Ельцин использовал платформу съезда для жесткой атаки против союзного Центра. Он призвал съезд принять обращение к парламентам и народам других союзных республик с предложением немедленно начать переговоры «по выработ-

⁴ Там же, с. 140.

⁵ Там же, с. 145.

ке новых взаимоприемлемых форм содружества». Избранный 29 мая председателем Верховного Совета РСФСР, Ельцин на следующий же день заявил на пресс-конференции: Россия «будет самостоятельной во всем и решения ее должны быть выше союзных»⁶.

12 июня 1990 года Съезд принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. В тот же день на Совете Федерации Ельцин утверждал: Декларация — это свидетельство того, что РСФСР «остается в Союзе». Но тут же оговорился: выработать Союзный договор трудно, вместо этого нужны «всеобъемлющие договоры между республиками без каких-либо предварительных политических и экономических условий». А затем РСФСР решит, какую долю собственности и какие права она передаст Центру и заключит с ним соответствующий договор⁷.

Под занавес съезда Ельцин предложил проект постановления, выведившего Совет министров РСФСР из подчинения союзного правительства, и такое постановление было принято. Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР В. Исаков вспоминает: «Съезд шел к концу. В один из последних дней меня вновь вызвал Ельцин и вручил несколько густо написанных листков: «Вот написал ночью. Надо успеть принять». Это был написанный лично им проект постановления «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР». <...> С первого взгляда было видно, что проект носит конфронтационный характер. Совет Министров РСФСР выводился из подчинения союзного правительства и передавался в ведение Съезда народных депутатов, Верховного Совета РСФСР. Тем самым рушилась единая вертикаль исполнительной власти. В юрисдикции Союза ССР оставались лишь девять министерств и ведомств — все остальное переводилось в ведение России. МВД РСФСР подчинялось Совету Министров РСФСР. Учреждались российская банковская и таможенная системы. Совету Министров РСФСР предлагалось заключить прямые договоры с союзными республиками и иностранными государствами, оформить в договорном порядке с

⁶ «Союз можно было сохранить...», с. 157.

⁷ Там же, с. 159.

правительством СССР отношения по управлению союзной собственностью, осуществлению функций союзных ведомств на территории РСФСР.. Куда ведет этот шаг?... Подзаголовок постановления — «Основа нового Союзного договора» успокаивал...»⁸.

Ельцин выдвинул абсурдную по своей сути идею «первичного суверенитета» — начиная от человека, затем предприятия, колхоза, совхоза, любой другой организации, районного совета и т.д. Стал выступать с этой идеей в поездке по стране в августе, посетив Татарию, Башкирию, Республику Коми, Свердловск, Кузбасс, Приморский край, Сахалин, Камчатку. Выступая в Казани, заявил: «Можете иметь абсолютно все права, что из них захотите взять, что делегировать России, никто вас подталкивать не будет». На встрече с общественностью Уфы сказал: «возьмите ту долю власти, которую можете проглотить»⁹. Позиция российских властей спровоцировала то, что получило название «парада суверенитетов»: в последующие недели и месяцы с декларациями о суверенитете выступили другие республики, в том числе автономные.

Одновременно шел другой процесс — партийно-государственная номенклатура все больше проникалась антиперестроечными настроениями. Одним из первых симптомов этого стала знаменитая статья Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», с сочувствием воспринятая значительной частью партийно-государственного аппарата, в том числе и некоторыми членами Политбюро. В апреле 1989 года Горбачев констатировал: «Кадры охватывает ностальгия по прошлому»¹⁰.

Угроза распада СССР способствовала формированию консервативной оппозиции курсу Перестройки, ее глашатаем стал второй человек в руководстве партии Е. Лигачев. Выступая на пленуме ЦК 16 марта 1990 года, он говорил: «В нашем обществе обозначились силы, люди, которые, прикрываясь и

⁸ Исаков В. Председатель Совета Республики: Парламентские дневники 1990–1991. — Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. С. 128, 129.

⁹ «Союз можно было сохранить...», с. 165, 166.

¹⁰ Там же, с. 65.

спекулируя лозунгами Перестройки, вынашивают намерение развалить общество, партию, выхолостить ленинские принципы ее построения и деятельности (что относится к Уставу КПСС). А проще говоря, преобразовать ее в социал-демократию, ввести в стране частную собственность и реставрировать капиталистическое производство». Пришла пора, заявил Лигачев, «дать отпор антисоциалистическим силам».

Спустя несколько дней Лигачев направил Горбачеву письмо, написанное «после мучительных размышлений». Там говорилось: «Страна подошла к пределу. Нависла реальная угроза целостности советской федерации, единству КПСС. <...> В обществе действуют силы, противостоящие социализму. <...> Под флагом демократии, гласности идет размывание идейных и моральных устоев общества. Разрушительная работа оппозиционных сил смыкается с враждебными силами извне. Вслед за Восточной Европой они поставили цель «раскачать социализм» в СССР, сорвать общественные преобразования на путях научного социализма, перевести нашу страну в рамки капиталистического развития». Лигачев призывал добиться размежевания, очищения рядов партии «от тех, кто занимает позиции ревизионизма, социал-демократизма, национализма»¹¹.

В ходе подготовки Российской партийной конференции возникло движение за создание Российской компартии со своим ЦК. Аргументировалось это желанием «уравнять» Россию с другими республиками: всюду, где, есть республиканские компартии, кроме РСФСР. Фактически же РКП замышлялась как платформа для консолидации антиперестроечных сил в КПСС. Одним из тех, кто стоял за этим проектом, был Лигачев. Утверждая в своих воспоминаниях, что РКП, а также Крестьянский (Агропромышленный) союз создавались «с целью сопротивления антисоциалистическим силам», он замечает: «В их организации, в подборе руководителей я принимал самое непосредственное участие...»¹².

Появление РКП вело к превращению КПСС в аморфный союз компартий, а это — к расколу СССР. Горбачев понимал

¹¹ Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. — М., 1992. С. 96–99.

¹² Лигачев Е.К. Кто предал СССР? — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 279.

эту опасность, предупредил о ней. Но пришел к выводу, что в тех условиях помешать созданию РКП уже невозможно. И предложил решать вопрос на XXVIII съезде КПСС, решать таким образом, чтобы сохранить контроль со стороны руководства КПСС. В противоположность этому Лигачев на том же заседании Политбюро заявил: быть или не быть РКП — вопрос уже решен, и надо «идти на XXVIII съезд с уже созданной Компартией России. Это укрепит наши позиции на XXVIII съезде»¹³.

Конституирование РКП было ускорено принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Поддержав создание РКП, Лигачев объективно играл на руку «ельцинистам», смыкаясь с ними в противодействии курсу Горбачева. Незадолго до XXVIII съезда, выступая на Крестьянском съезде, он публично заявил о несогласии с курсом Горбачева, политика которого, как он утверждал, «ведет к расколу СССР»¹⁴. Для настроений в высшем эшелоне партийных функционеров показателен и такой эпизод. Перед открытием XXVIII съезда (июль 1990 года) в гостинице, где жили делегаты, собралась группа влиятельных секретарей обкомов и крайкомов, и говорили они о том, что главное для них — отделить Яковлева и Шеварднадзе от Горбачева, «а с самим Горбачевым они как-нибудь справятся»¹⁵.

Таким образом, наряду с национал-сепаратистской оппозицией Перестройке обозначилась доктринально-идеологическая, в защиту коммунистической ортодоксии, советского «государственного социализма». Эта линия размежевания стала неизбежной, когда выяснилось, что дело идет к изменению общественно-политической системы. Консервативные круги стали воспринимать установку на использование рыночных отношений, на признание частной собственности в рамках многоукладной экономики как «предательство социализма»,

¹³ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). Издание 2-е, исправленное и дополненное. — М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 619, 620.

¹⁴ Грачев А. Горбачев. — М.: Издательство Вагриус, 2001. С. 284.

¹⁵ См.: Степанков В.Г. ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир. — М.: Время, 2011. С. 11.

как переход на социал-демократические позиции, будто бы а priori враждебные социализму.

Осенью 1990 года произошло резкое обострение политического кризиса в стране. Борьба развернулась вокруг выбора программы перехода к рынку, прежде всего — между союзным правительством и российским. Соглашаясь на словах с необходимостью единой программы, Ельцин поставил условием отставку правительства Н.Рыжкова. На самом деле Ельцину нужна была не общая программа, а собственная, подрывающая позиции Центра.

Еще 19 июля Верховный Совет России принял закон о контроле над банковской сетью и сберегательными кассами (дезавуированный сразу же союзным правительством). 20 сентября Верховный Совет РСФСР потребовал отставки правительства Рыжкова, утверждая, что оно лишилось доверия масс и неспособно вывести страну из кризиса.

Верховный Совет СССР предоставил Президенту СССР чрезвычайные полномочия на период перехода к рынку, но Ельцин отверг предложенный Горбачевым синтез программы экономической реформы. В телевизионном выступлении 16 октября Ельцин обвинил Центр в стремлении ограничить суверенитет Российской Федерации, сорвать переход к рынку, сохранить административно-командную систему. И предъявил нечто вроде ультиматума: либо принимаются его требования, либо — дележ власти, собственности, вооруженных сил.¹⁶

Это был вызов, который угрожал дальнейшим подрывом усилий союзной власти стабилизировать ситуацию в экономике. Горбачев на заседании Верховного Совета СССР 19 октября сказал: «Складывается впечатление, что за негативными отзывами на рассматриваемый нами сейчас документ («Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике») стоят не деловые аргументы, а какие-то иные, скорее всего политические соображения. Я хотел бы ошибиться. Но ведь все мы должны отдавать себе отчет в том, что в нынешней тревожной ситуации программу стабилизации экономики, затрагивающую жизненные интере-

¹⁶ Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 283.

сы страны, аморально превращать в предмет политических игр». («Правда», 20 октября 1990).

Развернулась «война законов». В ответ на принятый Верховным Советом СССР закон, подтверждавший приоритет союзных законов по отношению к республиканским, Верховный Совет РСФСР в тот же день (24 октября) подтвердил свое решение о приоритете республиканского законодательства. Чуть позднее (31 октября) принял закон об экономическом суверенитете России (объявленный недействительным союзными властями). Горбачев заявил на заседании Верховного Совета СССР: «...Идет самая настоящая политическая борьба, борьба за власть... Эта борьба приобретает конфронтационный характер и ее участники не брезгают никакими средствами» («Правда», 17 ноября 1990).

Оценивая ситуацию, Горбачев говорил о наступлении «фазы решающих событий», о «тихой контрреволюции», о том, что страна «на грани гражданской войны» (в беседе с американским послом Мэтлоком)¹⁷. На четвертом Съезде народных депутатов СССР Сажи Умалатова (с подачи, как считают, председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова) потребовала включить в повестку дня вопрос о недоверии Горбачеву.

В постановлении Верховного Совета СССР (ноябрь 1990 года) «О положении в стране» говорилось: «Обстановка в стране продолжает ухудшаться и приближается к критическому состоянию... В стране сложилась чрезвычайная ситуация, которая требует принятия радикальных мер». Горбачев предложил программу укрепления исполнительной власти, в том числе — преобразование правительства СССР в Кабинет министров, подчиненный непосредственно Президенту. Эти предложения были приняты.

В сентябре-декабре 1990 года в высказываниях разных политических деятелей, не говоря о СМИ, все чаще возникает тема чрезвычайных мер с применением силы. В. Болдин, руководитель аппарата Президента СССР, в интервью корреспонденту «Известий» (оно, правда, не было опубликовано) недвусмысленно высказывается в этом духе. Реагируя на реплику корреспондента о том, что это может означать войну в стра-

¹⁷ См.: Грачев А. Ук. соч., с. 345.

не, Болдин отвечает: «Нет, это как раз потребует значительно меньше жертв, чем если все будет тянуться, как тянется в Оше, в Нагорном Карабахе. Я могу чего-то не понимать, но думаю, что нужно было в самом начале, когда там все разворачивалось, пожертвовать, допустим, двумя-тремя людьми, и там бы все улеглось. Если бы применили силу» («Известия», 26 августа 1991).

А. Лукьянов, принимая участников Бергедорфского форума¹⁸, говорит им: «Следует проанализировать и опыт Пиночета. Необходимо стабилизировать экономику, но без сильных институтов невозможно ввести рыночную экономику». Маршал Ахромеев, будучи военным советником Президента, публикует в «Советской России» статью, где говорится, что армия может быть использована против сил, угрожающих единству страны и ее социальной системе. Министр обороны Д. Язов проводит пресс-конференцию, развивая мысль о том, что армия призвана участвовать во внутренней политике, вмешиваться в нее. «Известия» публикуют заявление «группы 53» с призывом ввести чрезвычайное положение и президентское правление в зонах конфликтов. Ассоциация государственных предприятий и объектов промышленности, строительства и связи СССР, возглавляемая А.Тизяковым (будущим членом ГКЧП), принимает обращение к Президенту СССР с требованием ввести в экономике чрезвычайный режим.

Скрытая подготовка к введению чрезвычайного положения уже велась. Ключевая роль в этом принадлежала КГБ и его председателю В.Крючкову, назначенному на этот пост в октябре 1988 года. Когда началась подготовка? Замысел созрел не сразу, но когда во время следствия по делу ГКЧП Крючкова спросили, откуда взялось это название, он ответил: «Ну, это один из вариантов... Названия обсуждались еще с 1989 года». («Московские новости», 8 декабря 1993).

КГБ регулярно направлял в адрес Президента информацию, из которой следовало, что без введения чрезвычайного

¹⁸ Бергедорфский форум был основан в 1961 году германским фондом им. Курта Кербера как дискуссионная площадка для обсуждения актуальных тем европейской внешней политики, содействия расширению международного диалога «Восток-Запад».

положения обстановку в стране нормализовать невозможно. В начале декабря 1990 года Крючков поручил заместителю начальника Первого главного управления КГБ В.И. Жижину и полковнику А.Г. Егорову подготовить записку о первоочередных мерах «по стабилизации» обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения. Замысел состоял в том, чтобы добиться от Горбачева согласия на режим чрезвычайного положения, а если не получится (уверенности в успехе такого замысла не было), то действовать без Горбачева и вопреки ему.

Попытка повязать Горбачева своим планом была предпринята в связи с ситуацией в Прибалтике. Когда Горбачев в ноябре 1990 года вернулся из Парижа, где он участвовал в Общевропейском совещании (от которого, кстати, представители прибалтийских республик добивались получения официального статуса), Крючков, Язов и Пуго (министр внутренних дел СССР) стали убеждать его, что в Прибалтике есть «здоровые силы», они готовы действовать и надо только оказать им минимальную поддержку из Центра¹⁹.

План военной акции в Вильнюсе обсуждался 8 января 1991 года на совещании у Болдина в ЦК КПСС с участием О. Бакланова (секретаря ЦК КПСС, курировавшего военно-промышленный комплекс), Б. Пуго, Д. Язовова, В. Крюкова, О. Шенина (члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС). Еще одно совещание у Болдина было проведено 12 января: участвовали В. Павлов (сменивший Рыжкова на посту премьер-министра СССР), О. Бакланов и О. Шенин; оно закончилось уже после начала стрельбы в Вильнюсе. Вильнюсскую акцию можно считать своего рода репетицией августовского путча.

Операция силовиков, сопровождавшаяся гибелью людей при штурме вильнюсской телебашни, провалилась. Она вызвала волну протестов общественности внутри страны и за рубежом. Участники массовой демонстрации в Москве (200–300 тыс. человек) требовали отставки Горбачева, Язова, Пуго.

Все дальнейшие изыскания по поводу событий в Вильнюсе, а затем в Риге, показали, что применение там оружия про-

¹⁹ Грачев А. Ук. соч., с 345.

изошло без согласия Горбачева — убежденного противника использования силы для сохранения Союза. КГБ и военные не посвятили его в свои подлинные намерения. То, что стала возможна такая провокация, бросающая подозрения на президента, отражало состояние государственности в тот момент.

На этом попытки добиться от Горбачева поддержки чрезвычайных мер не прекратились. В начале февраля 1991 года Крючков представляет Президенту СССР записку «О политической обстановке в стране». Предлагает задействовать Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов, имея в виду образовать «в соответствующий момент... временные структуры в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным Советом СССР». Тем временем А. Тизяков готовит проекты документов о введении в стране чрезвычайного положения²⁰.

Ельцин не замедлил воспользоваться событиями в Прибалтике для новой атаки на Центр. 13 января 1991 года он направился в Таллин, где подписал документ о признании Россией суверенитета трех прибалтийских республик. В обращении к участникам массового митинга в Москве он обвинил Президента СССР в поддержке «самозванных комитетов спасения» и потворстве насилию против мирного населения.

По возвращении из Таллина Ельцин на пресс-коференции сообщил, что руководители четырех республик — России, Украины, Белоруссии и Казахстана, намерены, не дожидаясь Союзного договора, заключить четырехстороннее соглашение. Обсуждали они это еще в декабре 1990 года, в дни работы IV Съезда народных депутатов СССР, когда тайно встретились в резиденции казахстанского президента Нурсултана Назарбаева в Москве. План был сообщен Горбачеву, но был им отвергнут. Однако контакты между четырьмя руководителями продолжались, и в феврале, по признанию С. Шушкевича (председателя Верховного Совета Белоруссии), был даже

²⁰ Степанков В.Г., Лисов Е.К. Кремлевский заговор. — М.: Изд-во «Огонек», ОГИЗ, 1992. С. 129, 130.

²¹ Горбачев М.С. Понять перестройку..., с. 293, 294.

разработан «договор-заготовка», который послужил основой документа, принятого потом в Беловежской Пуще²¹.

Добившись (не сразу) прямого телеэфира на Центральном телевидении, Ельцин 19 февраля 1991 года обрушился с грубыми, оскорбительными нападками на Горбачева, назвав политику Перестройки политикой «обмана людей», прикрывающей возврат к административно-бюрократической системе. Он заявил, что отмежевывается от позиции и политики Президента СССР, требует его отставки и передачи всей власти Совету Федерации.

Свой демарш Ельцин позднее объяснял желанием продемонстрировать всем свою непримиримость, в том числе «демократам», якобы уговаривавшим его пойти на компромисс с Горбачевым в интересах страны. «Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь!» Другим мотивом, по его же словам, было опасение, что Горбачев может уступить давлению министров-силовиков, ответственных за вильнюсскую авантюру, и поддаться соблазну политики «сильной руки» (Ельцин, с. 20, 21)²².

Горбачев ответил Ельцину, заявив несколько дней спустя в Минске: «...дело здесь не в личных симпатиях или антипатиях. Речь идет о двух различных политических линиях и программных целях. Расхождение в этом». Он констатировал: пик кризиса не пройден, положение по ряду направлений не только не улучшается, но приобретает угрожающий характер.

В те же дни, как рассказал позднее бывший пресс-секретарь Ельцина, из окружения Янаева (не прошло и года, как он стал союзным вице-президентом) поступило предложение организовать его конфиденциальную встречу с Ельциным. Надо-де спасти страну... Ельцин отклонил предложение, на что последовала такая реакция: «А вы, ребята не ошибаетесь? Смотрите, не пришлось бы жалеть. И очень скоро». («Новая ежедневная газета» 18 февраля 1994 года). Горбачеву об этом Ельцин ни тогда, ни в последующем не сообщил.²³

²² Ельцин Б.Н. Записки президента. — М.: Издательство «Огонек», 1994. Страницы указаны по электронной версии этой книги: http://www.yeltsin.ru/upload/iblock/fa7/zapiski_prezidenta.pdf

²³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 2. — М.: Новости, 1995. С. 555.

Продолжая нагнетать обстановку, Ельцин заявил 9 марта на встрече в Центральном доме кинематографистов: «Нам пора идти в наступление. Давайте <...> объявим войну руководству страны, которое ведет нас в болото» («Советская Россия», 12 марта 1991). Фактически война уже была объявлена раньше, когда Ельцин провел через российский Верховный Совет бюджет РСФСР, урезавший в пять раз (!) перечисления в союзный бюджет по сравнению с предыдущим годом.

Ельцин не хотел референдума о судьбе Союза. Он сопротивлялся принятию этого решения. За пару дней до референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года, он заявил на «Радио России»: «Референдум проводится в расчете на то, чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны. Она направлена на сохранение имперской унитарной сути Союза, системы»²⁴. Однако референдум показал, что большинство граждан Российской Федерации выступают за сохранение Союза.

Позже Явлинский, отвечая на вопрос, почему Ельцин выбрал команду Гайдара, а не его, Явлинского, говорил: «У Бориса Николаевича и его ближайшего окружения были четкие политические установки, которые они считали приоритетными и хотели реализовать в любом случае. Прежде всего, это одномоментный (в прямом смысле — в один день) не только политический, но и экономический развал Союза...» Об этом же откровенно сказал как-то Хасбулатов: «Мы хотели сделать этот переворот, подписав договор, но только мирным путем»²⁵.

Эти высказывания приводит Лукьянов — лицо «заинтересованное», ему такие ссылки нужны для самооправдания. Но вот другая цитата — из воспоминаний Ю.Воронина, первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР в 1992-1993 гг.:

«Ельцин не оставлял идею развала Советского Союза, он к ней возвращался неоднократно. Напомню читателю и для истории, что еще 19 февраля 1991 года он призвал не просто к отставке Горбачева, но и к передаче всей полноты власти в

²⁴ «Союз можно было сохранить...», с. 212.

²⁵ Цит. по: Лукьянов А.И. Август 91-го. Был ли заговор? — М.: Алгоритм: Эксмо, 2010. С. 130, 131.

СССР Совету Федерации. Тогда эта попытка встретила резкий отпор в обществе. Тихий государственный переворот не прошел... Ельцин последовательно, шаг за шагом шел к разрушению Союза и задолго до предательского соглашения в Беловежской Пуще ратовал за создание СНГ»²⁶.

Вот что писал сам Ельцин в своих «Записках»: «Мы (т.е. он и его сторонники. — А.В.) долго и изнурительно боролись с этой системой, начиная с 1989 года, с первого Съезда народных депутатов, впервые в советской истории боролись легально — и победили» (Ельцин, с. 18)²⁷. И по поводу своего избрания президентом РСФСР: «Горбачев представлял собой Союз, империю, старую державу (!), а я — Россию, независимую республику, новую и даже пока еще не существующую страну. <...> Я пришел с идеей самого радикального освобождения от «советского» наследия — <...> путем изменения державной, несущей, страдательной функции России» (там же, с. 28).

Попытки побудить Горбачева прибегнуть к чрезвычайным мерам продолжались и после референдума 17 марта. Лукьянов (со ссылкой на бывшего секретаря МГК Ю.Прокофьева) пишет о совещании у Горбачева 28 марта, на котором, как он утверждает, была создана комиссия под руководством Янаева для разработки конкретных предложений (хотя, как отмечено выше, Крючков позаботился об этом еще раньше). В «комиссию» (если таков был ее статус), помимо Янаева, вошли Язов, Крючков, Пуго, Павлов (члены незадолго до того созданного Президентского совета), а также Болдин и Шенин.

27 марта, накануне открытия третьего Съезда народных депутатов РСФСР, в Москву были введены войска — на этом настояли Крючков и Пуго под тем предлогом, что в связи с приуроченным к съезду массовым митингом возможны беспорядки и его участники чуть ли не собираются «идти на штурм Кремля». По требованию делегатов российского съезда в тот же день войска были выведены. Во всяком случае, предмет для разговора на совещании у Горбачев был.

²⁶ Воронин Ю.М. Стреложенная Россия: Политико-экономический портрет ельцинизма. — М.: Республика, 2003.

²⁷ http://www.yeltsin.ru/upload/iblock/fa7/zapiski_prezidenta.pdf

Заслуживает внимания, что в упомянутую «комиссию» вошли все будущие члены ГКЧП (кроме Тизякова и Стародубцева). После совещания они, по словам Лукьянова, уединились в кабинете Янаева и там договаривались о порядке работы. Формально речь шла о том, чтобы конкретизировать механизм исполнения принятого в апреле 1990 года по настоянию министров-силовиков Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Фактически, прикрываясь этим законом, «комиссия» подготавливала идеологическую и организационную базу для введения в стране чрезвычайного положения.

Было условлено, что сотрудники Крючкова, Пуго и Болдина проработают формы введения чрезвычайного положения. «Комиссия» собиралась дважды — у Янаева и у Язова. Группа генералов и офицеров из ведомства Крючкова заготовила воззвание к народу, которое потом было использовано в августе. На совещании у Язова (в Министерстве обороны) обсуждался и такой вопрос: как быть, если Горбачев не поддержит эти планы? Тогда, сказал кто-то, Янаеву придется брать руководство страной в свои руки²⁸.

Предложения (четыре варианта) были представлены Горбачеву, но он на них не отреагировал²⁹. Политика чрезвычайщины, с опорой на силовые методы, в любом случае дискредитировала бы и лично Горбачева, и всё его дело, еще больше ослабила бы его позиции во власти. Осуществить такой план хотели уже в начале апреля, во время визита Горбачева в Японию. Об этом его предупреждал А.Яковлев в личной записке: «Насколько я осведомлен, да и анализ диктует такой прогноз, готовится государственный переворот справа»³⁰. Не преувеличивал ли Яковлев угрозу? Но вот свидетельство Янаева: «...первоначально «операцию ГКЧП» ее инициаторы (прежде всего В.А. Крючков и О.С. Шенин) планировали провести в апреле 1991 года, когда Горбачев находился с визитом в Японии. Но мне удалось отговорить их от радикальных действий, пред-

²⁸ Лукьянов А.И. Ук. соч., с. 51, 52.

²⁹ См.: Кравченко Л.П. Лебединая песня ГКЧП. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 275.

³⁰ См.: Грачев А. Ук. соч., с. 363.

³¹ Янаев Г.И. ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. — М.: Эксмо, 2010. С. 40.

ставлявшихся тогда неоправданными, чересчур авантюристичными»³¹.

В начале апреля В. Крючков, встречаясь с находившимся в Москве экс-президентом США Р. Никсоном, жаловался ему, что «по горло сыт демократизацией» и советовал американцам «присмотреться» к А. Лукьянову. Накануне отъезда Никсона из Москвы члену его делегации Дмитрию Саймсу позвонил сотрудник КГБ Ю. Зимин, отвечавший за связи с группой Никсона и сказал, что у него есть сообщение для Никсона от Крюčkова. Зимин передал, что Горбачев, возможно, скоро будет свергнут, так как председателю Верховного Совета надоели бесконечные пререкания между Горбачевым и Ельциным и он решил взять власть в свои руки. Зимин добавил, что в этой борьбе за власть Лукьянова поддержат военные и КГБ³².

Информация об этом просочилась в зарубежную прессу. «Франкфуртер Альгемайне» (ФРГ) 19 апреля писала, что Верховный Совет под руководством его председателя Лукьянова может поставить вопрос об отстранении Горбачева с поста Президента СССР, опираясь на поддержку военных и госбезопасности. Аналогичные сообщения появились в те же дни в США.

Новая атака на Горбачева была предпринята на очередном пленуме ЦК КПСС 24–25 апреля 1991 года. В канун пленума 32 секретаря обкомов из 72 в РСФСР подписали письмо в ЦК с требованием отставки Горбачева. Позднее один из них, Ходырев, хвастался тем, что перед пленумом вел переговоры с командующими военных округов о свержении Горбачева³³.

На пленуме выступил премьер Павлов и снова поставил вопрос о чрезвычайном положении. «Партия утратила бдительность, — заявил он. — Кабинет министров предлагает немедленно ввести чрезвычайное положение на транспорте, в отраслях топливно-энергетического комплекса, металлургии.

³² Грачев А. Ук. соч., с. 356; Бешлосс М.Р., Тэлботт С. На самом высоком уровне: Закулисная история окончания «холодной войны»/Пер. с англ. — М.: АО «Все для Вас», 1994. С. 296, 297.

³³ Горбачев М.С. Понять перестройку..., с. 294.

³⁴ Степанков В.Г., Лисов Е.К. Ук. соч., с. 41.

При необходимости чрезвычайное положение должно вводиться и в отдельных регионах страны»³⁴. В те же дни Тизяков подготовил план смещения Горбачева и создания Временного комитета управления с передачей ему всей полноты власти³⁵.

С этим же готовился выступить на пленуме О. Бакланов. Главный тезис подготовленной им речи (текст был найден у него при обыске после провала августовского путча) гласил: «Основным условием антикризисной программы должно быть немедленное приостановление всех республиканских и региональных законов, принятых после 1985 года, ...восстановление целостности СССР в «границах 1985 года», создание Комитета национального спасения с чрезвычайными полномочиями, вплоть до введения военного положения в стране»³⁶.

Но и на этот раз осуществить задуманное не удалось: буквально в канун пленума Горбачев сделал неожиданный для многих ход, собрав в Ново-Огарево руководителей союзных республик. В числе девяти руководителей, откликнувшихся на его приглашение, был и Ельцин. Результатом встречи стало Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса. В качестве первоочередной меры называлось заключение нового Союзного договора.

Проявленная Ельциным «покладистость» объясняется, скорее всего, тем, что его настораживали сведения или слухи о готовящемся государственном перевороте. Это следует из необычных акцентов, появившихся тогда в его выступлениях. За неделю до пленума он заявил в интервью «Известиям»: не правы те, кто утверждает, будто у него «непримиримый» раскол с Горбачевым. Если речь пойдет о защите страны от правых, «мы объединимся» («Известия», 16 апреля 1991). Выступая в Европейском парламенте (16 апреля), говорил: «Не исключено, что самые ярые защитники тоталитарной системы, непримиримые

³⁵ См. там же, с. 76. Тизяков составил и список членов комитета: 1. Шенин О.С. — председатель; 2. Бакланов О.Д. — заместитель; 3. Болдин В.И. — заместитель; 4. Язов Д.Т.; 5. Крючков В.А.; 6. Пуго Б.К.; 7. Прокофьев Ю.А.; 8. Тизяков А.И.; 9. Стародубцев В.А.; 10. Костин Г.В. (Там же, с. 46). Шесть человек из этого списка вошли в августе в состав ГКЧП (Бакланов, Крючков, Пуго, Стародубцев, Тизяков и Язов).

³⁶ Там же, с. 33.

противники демократических преобразований в нашей стране вынашивают планы применить грубую силу и попытаться любой ценой сохранить старые порядки, восстановить свою власть. Если такое развитие событий может иметь место, то я готов вместе с президентом Горбачевым сделать все возможное, чтобы не допустить этого» («Российская газета», 23 апреля 1991).

Согласие на участие в новоогаревском процессе было, конечно, и обдуманым тактическим ходом: Ельцин расценивал Заявление «9+1» как важную уступку Горбачева, как шаг навстречу притязаниям российских властей или, по крайней мере, хотел представить это таким образом, поскольку заинтересован был в создании наиболее благоприятных для себя условий на предстоявших и уже назначенных тогда выборах президента РСФСР.

Второй день работы апрельского пленума ЦК начался с открытой атаки ораторов на Горбачева, но когда он в ответ заявил об уходе в отставку, возникло замешательство; ее не приняли и вопрос был снят с повестки дня. Впечатление, произведенное Заявлением «9+1» перевесило желание сместить генерального секретаря. В своем заключительном слове Горбачев решительно осудил идею введения чрезвычайного положения — как попытку возврата к политической системе, существовавшей в доперестроечные времена.

Горбачев был вынужден маневрировать. В той обстановке действовать «острием против острия» значило бы сорвать процесс до того, как он достиг «точки невозврата». «Поэтому, — вспоминал Горбачев, — маневры приходилось делать невероятные. Демократы орали: Горбачев пошел вправо! Другие орали: Горбачев пошел на сделку с леваками и прочими радикалами! Хорошо все же, что были «края» и можно было маневрировать. И использовать и тех и других. Протащить страну через этот этап. Если бы была затеяна свалка в тот момент, это бы раскололо страну, сорвало бы все, и, вообще говоря, было бы безумием»³⁷.

Запуск новоогаревского процесса породил, возможно, определенную иллюзию поворота в обществе, в политике от конфронтации к согласию. Ельцин внешне старался поддер-

³⁷ Горбачев М.С. Понять перестройку..., с. 294.

жать это впечатление, демонстрируя готовность к «конструктивному сотрудничеству». В начале мая он заявил в выступлении по Центральному телевидению: «Встреча высших руководителей республик — девяти республик и Президента страны — может положить начало существенному оздоровлению внутривластной ситуации в стране, в России, конечно, тоже... Был достигнут компромисс, который позволяет сегодня проводить реформу в условиях согласия по основным вопросам, а не противостояния и конфронтации». Но тут же с плохо скрытой угрозой добавил: если Президент уклонится от выполнения достигнутых договоренностей, «то у нас тоже есть в запасе свои варианты». («Куранты», 7 мая 1991).

В руководстве КГБ, возможно, еще не было ясности — на кого ставить. В мае 1991 года Ельцин и Крючков подписали протокол о создании российского КГБ. В этой связи представляет интерес рассказ начальника Первого главного управления КГБ (разведка) Л.В. Шебаршина о беседе с Крючковым в конце июня. Шебаршин изложил ему свои соображения: «...рассчитывать на то, что Горбачев сможет сохранить единство Союза и удерживать страну от распада, нереалистично. <...> Противостояние с Ельциным и Россией он неизбежно проиграет... Нравится нам Ельцин или нет (мне лично он не нравится), комитету и всем нам стоило бы ориентироваться на российского президента и Российскую Федерацию, ядро Союза...» И впечатление от реакции Крючкова: «Мои рассуждения Владимир Александрович не перебивает и в спор не вступает. Более того, он одобряет мысль о развитии контактов со всеми уровнями российской власти и ругает комитетскую верхушку за пассивность. Председатель говорит медленно, над чем-то раздумывая. Кажется, я невольно затронул беспокоящую его тему. — Договорились!.. Работайте, побольше информации Борису Николаевичу...»³⁸.

Ельцин вел свою игру. Для Горбачева же главным было другое: переиграть министров-силовиков. Уже после августовских событий на вопрос корреспондента «Литературной газеты» — был ли у него страх перед КГБ, он ответил: «Нет. Те-

³⁸ Шебаршин Л.В. Из жизни начальника разведки. — М.: Международные отношения, 1994. С. 93.

³⁹ Цит. по: Грачев А. Ук. соч., с.355.

перь могу сказать то, чего раньше бы не смог. Я знал их силу и должен был их переиграть»³⁹.

Переиграть — значило продвигать вперед новоогаревский процесс, демонстрируя готовность к достижению согласия и сотрудничества. В день выборов президента РСФСР Горбачев сказал журналистам на избирательном участке: «Я не мыслю Союза без России. Без нее его просто не может быть. Но точно так же Россия нуждается в Союзе... Мне кажется, что самые трудные дебаты, дискуссии, может быть даже непонимание — позади. По крайней мере, я это чувствую. Есть понимание того, что превыше всего — судьба нашего отечества, нашего государства» («Правда», 13 июня 1991).

Это подтверждала, казалось, и встреча с руководителями девяти республик 8 июля 1991 года, на которой обсуждались вопросы, связанные с поездкой в Лондон на заседание «большой семерки». На пресс-конференции по окончании встречи, Горбачев сказал: «Нас объединило чувство общей ответственности — оно и лежало в основе всех, скажу без преувеличения, исторических встреч в Ново-Огареве... Еду в Лондон не только с мандатом, основанным на собственных убеждениях, но и с общей позицией союзных республик...» Ельцин, в свою очередь, в беседе с журналистами подтвердил: «Президент СССР едет в Лондон с позицией не только Центра, но и с мнением всех девяти республик, их руководителей. Это согласованное мнение» («Известия», 9 июля 1991).

Тем временем подготовка государственного переворота уже вступила в решающую фазу. Янаев при встрече с секретарем ЦК Компартии Кубы К.Альмейдой передал ему послание для Ф.Кастро, в котором просил кубинского лидера «не беспокоиться», потому что «положение вещей скоро изменится». Это был не первый сигнал, переданный кубинскому руководству — ранее Кубу посетил Крючков, который при встрече с Ф.Кастро просил его использовать свое влияние в Движении неприсоединения с тем, чтобы оно поддержало будущее возвращение советской политики «на принципы марксизма-ленинизма». Незадолго до путча Кубу посетил и О. Бакланов (Известия, 12 и 13 сентября 1991).

Очередная попытка протащить переворот «законным» путем была предпринята на сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года. Премьер В.Павлов в этот раз выступил там с требованием предоставить правительству чрезвычайные полномочия, включая право законодательной инициативы. Отвечая на вопросы, он признал, что с Президентом этот вопрос не обсуждал (Горбачева на сессии не было). Павлова поддержали «ястребы» из группы «Союз», а косвенно — и Лукьянов, высказавшийся в пользу отделения оперативно-распорядительной деятельности Кабинета министров от деятельности Президента.

По предложению депутатов в тот же день на закрытом заседании Верховного Совета выступили руководители силовых министерств — Пуго, Язов и Крючков. Последний пугал депутатов призраком «агентов влияния», действующих по указке западных стран и, прежде всего, США. «Обстоятельства таковы, — заявил он, — что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого — равносильно самообману, бездействовать — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия»⁴⁰.

Значение «июньского демарша» не было тогда в полной мере оценено. Горбачева, как уже сказано, на этом заседании не было. На следующем заседании, которое состоялось 21 июня, он в очень гневном своем выступлении осудил демарш Павлова и вылазку министров. Но не ставил вопрос о санкциях, считая, что инцидент исчерпан. Не хотел, по его словам, обострять ситуацию, удовлетворившись тем, что очередная атака реваншистов отбита⁴¹. Инициатива Павлова была воспринята как поступок не очень опытного политически человека, как его очередной «ляп», неловкость⁴².

Между тем, если бы требование Павлова было поддержано, Кабинет министров немедленно ввел бы в стране чрезвычайное положение⁴³. Проект соответствующего постановления был подготовлен все тем же Тизяковым (найден у него при

⁴⁰ Крючков В.А. Личное дело. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 450, 451.

⁴¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 1. — М.: Новости, 1995. С. 594.

⁴² Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 954.

⁴³ Степанков В.Г., Лисов Е.К. Ук. соч., с. 42

обыске после провала путча). Пункт первый проекта постановления гласил: «Вести чрезвычайное положение на всей территории СССР» — и подпись: премьер-министр СССР В. Павлов.

Не вызвало особой тревоги поступившее 20 июня от Буша (через посла Мэтлока) предупреждение о готовящейся попытке отстранить Горбачева от власти. Горбачев сказал Мэтлоку: «Это невероятно на все 1000%». Общество «отвергнет конфронтационный подход... И тех, кто за ним стоит». Но есть силы, которых это не устраивает, они замышляют, как подорвать процесс оздоровления и не исключено, что в их среде «ведутся разные разговоры», в том числе и такие, которые подслушали американские разведчики⁴⁴.

В телефонном разговоре на следующий день с Бушем Горбачев рассказал, как только что «укоротил» Верховный Совет. В описании Черняева оценка Горбачевым «июньского демарша» была следующей: «М.С. показал, что он «хозяин положения». И если захочет, разгонит этих болтунов и провокаторов... И получит поддержку республик и всей России во главе с Ельциным. Эти кретины не понимают, что после новоогаревской «9+1» и избрания Ельцина президентом ситуация круто изменилась. У М.С. появился тыл»⁴⁵.

Неудача попыток «конституционного» переворота побуждала тех, кто его замышлял, сосредоточиться на подготовке к осуществлению его как акции против Президента. Знал ли об этом Ельцин? Надо полагать, что знал или, во всяком случае, догадывался. Когда он в июне 1991 года находился с визитом в США, заместитель советника американского президента по национальной безопасности Р.Гейтс (будущий министр обороны США) попросил одного из сенаторов выяснить у президента России, что он думает по поводу множасьихся сообщений о возможности переворота. Сенатор задал Ельцину вопрос: «Не слишком ли мы зациклились на мыслях о перевороте?». Ель-

⁴⁴ См.: Черняев А.С. Ук. соч., с. 953. Впоследствии выяснилось, что информацию о готовящемся заговоре подбросил американскому послу Гавриил Попов, бывший в то время мэром Москвы. А Буш «оформил» свое распоряжение Мэтлоку довести эту информацию до Горбачева как «данные американских разведслужб».

⁴⁵ См. там же, с. 954.

цин ответил: «Да ни в коем случае! До конца года будет переворот. Горбачев в это не верит, но я готовлюсь» (*Atlantic Monthly*, 1994, June, p. 85).

Ельцина устраивал срыв подписания Союзного договора. По его инициативе Верховный Совет РСФСР принял 12 июля постановление, в котором содержалось требование о доработке проекта Союзного договора в разрез с согласованными в нем положениями. Кроме того предлагалось подписать Договор на Съезде народных депутатов (*Правда*, 1991, 13 июля). Вероятно, в этом же духе готовилась — без ведома Горбачева — встреча руководителей союзных республик в Алма-Ате, намечавшаяся на 12 августа (она не состоялась после того, как о ней случайно стало известно Горбачеву)⁴⁶. Но Ельцин поехал к Назарбаеву в канун путча.

26 июля состоялся последний пленум ЦК КПСС. Участвовавший в нем известный публицист О.Лацис оставил следующее свидетельство: «На пленуме открыто началась подготовка к тому, чтобы на предстоявшем в конце года съезде сместить Горбачева, отклонить его реформаторскую программу и повернуть Перестройку вспять. О подготовке военного переворота большинство участников пленума, очевидно, не знало, но политический переворот в стиле 1964 года готовили вполне открыто. Самые нетерпеливые уже не хотели ждать декабря, требовали созвать съезд в сентябре. Судя по тому, как принял зал речь Лукьянова, они уже и преемника наметили» («*Известия*», 31 декабря 1991)⁴⁷.

Цитируя Лациса, Лукьянов оспаривает интерпретацию того своего выступления как призыва к путчу и замене генерального секретаря ЦК КПСС. Но не оспаривает того, что переворот готовился. И даже утверждает, что у ГКЧП были правовые предпосылки, более того — что чуть ли не сам Горбачев и создал ГКЧП в лице той группы, которой поручил еще 28 марта подготовить предложения о возможных мерах, вытекающих из ранее принятого Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения».

Но эта неуклюжая попытка оправдать заговорщиков шита, как говорится, белыми нитками. В том Законе речь шла о

⁴⁶ См.: Кравченко Л.П. Ук. соч., с. 272.

⁴⁷ Цит. по: Лукьянов А.И., Ук. соч., с. 27.

чрезвычайном положении как временной мере при стихийных бедствиях, крупных авариях или катастрофах, эпидемиях, эпизоотиях, а также при массовых беспорядках. Причем Закон устанавливал, что чрезвычайное положение на территории союзной, автономной республики или в отдельных местностях объявляют Верховные Советы союзных или автономных республик или вводит Президент СССР по просьбе или с согласия Президиума Верховного Совета или высшего органа государственной власти соответствующей республики. Таких поводов и такого права, а следовательно и оснований ссылаться на этот закон, у путчистов не было.

Непосредственной целью организаторов путча было совершить подписание Союзного договора, намеченное на 20 августа 1991 года. Их благословили на это дело авторы опубликованного ранее «Слова к народу», подписанного генералами Варенниковым, Макашовым, Родионовым, Громовым, писателями Ю. Бондаревым, А. Прохановым, В. Распутиным, народной артисткой Людмилой Зыкиной и другими. Имена Вареникова, Макашова, Проханова, как и бумаги, найденные позднее у Тизякова, как и признания Крючкова в его мемуарах, свидетельствуют о том, что эти люди не только хотели предотвратить подписание Союзного договора, но и преследовали более далеко идущие цели — отменить демократические завоевания Перестройки, вернуть общество к прежней системе, реабилитировать сталинский режим.

Спустил курок к действию подслушанный спецслужбой разговор Горбачева, Ельцина и Назарбаева в Ново-Огарево 29–30 июля. Они обсуждали план действий после подписания Союзного договора. В частности, там речь зашла и о том, чтобы в дальнейшем заменить на своих постах Крючкова, Язова, Пуго, Павлова другими людьми.

5 августа, на следующий день после отъезда Горбачева в отпуск, члены будущего ГКЧП встретились на секретном объекте КГБ под кодовым названием «АБЦ» и договорились о подготовке к отстранению Горбачева от власти. На следующий день Крючков приказал своим сотрудникам, уже упомянутым выше В. Жижину и А. Егорову, проработать план действий. Привлек им в помощь командующего ВДВ генерала П. Грачева.

По свидетельству Грачева, Жижин и Егоров были «не в восторге» от полученного задания. Спустя неделю выдали «доклад» на двух листках, к которому был приложен расклад сил и средств для усиления охраны объектов в Москве на случай волнений⁴⁸.

Межведомственной группе экспертов было поручено также составить «стратегический прогноз» возможных ситуаций в случае введения в стране чрезвычайного положения. 8 августа они доложили Крючкову результаты анализа, выразив сомнения в целесообразности этого. Но маховик заговора уже набрал обороты. Спустя несколько дней Крючков сказал Жижину и Егорову, что «решение принято» и потребовал представить перечень мер по обеспечению чрезвычайного положения. 15 августа на спецобъекте КГБ под Москвой, где велась эта работа, Грачеву показали подготовленные на основе прежних «наработок» документы: проект «Постановления № 1» о введении чрезвычайного положения, «Обращение к советскому народу», «Заявление советского руководства», а также указ вице-президента о вступлении в должность Президента Советского Союза⁴⁹.

В субботу 17 августа премьер В. Павлов неожиданно созвал заседание президиума Кабинета министров для обсуждения Союзного договора. Он рассчитывал добиться решения о том, что представленный Договор не может быть подписан. Но оказалось, что коллеги Павлова придерживались противоположного мнения: не подписывать Договор нельзя. О заседании стало известно Горбачеву, и он связался по телефону с первым заместителем премьера В. Щербаковым, высказав в самых жестких выражениях возмущение действиями Павлова. Щербаков сообщил, что, вопреки Павлову, принято постановление одобрить «в принципе» текст Союзного договора и отметить важное значение его подписания для стабилизации обстановки в стране.

Вечером 17 августа члены ГКЧП (включая Павлова) встретились вновь и приняли решение с 18-го, т.е. в воскресенье, приступить к действиям. Замысел состоял в том, чтобы попытаться побудить Горбачева подписать Указ о чрезвычайном

⁴⁸ Августовский путч: летопись событий. Сайт Горбачев-Фонда ([http://www.gorby.ru/putsch/...](http://www.gorby.ru/putsch/)) См. также: Степанков В.Г. ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир, с. 30–31.

⁴⁹ Августовский путч: летопись событий (там же); Степанков В.Г. ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир, с. 32–33.

положении, или заставить его подать в отставку. Была определена группа для поездки в Форос с этой «миссией» под руководством О.Бакланова. Днем 18 августа Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников, Плеханов (начальник Службы охраны КГБ СССР) вылетели в Крым. Было дано указание отключить связь у Президента СССР, сменить внутреннюю охрану на территории форосской дачи и установить дополнительную охрану по периметру вокруг территории дачи.

На даче в Форосе, изолированной таким образом от внешнего мира (строжайше запрещено было кого-либо выпустить), группа незваных визитеров встретила Горбачева. Ему фактически предъявили ультиматум: подписать указ о введении чрезвычайного положения, или же временно передать свои полномочия вице-президенту Янаеву, или, наконец, подать в отставку. Все эти требования Горбачев отверг. Со своей стороны, предложил: давайте созывать Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов и там решать, действуя в рамках Конституции, закона⁵⁰. Делегация удалась ни с чем. Уже из самолета по пути в Москву Плеханов сообщил Крючкову, что Горбачев отказался вводить чрезвычайное положение.

События тех августовских дней — 18–21 августа — подробно описаны в книгах Горбачева «Августовский путч» (М., 1992), «Жизнь и реформы» (в 2-х книгах, 1995), в мемуарах других участников тех событий. Документальная сторона широко представлена в книге В. Степанкова и Е. Лисова «Кремлевский заговор: версия следствия» (М., 1992), опубликованной по горячим следам, в новой книге В.Степанкова «ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир» (М., 2011), в других публикациях⁵¹.

«Бросая ретроспективный взгляд на события 19–21 августа, — писал Горбачев, — должен сказать, что логика глубоких реформ не исключала такого поворота дела. Я допускал, что

⁵⁰ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 2. С. 558. Подробнее о том, что происходило в те дни в Форосе, см. Черняев. Ук. соч., с. 970–984.

⁵¹ Фрагменты обвинительного заключения по делу ГКЧП опубликованы в «Новой газете» за 12 и 15 августа 2011 года (см. № 88, с. 11–14, и № 89, с. 16–17). На сайте Горбачев-Фонда помещены материалы проекта «Путч-1991» под названием «Августовский путч: летопись событий», где буквально по часам и минутам прослеживается то, что происходило в те дни не только в Москве, но и на местах в регионах. Хронике событий иллюстрируют фото- и кинодокументы.

развитие может принять самые резкие формы. <...> С самого начала кризисных процессов, связанных с коренным преобразованием общества, я стремился предотвратить взрывную развязку противоречий, за счет тактических шагов выиграть время, чтобы дать демократическому процессу приобрести достаточную устойчивость, потеснить старое, укрепить в народе приверженность к новым ценностям. Словом, подвести страну к такому этапу, когда любая подобная авантюра была бы обречена на провал. Моя главная цель — вопреки любым трудностям сохранить курс преобразований, удержать процесс, несмотря на его болезненность, в политических, конституционных формах»⁵².

Заговор провалился. Провалился потому, прежде всего, что не получил поддержки в обществе. По данным опроса, проведенного ВЦИОМ 20 августа, 73% респондентов назвали деятельность ГКЧП незаконной, только 13% одобрили. Демократические начала, заложенные перестройкой, дали себя знать. Попытки установить информационную блокаду успехом не увенчались. Приказы ГКЧП в массовом порядке игнорировались. Настроения в воинских подразделениях, окруживших Белый дом, включая «Альфу», показали, что они не станут выполнять приказ о штурме.

Выступление ГКЧП вызвало мощный протест жителей Москвы, которые живым щитом встали на защиту Белого дома, где находился Верховный Совет РСФСР. Массовый митинг протеста (до 400 тыс. участников) прошел на Дворцовой площади в Ленинграде. Среди заговорщиков не было полного единства, а у некоторых — и уверенности в своей правоте и готовности идти до конца. Непреклонная позиция Горбачева, отказавшегося принять ультиматум, спутала карты, усилила разлад среди путчистов.

По-видимому, Шенин и Бакланов, докладывая поздно вечером 18-го, по возвращении в Москву, о встрече в Форосе, пытались представить дело так, будто позиция Горбачева еще окончательно не определилась. В.Болдин дал следующее описание той реакции, которую вызвало их сообщение. «Среди собравшихся [в кабинете Павлова в Кремле] разгорается дискуссия, как быть, если Горбачев вдруг откажется [он уже отка-

⁵² Горбачев М.С. Августовский путч: Причины и следствия. М.: Новости, 1991. С. 5–7.

Два путча и распад СССР

зался! — А.В.] от введения чрезвычайного положения. Мнения разделились. Слышны голоса:

— Раз президент не говорит ни да, ни нет, то пусть остается всё как было.

— А вы хотите, чтобы он на весь мир протрубил о введении чрезвычайного положения? Наивно этого ожидать. Такие вещи так не делают⁵³.

Провал путча был predetermined и тем, что его организаторам не удалось ни договориться с Ельциным (на что рассчитывал, в частности, Крючков, несколько раз связывавшийся с ним по телефону), ни изолировать его. Хотя такой план был, и были задействованы для этого соответствующие силы. Но отдать приказ об этом не решились. Резервному составу российского правительства удалось вылететь в Свердловск.

Отнюдь не монолитным был и аппарат КГБ, на который опирался в первую очередь Крючков. Его заместитель Шебаршин узнал о создании ГКЧП лишь утром 19 августа. В своих воспоминаниях, записанных по горячим следам осенью 1991 года, он сообщает о состоянии растерянности и тревоги среди руководящего состава министерства. По телефонам — «встревоженные голоса ничего не понимающих и не знающих людей». Звонок Степашина (тогда — народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РСФСР): «необходимо что-то сделать, чтобы предотвратить надвигающуюся трагедию». Найдя Крючкова по телефону, Шебаршин говорит ему: «Надо договариваться, надо остановить все происходящее». Крючков бросает трубку. Узнав о подготовке штурма Белого дома, снова звонит Крючкову, просит отменить «эту затею». Крючков: «это ерунда». Шебаршину докладывают о проведенной рекогносцировке Белого дома: затевается кровавая авантюра... Снова звонок Крючкову с настоятельной просьбой отменить планы. Не получив внятного ответа, приказывает своим подчиненным не выполнять никаких указаний без предварительного согласования⁵⁴.

Не было единодушной поддержки путча и в МВД. Еще 19 августа два заместителя Пуго, генералы Шилов и Громов, решили

⁵³ Болдин В.И. Крушение пьедестала. — М.: Республика, 1995. С. 18.

⁵⁴ Шебаршин Л.В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. — М.: Центр-100, 1992. Цит. по: (<http://www.rodon.org/shlv/rmznsr.htm>)

предложить ему выйти из ГКЧП, а позднее при личной встрече сказали, что не будут выполнять его приказы. Крючкову Громов сообщил, что внутренние войска участвовать в штурме Белого дома не будут. Утром 22 августа Пуго покончил с собой, написав в предсмертной записке: «Да, это ошибка, а не убеждения»⁵⁵.

Не оправдало надежд Крючкова и Министерство обороны. Язов уже днем 20 августа в беседе с маршалом Ахромеевым выразил сомнение в успехе задуманного. В ночь на 21 августа, после разговора с главкомом ВВС Шапошниковым (который посоветовал убрать войска из Москвы), приказал остановить продвижение батальона спецназа к Белому дому. А утром 21-го отказался явиться на заседание ГКЧП, заявив Крючкову: «Я выхожу из игры. Сейчас соберется коллегия, которая примет решение о выводе войск из Москвы»⁵⁶.

Члены ГКЧП спустя час явились в Министерство обороны, где Язов сообщил им, что коллегия уже высказалась за вывод войск. Приказ о штурме Белого дома пришлось отменить. «Умели напакастить, надо уметь и отвечать», сказал Язов и предложил лететь к Горбачеву. Крючков тут же согласился: «Я тоже полечу». В 14:15 Язов, Крючков и присоединившиеся к ним Бакланов, Тизяков, Лукьянов и Ивашко вылетели в Форос. Тем временем войска стали покидать Москву⁵⁷.

Планы заговорщиков рухнули. Переворот не имел никаких шансов на успех, но он нанес смертельный удар по КПСС, вообще по Советскому Союзу. Уже 19 августа Ельцин подписал указ о том, что все органы исполнительной власти и вооруженные силы, действующие на территории РСФСР, должны перейти «в непосредственное подчинение избранного народом президента РСФСР». Перед Ельциным открылась возможность продолжить выстраивание своих структур власти, параллельных союзным, и тем самым ускорить ликвидацию Союза.

⁵⁵ Степанков В.Г., Лисов Е.К. Ук. соч., с.249, 251, 253.

⁵⁶ Там же, с. 186.

⁵⁷ Там же, с. 186, 187.

РАЗДЕЛ III

А.А. ГАЛКИН

«Сто дней» Горбачева

Последний период существования Советского Союза — от поражения первого путча до беловежского переворота — в политической публицистике нередко именуют «ста днями» Горбачева — по аналогии с кратковременным возвращением Наполеона к власти после ссылки на остров Эльба. Правда, на этот раз было не и 100, а 125 дней.

Трактовать его иначе, чем трагическим, было бы неправомерным. Путчисты, продержавшиеся три дня, нанесли стране такую рану, которая поставила под вопрос само ее существование... даже в измененном виде.

Были скомпрометированы, а в ряде случаев и полностью разрушены, центральные государственные политические и экономические структуры. Правительство, глава и силовые министры которого непосредственно руководили переворотом, а остальные члены правительства, в своем большинстве, трусливо выжидали, чем все кончится, фактически распалось.

Правящая партия, члены руководства которой либо заранее знали о государственном заговоре, либо, предав своего генерального секретаря, демонстрировали лояльность по отношению к путчистам, потеряла контроль над местными организациями, многие из которых объявили о выходе из КПСС... В массовом порядке ее стали покидать рядовые члены.

Экономические неурядицы, потрясавшие страну еще до путча, выросли на порядок. Все сильнее стал давать знать о себе хозяйственный сепаратизм. На границах многих областей и даже районов и городов стали возводить прямо-таки таможенные барьеры для товаропотоков в расчете на пополнение таким образом опустевших полок магазинов.

Напуганные путчем и возникшей в связи с ним угрозой реванша со стороны бюрократии Центра, руководители союзных

республик, в том числе и те, которые занимали до этого сравнительно сдержанные позиции, форсировали отмежевание от «Москвы». Череда заявлений о республиканском суверенитете, фиксируемая на предыдущем этапе (в 1989–1990 гг.) и имевшая преимущественно декларативный характер, сменилась волной провозглашений «независимости», за которой уже просматривались намерения выйти из состава Союза. 20 августа объявила о независимости Эстония, 21 августа — Латвия, 24 августа — Украина, 25 августа — Белоруссия, 27 августа — Молдавия, 31 августа — Киргизия, 30 августа — Азербайджан, 31 августа — Киргизия и Узбекистан, 9 сентября — Таджикистан, 23 сентября — Армения, 27 октября — Туркмения¹.

Сходные процессы наметились и на уровне автономных образований. О своем суверенитете, а после августовского путча о независимости, как от СССР, так и от соответствующих союзных республик, заявили Татарская АССР, Чеченская часть Чечено-Ингушской АССР, Крымская АССР и другие национальные области и округа. Иными словами, процесс дезинтеграции пошел дальше, вглубь, создав тем самым дополнительный груз проблем.

Эту крайне опасную ситуацию существенно усугубляла позиция, занятая президентом РСФСР Ельциным и его окружением, ведущую роль в котором стал играть бывший руководитель его избирательной компании, недавний преподаватель марксизма-ленинизма в высшей партийной школе Свердловска (ныне Екатеринбург) Бурбулис, пребывавший в то время на не очень внятной, но фактически весьма влиятельной должности государственного секретаря республики.

Первоначальная цель этой группы определялась намерением обеспечить Ельцину роль неограниченного хозяина государства. Поскольку в пределах всего Советского Союза она ему явно не светила, ставка еще с 1990 года делалась на то, чтобы вычленив из Союза РСФСР, сделать ее новым Центром взамен Союзного. Впоследствии об этом вполне откровенно говорил сам Бурбулис — в частности, в развернутом интервью своим друзьям и единомышленникам Петру Авену и Альфреду Коху².

¹ См. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1291272> и Загладин «Хроника перестройки». Рукопись.

² См. <http://newsland.ru/News/Detail/id/536cat/94/> с. 10

До путча это не очень получалось. Однако то, что произошло 19–21 августа, дало ельцинской команде новые шансы.

В расчете на возможную договоренность с российским руководством (Крючков неоднократно вел с Ельциным переговоры по телефону) путчисты не ограничили его свободу действий. И ему удалось взять на себя роль лидера борьбы с ГКЧП. В общественном сознании этот образ утвердился. А это позволило ему, используя фактический паралич высших союзных институтов, распространять свои властные полномочия на всю страну.

К моменту ликвидации путча ельцинская команда и ее ближайшие союзники уже полностью осуществляли абсолютный контроль в Москве, Ленинграде и в ряде других больших городов. Чтобы символически закрепить за собой отвоєванные рубежи, Ельцин настоял на незамедлительном перемещении его резиденции в Кремль.

Полностью игнорировать законного президента страны, освобожденного из заключения в Форосе, Ельцин, при всем желании, не мог. Горбачев, несмотря на все произошедшее, еще располагал авторитетом в стране и за рубежом. Оставались его правовые, конституционные полномочия. Не случайно завершившаяся победой борьба против путчистов велась, главным образом, под лозунгом освобождения и возвращения на свой пост законного президента СССР. Это вынуждало Ельцина считаться, по крайней мере, временно, с фактически сложившимся двоевластием, в рамках которого наиболее важные, решения должны были приниматься президентом СССР лишь по согласованию с руководством Российской Федерации. Вместе с тем он с самого начала стал трактовать эту договоренность как право поступать по своему усмотрению, игнорируя и позиции Центра, и интересы других республик. 22 августа, Ельцин подписал Указ «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», предусматривавший передачу Российской Федерации всех предприятий и организаций союзного подчинения, находящихся на ее территории, за исключением тех, управление которыми вроде бы было оставлено за Центром.

На следующий день встречу президента СССР с депутатами российского парламента срежиссировали как оскорби-

тельный спектакль, публичную дискредитацию и унижение руководителя СССР. От Горбачева потребовалось величайшее самообладание и выдержка, чтобы сохранить лицо.

25 августа Ельцин заявил о признании Российской федерацией полной независимости трех прибалтийских республик. 26 августа был опубликован подписанный им Указ «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР», согласно которому вся принадлежащая этим партиям собственность объявлялась государственной. 28 августа руководство РСФСР объявило, что устанавливает свой контроль над Государственным банком и Внешэкономбанком СССР.

Впоследствии многие специалисты в стране и за рубежом неоднократно задавались вопросом: почему при сложившихся обстоятельствах, исключавших возможность проведения необходимой политики, Горбачев своевременно не хлопнул дверью и не подал в отставку?

Такая мысль не раз приходила ему в голову. И он говорил об этом открыто в разное время в различных аудиториях. Но была и весомая причина, которая побуждала его воздержаться от этого шага.

Надо было спасать страну. Можно было все-таки попытаться остановить ее дезинтеграцию и избежать надвигающейся угрозы кровавых разборок и полного экономического краха.

Горбачеву были дороги уже достигнутые принципиальные завоевания на пути преобразования тоталитарного режима в современную демократическую систему правления. Не использовать сохранившиеся возможности, капитулировать перед лицом обстоятельств и угроз значило для него — дезертировать, предать тех, кто ему верил и за ним пошел, не выполнить долга перед страной и народом.

Отсюда та энергия и активность, проявленные им в первые же часы после возвращения из фюрингского плена, несмотря на моральный стресс и психологическое потрясение от измены людей, слывших его соратниками и выдвинутых им на руководящие должности.

22 августа, вскоре после прибытия в Москву Горбачев, выступив по телевидению, сделал следующее заявление «Я, как

президент, глубоко переживаю все то, что случилось. И чувствую свою ответственность перед вами. За то, что не сделал для того, чтобы этого не произошло... Это тяжелый урок. Страшная наука. И надо сделать все необходимые выводы...». Горбачев сообщил, что после ожидаемого подписания Союзного договора последует принятие новой Конституции, нового избирательного закона, выборы союзного парламента и президента³.

Тогда же состоялась пресс-конференция и были подписаны несколько указов, в том числе «Об отмене антиконституционных актов организаторов государственного переворота» и «О назначении временно исполняющих обязанности Министра обороны, Министра внутренних дел и председателя Комитета государственной безопасности».

23 августа Горбачев провел совещание с прибывшими в Москву руководителями девяти республик. Были обсуждены первоочередные меры. Участники совещания подчеркнули необходимость скорейшего заключения Союзного договора, согласовали решения о роспуске прежнего Кабинета министров и договорились о неотложных, наиболее важных кадровых назначениях (министром обороны был назначен Е.И. Шапошников, министром внутренних дел В.П. Баранников, председателем КГБ — В.В. Бакатин).

24 августа Горбачев заявил об отказе от должности Генерального секретаря ЦК КПСС и призвал ЦК объявить о самороспуске, а республиканским и местным организациям партии рекомендовал самим определить свою судьбу.

В то же день Горбачевым были подписаны следующие указы:

1. «О Кабинете министров СССР» В нем президент выносил на рассмотрение Верховного Совета вопрос о доверии кабинету, поскольку тот не выполнил своего конституционного долга, не принял мер для срыва попытки государственного переворота, а некоторые его члены, включая премьера, участвовали в заговоре. Для оперативного управления народным хозяйством страны был образован специальный комитет во главе с И.С. Силае-

³ Там же.

вым, сохранявшим при этом должность Председателя Совета министров РСФСР.

2. О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных силах СССР, в правоохранительных органах и в государственном аппарате;
3. Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза». В этом указе Советам предлагалось взять под охрану имущество КПСС. Дальнейшее его использование — в соответствии с законами СССР и республик.

26 августа Горбачев выступил на внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Изложив свою оценку причин, приведших к попытке переворота, он особо остановился на первоочередных мерах, стоящих перед руководством страной. Самое важное, подчеркнул он, — незамедлительное возобновление подготовки к подписанию Союзного договора 27 августа состоялась встреча президентов СССР, РСФСР, Казахской ССР и Киргизской ССР, на которой была еще раз подтверждена приверженность «новоогаревскому процессу» и идее Союзного договора с необходимыми доработками, продиктованными изменившейся ситуацией.

На следующий день Горбачев вторично выступил на сессии Верховного Совета. Самым трагическим последствием путча, подчеркнул он, стало усиление центробежных тенденций в республиках. Создалась реальная угроза развала Союза. В Союзный договор надо внести поправки, но не отказываться от него. Те, кто хотят отделиться, могут сделать это только в конституционных рамках⁴.

1 сентября им была собрана в Кремле группа деятелей, которая позже была конституирована как Политический консультативный совет. На этой встрече присутствовали И. Лаптев, Г. Попов, Г. Ревенко, Ю. Рыжов, А. Собчак, А. Яковлев, Е. Яковлев, Г. Шахназаров. Речь шла о предстоящем Съезде народных депутатов. Договорились: начать съезд с совместного заявления руководителей республик. Общая атмосфера на встрече была тревожной. Все были согласны с тем, что страна пребывает в хаосе⁵.

⁴ «Известия» 28 августа 1991.

⁵ Бакатин В.В. Дорога в прошедшем времени. М. 1999. С. 355

Два путча и распад СССР

Тогда же состоялось совещание Горбачева с большинством руководителей союзных республик. Это было, по сути, первое заседание планируемого Государственного совета обновленного Союза, хотя юридически такой совет еще не был оформлен.

На следующий день начал работу Съезд народных депутатов СССР. С Заявлением от имени президента СССР и ряда высших руководителей союзных республик выступил Н.А. Назарбаев. В Заявлении предлагалось: подписать Договор о союзе суверенных государств, безотлагательно заключить экономический союз республик, создать органы управления на переходный период с участием всех республик, заключить соглашение о коллективной безопасности, подтвердить верность всем международным обязательствам СССР, принять Декларацию прав и свобод граждан, поддержать просьбу республик о признании их субъектами международного права и о принятии их в ООН⁶.

5 сентября Съезд завершил свою работу, приняв постановление «О мерах, вытекающих из совместного заявления президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР». Закрывая работу Съезда и подводя итоги его работы, Горбачев отметил: «Съезд принял оптимальные для данного момента решения»⁷.

Уже 6 сентября начал работу утвержденный решением Съезда Государственный совет.

14 сентября, Горбачев собрал Политический консультативный совет. Обсуждался «текущий момент». Все собравшиеся резко критически оценили позицию украинского руководства и российских властей, направленную на поглощение союзных структур. Президенту советовали срочно издать указ о земельной реформе, стимулировать продажу земли, издать указ о приватизации, о содействии мелкому предпринимательству. Указывалось на необходимость его немедленной реакции на акты, подобные действиям Украины в отношении со-

⁶ «Известия» 4 сентября 1991. Цит. по Загладин. Указ. Соч. с. 14.

⁷ «Известия» 7 сентября 1991. См. также А.С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993, с.493 и сл.

юзной армии, и предлагалось усилить пропаганду в пользу Союза⁸.

На втором заседании Госсовета — 16 сентября были рассмотрены перспективы сохранения Союза, причем 8 республик (РСФСР, Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Азербайджан, Таджикистан, Киргизия) заняли позитивную позицию⁹. Тогда же был рассмотрен проект Договора об экономическом сообществе и принято заявление «О нормализации продовольственного обеспечения и аграрной политике в 1991–1992 годах»¹⁰.

Одновременно была начата реорганизация Министерств иностранных дел, внутренних дел, обороны и Комитета государственной безопасности. Была образована рабочая группа по подготовке нового варианта Союзного договора. По инициативе Президента СССР состоялись консультации руководства Министерства обороны СССР и представителей союзных республик о выработке путей коренного преобразования армии и флота.

21 сентября Горбачев выступил на заседании Верховного Совета СССР с речью о путях вывода страны из кризиса. В числе задач, требующих незамедлительного решения, на первое место он поставил вопросы государственности и заключения Союзного договора. Особое внимание, наряду со стабилизацией экономики и финансов, он обратил на поддержание социального мира¹¹. Через десять дней (1 октября) в Алма-Ате были начаты переговоры руководителей тринадцати союзных республик о создании экономического сообщества¹².

Во всем этом в окружении Ельцина, увидели угрозу своим планам разрушения СССР, а, следовательно, и своему положению во власти. Было решено интенсифицировать усилия по ускорению дезинтеграции Союза.

Соответствующая тактика была откровенно изложена в конце сентября в документе, с содержанием которого была

⁸ См.: Бакатин В.В. Указ. соч., сс.356–357.

⁹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 2. М., 1995, с. 588.

¹⁰ «Известия» 17 сентября 1991.

¹¹ «Правда» 22 сентября 1991.

¹² «Известия» 2 октября 1991.

ознакомлена группа депутатов Верховного Совета РСФСР, безоговорочно поддерживавших Ельцина. Впоследствии этот документ получил известность как «меморандум Бурбулиса».

По рукам ходили различные варианты этого текста. Один из них попал на стол В. Бакатина, который передал его Горбачеву.

Приведем его полностью в том виде, в каком получил его В. Бакатин.

«К вопросу общеполитической ситуации (политический анализ и прогноз)»

Последние попытки Кремля реконструировать развалившееся политическое сообщество посредством нового Союзного договора обречены. РСФСР в состоянии нейтрального ожидания широкомасштабных межреспубликанских соглашений превращается в политического заложника беззубого центра.

То, что называют кризисом в российском правительстве, на самом деле является закономерным следствием инерционно долго сохраняющегося двоецентризма.

Это, наконец, отчетливо поняла часть близко стоящих к Ельцину высокопоставленных лиц из законодательных и исполнительных структур России в лице гг. Руцкого, Бурбулиса, Козырева, Шахрая, Румянцева, Станкевича, Травкина, Полторанина, Федорова, Лазарева и др. Российское самосознание обрело команду разумных его носителей. Другая, не согласная с ними часть видных российских деятелей, так или иначе связанная с кругом высокопоставленных руководителей Центра, еще не изжила в себе иллюзии относительно целесообразности существования центральных и российских структур.

Сегодня ближе к истине оказываются те, которые считают, что Советский Союз был формой существования России, и она не должна допустить распада своего тысячелетнего государства, а республикам, отказавшимся от СССР, предстоит самим решать, ассоциироваться им в новую межгосударственную сообщность или нет...

Общественное сознание в РСФСР, как совокупное явление, сейчас готово к такому жесткому решению проблемы становления полноправной самостоятельной России. В этом

Б.Н. Ельцин найдет поддержку и среди демократически настроенных масс, и среди традиционалистов. Не стоит бояться обвинения в имперских замашках России. Беря на себя ответственность за свою дальнейшую судьбу, Россия никого не притесняет. Она не зовет в свое государство другие бывшие союзные республики.

Сегодня по отношению к бывшим союзным республикам России объективно необходимо действовать «с позиций силы». В области экономики это можно обеспечить за счет «нефтяного и газового кранов», и опасения республиканских лидеров на сей счет не стоит рассеивать. Не исключено, что их действия в отношении Центра были так вероломны, прежде всего, потому, что он не обладал реальной властью над этими «кранами». России крайне необходимы и инструменты подтверждения ее достаточной мощи. Армия, органы безопасности и МВД, находящиеся на территории РСФСР, должны быть полностью переведены под юрисдикцию России. В этом плане ни у кого не останется иллюзий насчет ее бессилия.

Смена всего Кабинета Министров России в условиях правительственного кризиса ничего не даст, если одновременно не произойдет отказ от центральных структур власти и в массовом сознании не сменятся ориентиры и парадигма надежд.

Таким образом, России ничего не остается другого, как:

1. Взять на себя ответственность за продолжение существования на международной политической карте Российского государства.
2. Затем предложить отделившимся союзным республикам действительно договориться о возможной сфере совместных новых интересов и структурах их реализации.
3. Незамедлительно перенести отношения с бывшими союзными республиками в русло международных.

Решение всех этих вопросов нельзя откладывать в долгий ящик...»¹³

2 октября этот проект был рассмотрен на очередном заседании Политического консультативного совета. Представляется, что тогда значение «меморандума Бурбулиса» в долж-

¹³ Бакатин В. Указ. Соч. сс. 360–361.

ной степени оценено не было. Во всяком случае, приняв его к сведению, участники заседания перешли к обсуждению согласованного с Ельциным доработанного текста Союзного договора,

Практическое влияние новой тактики, избранной окружением Ельцина и взятой на вооружение российским руководством, сказалось не сразу. Первоначально создавалось впечатление, что признаки упорядочения ситуации, наметившиеся в первые недели после провала путча, все же дают о себе знать.

11 октября, ощущая переломный характер ситуации, Горбачев в последний момент решил пригласить на заседание Государственного совета еще одного участника, на которого хотел опереться — общественное мнение. С этой целью в зал внезапно было приглашено телевидение, подготовленное к прямой трансляции.¹⁴

В своем вводном слове Горбачев выразил серьезную озабоченность ситуацией и тем, как решаются вопросы, от которых зависит будущее страны. Он напомнил, что на прошедшем Съезде народных депутатов СССР перед лицом угрозы распада государства и дезинтеграции общества руководители республик и президент сумели предотвратить худшее. Удалось добиться принятия принципиальных решений. У людей появилась надежда. Но надо быть откровенным. Все мы, подчеркнул он, чувствуем сильное давление, причем с разных сторон и с разных позиций. Есть попытки столкнуть между собой членов Госсовета, посеять подозрения по отношению друг к другу, всячески затормозить принятие документов, которые подготовлены на базе согласованных позиций на съезде. Но это таит в себе огромную опасность.

Затем Госсовет приступил к вопросу о ратификации Договора об экономическом сообществе, который уже был подписан премьерами и даже тремя президентами. Докладывал автор предложенного текста Явлинский. Его выступление было построено как последовательный разбор доводов тех, кто возражал против самой идеи Сообщества или сомневался в возможности его образования.

¹⁴ Здесь и далее см. Андрей Грачев. Кремлевская хроника. М., 1994, с. 198.

Доклад особых возражений не вызывал. Все, включая Горбачева, ждали реакции Ельцина. Тот в свойственной ему манере заявил: «Договор Россия подпишет, но не ратифицирует, пока не будут готовы основные экономические соглашения. И сразу прекратим финансирование тех центральных органов, которые не предусмотрены этим договором».¹⁵

18 октября 1991 года в Георгиевском зале Кремля этот документ, породивший надежду на сохранение единого государства, был, наконец, утвержден. Подписали его руководители восьми республик. Спустя некоторое время, к нему присоединились Азербайджан, Молдова и Украина.

Неделю спустя на сессии Верховного Совета СССР Горбачев «буквально заклинал общество, входящее в чреватый экономическими и социальными потрясениями период, найти способ для того, чтобы эти радикальные перемены проходили в рамках закона, без драматических конфликтов и потрясений, с учетом интересов всех социальных слоев, особенно тех, которые могут пострадать в результате быстрого развития рыночных отношений».¹⁶

3 ноября в интервью, опубликованном в «Московских новостях», Президент СССР еще раз изложил свое видение отношений республики — Центр: «Не в том альтернатива, будут ли республики суверенными (они уже стали такими) или сохранится союзный Центр. Она в том, выкарабкаемся мы из общей беды и пойдем дальше вместе, либо кинемся враспынную... Связи проросли через всю ткань жизни республик. Тоталитарный, бюрократический Центр, воплощавший в себе великодержавную, унификаторскую политику и идеологию, уже распался. Это благо для всех. Но нельзя смешивать это с развалом союзных связей. И, следовательно, речь идет о новом образе Центра. Не Центр-деспот, командующий и помыкающий республиками, а Центр-координатор, уполномоченный на посредническую роль и наделенный для этого средствами самими республиками».¹⁷

¹⁵ Андрей Грачев. Указ. соч., с.201

¹⁶ Там же с.215–216.

¹⁷ «Московские новости» № 44, 1991.

Между тем новая тактика, разработанная окружением Ельцина, стала приобретать более явные очертания. В достаточно откровенном варианте, с некоторым количеством оговорок, она была изложена им в речи на заседании Всероссийского съезда судей 18 октября 1991 года.

«После путча, — говорил он, — потребовалось срочно вносить глубокие коррективы в политический курс России...

Отмечу ряд принципиальных моментов.

Первое. Существенно пересмотрена наша позиция в отношении центра. Раньше мы вынуждены были ориентироваться на затяжное, изматывающее сосуществование с ним и постепенное реформирование.

Теперь задача в том, чтобы в скорейшее время демонтировать остатки унитарных имперских структур и создать мобильные и дешевые межреспубликанские структуры.

Мы относимся к этому вопросу предельно серьезно...

Второе. Россия никогда не выступит инициатором раздела Союза. Наоборот, считаю своим долгом использовать все возможности для создания содружества суверенных государств. Иначе россияне, живущие, как в РСФСР, так и за ее пределами, нас просто не поймут.

Третье. Существенным фактором наших действий явился значительный рост центробежных тенденций в стране. В этих условиях мы намерены действовать таким образом, чтобы интересы России были надежно защищены. Руководством республики прорабатываются меры по защите ее экономического суверенитета, в частности, меры от возможной рублевой интервенции в случае введения национальных валют и т.д.

Четвертое. Новая обстановка заставила внести значительные коррективы в процесс экономических реформ».¹⁸

Собственно говоря, это была слегка завуалированная, словесно смягченная программа разрушения Союза, которую тогдашнее российское руководство реализовывало на практике в последние месяцы 1991 года.

Как она осуществлялась, свидетельствовали следующие шаги:

¹⁸ «Российская газета» 19 октября 1991.

1 октября правительство РСФСР установило, что решения союзного Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР вступают в силу только в случае одобрения их Советом министров Российской Федерации.. Иными словами, общесоюзная экономическая властная структура превращалась из распорядительной в совещательную.

9 октября Государственному комитету по делам науки и высшей школы РСФСР было поручено принять под свое управление все расположенные на территории России союзные организации, действующие в его сфере.

28 октября, выступая на V Съезде народных депутатов РСФСР, Ельцин изложил принципы программы экономических реформ, которые его руководство намерено осуществить в Российской Федерации, вне зависимости от того, что предполагается осуществить в остальном Союзе, «исходя из национальных интересов, а не по навязанному шаблону». 4 ноября съезд утвердил эту программу и предоставил Ельцину чрезвычайные полномочия для ее реализации.

15 ноября министерству экономики и финансов РСФСР были переподчинены все подразделения и организации Министерства финансов СССР. Прекращается финансирование министерств и ведомств СССР, кроме тех, которым переданы в управление некоторые функции. В тот же день Генеральному прокурору РСФСР были переподчинены все организации союзной прокуратуры, включая военную.

22 ноября Верховный Совет РСФСР признал Центральный банк России единственным органом денежно-кредитного и валютного регулирования на территории республики. Соответственно, ему были переданы во владение и управление материально-технические базы и иные ресурсы Госбанка СССР.

Все эти и аналогичные действия сопровождалось заверениями в отсутствии намерения развалить СССР¹⁹. Чтобы прикрыть вопиющее противоречие между заверением и делами, был придуман и пущен в ход лозунг «За Союз, но против Центра». То, что без Центра вообще не может быть сколько-ни-

¹⁹ А.С. Черняев, Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993, с.514 и сл.

будь жизнеспособного государства, как бы «стыдливо» опус-
калось.

Тактика российского руководства не могла не сказаться на переговорах о будущем Союза в Ново-Огареве.

Накануне очередного заседания Государственного совета, намеченного на 4 ноября, Горбачев встретился с Ельциным для, как он писал впоследствии, «мужского разговора».

«Ты, — говорил Горбачев, — меняешь политику, уходишь от всех договоренностей. А раз так, теряют смысл и Госсовет, и Экономическое соглашение. Тебе не терпится взять вожжи в свои руки? Раз этого хочется — правь в одиночку. Скажу тебе и другим лидерам: я вас подвел к независимости, теперь, похоже, Союз вам больше не нужен, живите дальше как заблагорассудится, а меня увольте. Но и ответственность ложится на всех вас».

Ельцин доказывал, что менять политику не собирается. Слово-де у него твердое...²⁰.

Исходя из этого обмена мнениями, Горбачев построил свое вступительное слово на заседании 4 ноября.

Мы, подчеркивал он, находимся в тяжелой, если не сказать, тяжелейшей ситуации. У меня складывается впечатление, что мы слишком легко, без должной ответственности, распорядились тем капиталом, который получили после путча и в результате решений, принятых на основе Совместного заявления руководителей республик. Тогда у всех нас возникла надежда, что с ситуацией можно справиться, ее можно взять в руки и уверенно повести страну по пути реформ, к выходу из кризиса. Тогда же мы особенно остро почувствовали недопустимость распада государства. Мы как бы заглянули за черту и увидели пропасть, в которую можно скатиться, если это произойдет.

За первую неделю после путча проделали совместную огромную работу, а теперь все проваливаем, опять начались политические игры. Очень трудно идет подготовка Союзного договора. Едва договорились об Экономическом соглашении, как каждый стал действовать наперекор...

²⁰ М. С. Горбачев. Жизнь и реформы. Указ. Соч., с. 592.

Страна задыхается, не имея ясности в главном. Мы должны вернуть динамику нашей совместной работе и ответственность, которую проявили после путча. Преодолеть колебания. Почему они происходят — пусть каждый здесь скажет...

Центральный вопрос сейчас — программа Ельцина по экономике России. Надеюсь, Госсовет ее поддержит. Я уже высказался в поддержку общей ее направленности. Но у меня серьезное беспокойство: нет там ясности по отношению к Экономическому соглашению и необходимости сотрудничества в сообществе государств...

...Оукливание погубит всех. Возникает очень серьезная тенденция в результате объявленного Ельциным пакета мер, который вызвал беспрецедентный ажиотаж на потребительском рынке... Мы не можем отпускать цены, не решив вопроса о монополизме отраслей, о сокращении госбюджета, не простимулировав предпринимателей, не сказав обществу, что не отказываемся от какой-то формы регулирования ряда продуктов, иначе весь процесс будет сорван...

Опираясь на сказанное, — заключил Горбачев, — хочу призвать: сейчас нужна интенсивная работа по согласованию действий между республиками. Мы должны осознать, что, как и после путча, у нас времени в обрез... Если члены Госсовета меняют свою позицию, если мы отказываемся от того, с чем вышли на подготовку Союзного договора, тогда давайте определяться. Мы должны сейчас в Госсовете провести важный разговор, который дал бы импульс нашей дальнейшей совместной работе, и вести дело к быстрейшему подписанию Договора о Союзе Суверенных Государств».²¹

Ответом на эту страстную речь было молчание, которое продолжалось едва ли не минуту-две. Потом состоялся такой «надрывной диалог», когда обе стороны еле сдерживались.

«Мы, из близкого окружения Горбачева, — записывал тогда в своем дневнике Черняев, — ушли с этого заседания в полной уверенности, что именно с этого дня, с 4 ноября, все покажется очень быстро и в отношении Союза, и в отношении президентства Горбачева. Так оно и произошло».²²

²¹ Цит. по: А.С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. Указ. Соч., сс.515–516.

²² А.С. Черняев. Там же.

На следующем заседании Государственного совета 14 ноября обмен мнениями обострился еще больше. Ельцин при поддержке Шушкевича неожиданно для остальных участников заседания, считавших, что обсуждают согласованный с ним текст, выступил против ориентации на единое государство, в частности, против конституции, общей для всего Союза.

В поддержку уже согласованного текста выступил Назарбаев. «Надо подтвердить — сказал он, — что у тех, кто сегодня собрался, по крайней мере, есть намерение и воля образовать политический союз с единой армией, территорией, границами. Если мы не сделаем этого, за нас это сделают другие, те, кто придет после нас или вместо нас. Давайте же хоть раз будем крепки не задним умом»²³.

«...Если не удержим единое государство, — продолжил разговор Горбачев, — я вам прогнозирую беду... Если вы так решите, я готов уйти».²⁴

На перерыв разошлись с двумя вариантами формулировки. Одна была представлена Горбачевым, другая Ельциным. Сблизить их, казалось временами, невозможным. Однако, в конечном счете, компромисс был найден. Согласно ему должно быть создано единое конфедеративное государство, у которого вместо конституции будут Договор о Союзе плюс уже принятая Верховным Советом Декларация о правах человека.

Дальнейшее обсуждение протекало более конструктивно. Не без дискуссий, но и без ожесточенных споров договорились по основным принципиальным вопросам: об избрании президента Союза не парламентом, а гражданами (через систему выборщиков), о двухлетнем парламенте с депутатами, избираемыми от территориальных округов, а не только от республик, о правительстве и столице. Задержались дополнительно на вопросах избрания председателя парламента, а также вице-президента. Ельцин категорически потребовал «убрать» эту должность.

Договорились поскорее внести в текст согласованныеправки и направить договор на рассмотрение парламента. Ус-

²³ Заседание Государственного совета 14 ноября 1991 года. Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1, опись 7, с.8.

²⁴ Там же.

ловились также собраться еще раз, чтобы парафировать текст и, тем самым, взять на себя обязательство защищать его перед парламентариями. Подписание договора наметили провести до конца года. Все согласились также внести в проект договора упоминание о состоящем из руководителей республик Госсовете как постоянно действующем руководящем органе.

Уже поздним вечером совместными усилиями уговорили Ельцина продлить жизнь нескольким союзным министерствам (в их числе министерству финансов и министерству экономики) на две недели, хотя бы для подготовки чрезвычайного бюджета²⁵.

В сложившейся ситуации выработка на Государственном совете общей позиции в отношении будущего государства могла показаться пусть скромным, но успехом. Таким ее воспринял и Горбачев. В этом ключе он и информировал тех представителей своего окружения, которые не присутствовали на заседании Госсовета. «Я, — говорил он, — следовал только своей убежденности... Я согласен строить любой Союз — федеративный, конфедеративный, какой хотите. Но строить, а не разваливать...»²⁶

Выиграв важный для него раунд политической борьбы, Горбачев принял решение закрепить его результаты давно откладывавшейся поездкой по стране. Ему хотелось перед решающими боями за Союз проверить температуру в обществе, выяснить на местах отношение людей к его позиции. Маршрут поездки предусматривал посещение сердцевины Сибири (Иркутск и Байкал) и Киргизии.

В сущности, это была первая «пристрелка» к будущей избирательной кампании по выборам президента²⁷. Прошла она по тогдашним меркам неплохо. Однако, хотя в ней Горбачева сопровождала группа журналистов, центральная прессе ее почти не отразила, что было очередным сигналом прогрессирующего захвата Ельциным и его командой доминирующих позиций в московских средствах массовых коммуникаций.

²⁵ А.Грачев. Указ. соч., с.288–293.

²⁶ Заседание Государственного совета 14 ноября 1991 года. Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1, опись 7, с. 8.

²⁷ Грачев А. Кремлевская хроника. М. 1994 с..296

Тем не менее, казалось тогда, что к воссозданию Союза в новой форме оставалось сделать всего несколько шагов, Предстояло утвердить на очередном заседании Государственного совета лишь некоторые редакционные поправки в Союзный договор, принятый в целом, парафировать согласованный текст и представить его на утверждение Верховным советам республик.

25 ноября — когда должно было состояться решающее заседание Государственного совета, в день, который мог стать датой политического рождения нового Союза, в Ново-Огарево царила атмосфера торжественной приподнятости. Казалось, было предусмотрено все, кроме замысла противников Союза. Именно к этой дате был приурочен ими смертельный удар по новоогаревскому процессу.

Заседание Госсовета началась с жесткого спора²⁸. Начало ему положил Ельцин, внезапно заявивший, что **в российской позиции возникли «новые моменты», которые не позволяют ему парафировать проект договора в представленном виде.** «Разговоры в комитетах Верховного Совета, — утверждал он, — показывают, что российский парламент не готов ратифицировать концепцию единого союзного, даже конфедеративного государства. Нас больше устроила бы формула Союза как конфедерации демократических государств. Давайте вернемся к этому вопросу или отразим огорки России в отдельном протокольном заявлении».

Горбачев, реагируя на это заявление, решительно возразил:

«...Но тогда мы опрокинем то, о чем уже договорились. Мы ведь в прошлый раз несколько часов обсуждали все эти формулировки. Оповестили страну о том, что выработали обща. Начинать все сначала просто несолидно, не говоря уже о том, что у нас есть вполне определенный мандат съезда».

В пику Горбачеву позицию Ельцина поддержал Шушкевич, державшийся до этого более осторожно. На предыдущем за-

²⁸ Здесь и далее см.: М.С. Горбачев. Декабрь-91. Моя позиция. М. 1992. С. 11–13; Заседание Государственного совета 25 ноября 1991 года. Запись А.С. Черняева со слов М.С. Горбачева. Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1, опись 7. — А. Грачев. Указ. соч. С.300–310.

седании Государственного совета именно он предложил прибегнуть к процедуре парафирования текста Союзного договора президентами, чтобы гарантировать его безболезненное «прохождение» через парламенты. Сейчас его аргументация была совсем иной. Поскольку из-за нехватки времени текст будущего договора не был обсужден в комиссиях парламента, там, мол, могут возникнуть возражения. Поэтому было бы правильным отложить парафирование документа.

После его выступления стало очевидным, что некоторые из республиканских президентов, участвовавших в работе Госсовета, договорились торпедировать достигнутую договоренность. Оценив сложившуюся ситуацию, Горбачев решил принять бой.

«...То, что вы затеваете, — сказал он, обращаясь к Шушкевичу, но на деле адресуя свои слова Ельцину, — не просто проволочка: вы отвергаете то, о чем все договорились, разрушаете саму основу будущего документа».

Вокруг двух антагонистических позиций начали складываться свои альянсы. На стороне союзного президента решительно выступил вице-президент Казахстана, заменявший на этом заседании Назарбаева:

«Мы за формулу, согласованную на прошлом заседании, то есть за конфедеративное союзное государство, а не за какое-то облако в штанах».

По другую сторону, в лагере Ельцина поднял голос узбекский лидер Каримов:

«Нельзя парафировать этот текст до тех пор, пока его не обсудили в комиссиях парламента».

Горбачев со своей стороны принял брошенный ему вызов:

«Если с этого заседания выйдем без парафированного общего текста, последствия могут быть непоправимыми. Страна находится в хаосе, а вы начинаете маневрировать».

Горбачева стали уговаривать «не горячиться». Дескать, надо соблюсти демократическую процедуру и не решать проблемы до того, как будет уяснена позиция парламента. Шушкевич даже попытался придать своим возражениям чисто «технический» характер: речь, мол, идет всего лишь об отсрочке на каких-нибудь 10 дней и о несущественных поправ-

ках. После этого Белоруссия, без каких бы то ни было поправок, подпишет и ратифицирует документ.

Столкнувшись с решительными возражениями Горбачева, Ельцин тоже несколько «сдал назад», заявив, что имеется в виду не отказ от согласованного текста — его можно было бы направить всем республикам, сопроводив лишь протокольной записью с новыми замечаниями.

Тем не менее, несовместимость позиций сторон оставалась.

Со своей стороны, Горбачев выдвинул предложение: обратиться к парламентам и стране с единым документом. При этом члены Государственного совета должны взять на себя обязательство защищать и отстаивать его в ходе обсуждения. Ссылки на необходимость дождаться решения Украины «о независимости» он отверг, указав, что предпосылкой успешного противостояния сепаратизму на предстоящем украинском референдуме было бы своевременное заявление с «четких позиций» главами других республик.

Свое краткое выступление он завершил следующими горькими словами: «Если не одумаетесь, будет беда... Я вынужден констатировать, что руководители республик в наиболее ответственный, и даже опасный, момент занимаются политическими маневрами, меняют собственные позиции. В этих условиях они должны были бы сказать откровенно, что не хотят больше Союза. Я лично думаю, что, поступая таким образом, идя на то, чтобы угробить государство, вы берете на себя тяжелую ответственность.

У меня чувство глубокого разочарования. Я не понимаю, как вы собираетесь дальше жить — ведь, создав богадельню вместо единого государства, вы замордуете общество. Мы и так захлебываемся в дерьме... В общем, подумайте сами, но учтите, что если вы отвергнете вариант конфедеративного государства, то дальше двигайтесь без меня»²⁹.

Сказав это, он объявил перерыв и двинулся к выходу. Вслед за ним поднялись и вышли из зала его помощники, эксперты, руководитель президентского аппарата и союзные ми-

²⁹ Заседание Государственного совета 25 ноября 1991 года. Запись Черняева. Архив Горбачев-Фонда, Фонд 1, опись 7, с. 6.

нистры — Е. Шапошников и Э. Шеварднадзе. Остались республиканские президенты.

Горбачеву было ясно, что на этом нельзя ставить точку. Подобный шаг означал бы фактическое признание распада Советского Союза. Следовательно, надлежало продолжить поиски компромисса. Главное в данный момент — сохранить, пусть размытую, цельность государства. Издержки уступок можно будет минимизировать в более спокойной и устойчивой обстановке.

Уединившись с помощниками, президент стал искать приемлемые уточнения для видоизмененного проекта решения. Смысл этих уточнений сводился к тому, чтобы взамен парафирования текста договора сопроводить его коллективным обращением всех членов Госсовета к республиканским парламентам с просьбой рассмотреть договор и сформировать полномочные делегации для его подписания. Этот вариант и был передан тем, кто остался в зале заседаний. В свою очередь, там был подготовлен свой компромиссный текст. С ним Ельцин и Шушкевич пришли к Горбачеву.

Оказалось, что в главном подготовленные проекты совпали. Поэтому свести их вместе удалось довольно быстро. После этого на возобновившемся заседании Госсовета его члены вновь прошли по тексту. При этом Ельцин вроде бы согласился не требовать исключения из него формулы о конфедеративном **союзном государстве**.

Под совместном коммюнике о заседании Государственного совета поставили подписи все присутствовавшие представители республик. Однако выйти к прессе они не захотели. Горбачеву пришлось объясняться с нею в одиночку. Он не скрывал своего разочарования полученными результатами, подчеркнув, что на прошедшем заседании республиками был сделан шаг назад от Союза. Однако в тот момент мало кто из свидетелей события отдавал себе отчет в том, насколько опасным, чреватым трагическими последствиями был этот шаг.

Противники сохранения Союза существенно приблизились к своей цели. Фактически решение было попросту отложено. И ельцинская команда в полной мере использовала воз-

никшую паузу, чтобы окончательно отправить нелюбимого пациента «на тот свет».

Преддверием предстоящей решающей схватки стала состоявшаяся на том же заседании Государственного совета пикировка между Ельциным и Шеварднадзе. Поскольку последний поддерживал добрые отношения с российским президентом и с его согласия был вновь назначен союзным министром иностранных дел, он считал, что вправе рассчитывать на «режим большего благоприятствования», чем его предшественник на этом посту — Борис Панкин.

Однако попытка Шеварднадзе расширить поле деятельности союзного МИДа, обозначенное, кстати, в тексте Союзного договора, встретила ледяной прием со стороны Ельцина. Более того. Тот даже взял назад данное им ранее обещание не создавать собственные российские посольства.

27 ноября состоялось еще одно (на этот раз последнее) заседание Государственного совета. Поскольку в нем приняли участие представители лишь пяти республик, обсуждение Союзного договора не состоялось. Рассматривался лишь вопрос об обострении ситуации в отношениях между Арменией и Азербайджаном. По инициативе Государственного совета президенты обеих республик подписали соглашение о мирном урегулировании конфликта, которое, впрочем, не было выполнено.

На длительных усилиях, призванных сохранить единство страны, создав обновленный Союз, был, как показали грядущие события, по сути дела, поставлен жирный крест.

29 ноября итоги новоогаревской неудачи были обсуждены на очередном заседании Политического консультативного совета. Выступая на нем, Горбачев сформулировал печальный, но реалистический вывод: очевидно, что российские «верхи» приняли решение. Они играют свою игру.

Колебания не в цели, а в тактике. Цель одна — убрать Центр, то есть Союз, самим сесть в Кремль³⁰.

Тем не менее, проиграно было не все... Как раз в тот самый день, когда был положен конец новоогаревскому процессу, были опубликованы результаты опроса, проведенного

³⁰ Цит. по: Бакатин В. Указ. соч. с.367.

Фондом социально-политических исследований в крупных городах РСФСР, Казахстана и Украины. Они убедительно показали, что за сохранение Союза выступает даже большее число граждан, чем во время референдума годом раньше. Доля всех опрошенных, высказавшихся за сохранение Союза, возросла по сравнению с референдумом с 73 до 75%, в Москве — с 50 до 81%, в Киеве — с 45 до 50%.

28 ноября Горбачев дал развернутое интервью белорусской «Народной газете». «Сегодня, — подчеркнул он, — главный приоритет в политике, в решениях, которые мы должны принять, заключается именно в вопросе о Союзе... Все дезинтеграционные процессы будут проявляться с еще большей силой, если решение вопроса о Союзе будет откладываться... Я очень сожалею, что мои коллеги по Госсовету очень чувствительны к давлению различных течений...»³¹

Тем временем приближался день референдума о независимости на Украине, назначенного на 1 декабря. Нервничали в Киеве, нервничали и в Москве.

Ситуация обострялась рядом дополнительных обстоятельств. В частности, тем, что, как стало известно, из неофициального штаба при российском президенте дали понять украинскому руководству, что в случае, если большинство на референдуме положительно ответит на вопрос о независимости Украины, Россия безоговорочно поддержит трактовку его результатов как согласие на выход из Союза. И, в свою очередь, воспользуется украинской позицией, чтобы окончательно заблокировать новогаревские договоренности.

Как известно, 90% участников референдума на Украине высказались за провозглашение независимости. Произошло это не потому, что население Украины хотело покинуть СССР. В обстановке, которая тогда сложилась, подобное волеизъявление воспринималось большинством граждан как демонстрация стремления к большей независимости от центральных бюрократических структур. Тем не менее, российское руководство не медля, уже 2 декабря, безоговорочно признало полную независимость Украины. Это давало ему в руки неоспоримые дополнительные аргументы. Дескать, мы вновь, в

³¹ Михаил Горбачев. Декабрь — 91. Моя позиция. М., 1997, сс. 18, 19.

который раз, заявляем, что готовы сохранить Союз. Но Союз без Украины невозможен. Волей-неволей придется искать другие варианты. Эта отговорка служила своего рода рефреном сепаратистской игры.

Шансов сохранить Союз становилось все меньше. Но Горбачев продолжал за него бороться.

3 декабря он обратился к депутатам Верховных Советов союзных республик с призывом поддержать представленный на их рассмотрение проект Союзного договора.³² На следующий день он выступил с аналогичным обращением по телевидению. «Ваше решение, — говорил он, — либо приблизит наше общество к выходу к новым формам жизни, либо наши народы будут обречены надолго и, пожалуй, безнадежно выпутываться поодиночке... Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство... Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно...»³³.

8 декабря Горбачев, выступая по украинскому телевидению, еще раз подчеркнул, что без Союза как единого государства не обойтись³⁴.

Тем временем могильщики Союза приступили к завершающему акту предания его смерти. 7 декабря Ельцин, по приглашению Шушкевича, прибыл в Белоруссию, согласно предварительной версии — чтобы «поохотиться». С аналогичной целью на белорусской земле в то же день оказался украинский президент Кравчук. Несколько позже была предпринята попытка заманить на встречу Назарбаева, однако тот отказался.

Вечером 7 декабря, а затем на протяжении следующего дня, сначала в Минске, а затем в Вискулях, в укромной резиденции в глубине Беловежской пуши — девственного леса на границе с Польшей, — состоялась серия секретных переговоров, в которых, наряду с «руководящей тройкой», приняли участие вторые лица соответствующих стран: Фокин (Украина), Кебич (Белоруссия), Бурбулис (Россия), а также, частично, отдельные эксперты. О том, какой была исходная установка уча-

³² «Известия» 3 декабря 1991.

³³ «Советская Россия», 4 декабря 1991.

³⁴ «Известия», 9 декабря 1991.

стников встречи можно в должной степени судить по составу сопровождающей свиты. Так, президенту России сопутствовали, наряду с Бурбулисом, Гайдар, Шахрай и Козырев — ведущие представители того окружения, которое издавна подталкивало Ельцина к «разрыву с СССР».

Итогом закулисных переговоров стали, как известно, два документа: Решение о прекращении существования Союза ССР и Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Последнее играло роль своеобразного сиропа, призванного смягчить горечь первого из них. Образование СНГ должно было создать впечатление создания вместо СССР некой иной, более мягкой формы объединения республик, хотя на деле было задумано и обернулось «цивилизованной формой» их развода.

Реакция Горбачева на Беловежский сговор была ожидаемой.

10 декабря было опубликовано его официальное Заявление, в котором, в частности, отмечалось:

«Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза СССР. Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе.

Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР.

В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в

Минске.³⁵ Поскольку в соглашении предлагается иная форма государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов, необходимо созвать такой съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу».³⁶

12 декабря Горбачев пригласил в Кремль на пресс-конференцию большую группу редакторов, обозревателей и тележурналистов. Состоялся содержательный обмен мнениями, подводя итог которому он подчеркнул: «Я сделал все, что мог. Думаю, другие на моем месте давно бы бросили все это дело. Меня испытывали и на разрыв, и на разлом. И партия мяла, и военно-промышленный комплекс, и друзья-коллеги по новому Союзу. Все. И все-таки я считаю, что главные идеи Перестройки на всех направлениях, включая политическую и экономическую реформы, обновление многонационального государства, я протацил, не без ошибок, допуская несвоевременные решения, упустив какие-то моменты, что-то неправильно оценив...

На мою судьбу выпало великое дело, и оно свершилось. Придут другие, может быть лучше сделают».³⁷

В заключение Горбачев напомнил собравшимся слова известного российского мыслителя Ивана Ильина, имеющие прямое отношение к оценке усилий тех, кто разрушает государство: «Расчленение организма на составные части нигде и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, гниения, всеобщего заражения... И мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество свободы, демократии и федерализма... Откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки бразды правления и поведет Россию к единству, пресекая все

³⁵ Так не очень точно на первых порах именовали Беловежские соглашения.

³⁶ Цит. по Андрей Грачев. Кремлевская хроника. Указ. соч., с.347.

³⁷ Андрей Грачев. Указ. соч., с.356.

и всякие сепаратистские движения в стране, или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижения, возвращения, отмщения, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия».

«Вот этого, — сказал на прощание Горбачев, — нельзя допустить в любых вариантах. Я уверен, что мы делаем ошибку, вот почему я так серьезно обеспокоен. Опаснейшие мины заложены в историю нашего государства».³⁸

Тем временем Беловежские решения послужили пусковым крючком для дальнейшей серии разрушительных действий. 10 декабря они были ратифицированы Верховными Советами Украины и Белоруссии. 12 декабря решение о роспуске Советского Союза и Соглашение о создании СНГ утвердил Верховный Совет РСФСР. В тот же день президент Украины объявил себя главнокомандующим всеми вооруженными силами, расположенными на ее территории. 16 декабря Верховный Совет Казахстана принял решение о государственной независимости республики. 19 декабря Ельцин объявил о прекращении деятельности МИД СССР. На следующий день Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление об упразднении Государственного банка СССР.

19 декабря Горбачев направил в Алма-Ату участникам предстоявшей встречи руководителей республик, на которой предполагалось конституировать Содружество Независимых Государств, свое Послание. В нем он предостерегал их, что начинающийся процесс разъединения, расчленения единой страны, который приходит на смену длительному историческому процессу ее формирования, не будет легким. Речь идет «о повороте колоссального масштаба», затрагивающем основы жизни народов. Положение осложняется тем, что этот период будет происходить в обстановке глубочайшего экономического политического и межнационального кризиса³⁹.

Смысл этого Послания президент видел в том, чтобы очертить минимум положений, без учета которых будущее Содружество представлялось ему нежизнеспособным. Он рекомендовал, в частности, уделить особое внимание обеспече-

³⁸ Там же, с.356–357.

³⁹ «Правда» 20 декабря 1991.

нию прав человека, положить в основу будущего межгосударственного союза социально ориентированную рыночную экономику, отказаться от дезинтеграции целостной системы военно-стратегической безопасности, сохранить совместное внешнеполитическое представительство в международном сообществе, обеспечить координацию действий в области науки и культуры, гарантировать легитимность всех преобразований в ходе общественного развития⁴⁰.

На встрече в Алма-Ате 21 декабря послание Горбачева было проигнорировано. В принятой на ней Декларации образование Содружества Независимых Государств было одобрено без каких бы то ни было существенных изменений. Присутствовавшие на ней главы одиннадцати республик согласились также с тем, что в связи с решением о создании СНГ Союз Советских Социалистических Республик «прекратил свое существование».

Исходя из сложившейся ситуации, Горбачев 25 декабря в выступлении по телевидению заявил о прекращении своей деятельности на посту Президента СССР. «Принимаю это решение — заявил он, — по принципиальным соображениям. Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостность страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться...».

Об аргументации, призванной оправдать решения, принятые в Беловежской пуще, можно судить по выдержкам из выступления Ельцина 12 декабря 1991 года на сессии Верховного Совета РСФСР.

«Переговоры в Беларуси стали закономерным следствием тех процессов, которые развивались в течение последнего времени. В течение нескольких лет страна переживает глубокий кризис государственности. Разложение мощных органов Центра вело к утрате управляемости, усилило экономический кризис, падение жизненного уровня населения, увеличило социальную нестабильность... Чтобы как-то облегчить свое по-

⁴⁰ «Правда» 20 декабря 1991. Андрей Грачев. Указ. соч., СС. 373–374.

ложение, республики начали принимать меры к спасению в одиночку, к защите своих интересов собственными силами. Обозначилась опасная тенденция. Уже завтра реальностью могли стать и товарные блокады, и закрытые границы, и экономические войны...

В последнее время стал обозначаться силовой сценарий развития событий: призывы восстановить контроль над всей территорией бывшего Союза любыми средствами начали звучать все более громко... Три республики, которые выступали учредителями СССР, приостановили процесс стихийного, анархичного распада того общего пространства, в котором живут наши народы. Была найдена единственная возможная формула совместной жизни в новых условиях — Содружество Независимых Государств...

Соглашение является базой для динамичного развития нового типа связей между суверенными государствами. Положен конец самому главному препятствию к этому — союзному Центру, который оказался неспособным освободиться от традиций прежней системы».

Удивительная логика: «лучший способ помочь больному пациенту — отрубить ему голову». С позиций двадцатилетней давности хорошо видны реальные последствия Беловежья.

Не случайно спустя несколько лет, в марте 1996 года, в постановлении Государственной Думы Российской Федерации (№ 157 — 11 ГД) содержалась следующая констатация:

«2. Отметить, что должностные лица РСФСР, подготовившие, подписавшие и ратифицировавшие решение о прекращении существования Союза ССР, грубо нарушили волеизъявление народов России о сохранении Союза ССР, выраженное на референдуме СССР 17 марта 1991 года, а также Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, провозгласившую стремление народов России создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР..

5. Предложить Правительству Российской Федерации принять необходимые меры по сохранению единого экономического, политического и информационного пространства,

развитию и укреплению интеграционных связей государств, созданных на территории Союза ССР...»⁴¹

Еще более жестко и фундировано звучало заключение специальной комиссии, Государственной Думы, созданной ее постановлением от 19 июня 1998 года.

«...Б.Н. Ельцин пошел на грубое нарушение статей 74–76 Конституции СССР 1977 г., Закона СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», статей 4, 5, 68, 70, 71, 76 Конституции РСФСР 1978 г., статей 4, 6 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. «О президенте РСФСР». Б.Н. Ельцин совершил указанные действия вопреки воле народов РСФСР о необходимости сохранения СССР, выраженной во время всенародного голосования (референдума), состоявшегося 17 марта 1991 года.

Анализ событий, предшествовавших заключению Беловежских соглашений, позволяет также сделать вывод о том, что действия Б.Н. Ельцина по организации заговора с целью захвата союзной власти имели осознанный, целенаправленный характер...»⁴²

Спустя ряд лет, задним числом в адрес Горбачева стали раздаваться упреки в том, что он-де, упустил возможность, используя силу, пресечь замыслы заговорщиков. Те, кто придерживается подобного мнения, полностью игнорируют реалии того времени.

Во-первых, подавляющее большинство советских граждан, придавленное условиями острого кризиса и дезориентированное республиканскими властями, рассматривало провозглашение Содружества Независимых Государств как некую более мягкую форму сохранения Союза, тем более, что первоначально было провозглашено, что СНГ сохранит структуры, способные обеспечить единство внешней и оборонной политики.

Во-вторых, к моменту принятия Декларации о роспуске Советского Союза в поддержку этого решения вроде бы выказывались все основные легально существовавшие тогда поли-

⁴¹ http://lawrussia.ru/texts/legal_185/doc185a837x809.htm с. 1

⁴² http://www.nasledie.ru/vlact/5_7/article.php?art=15 с. 2

тические объединения — справа налево. Не случайно во всех Верховных Советах республик за создание СНГ и роспуск Союза голосовало подавляющее большинство депутатов. Против решились подать свои голоса лишь единицы.

В-третьих, сил правопорядка, способных выступить в защиту государственного единства к тому времени практически не существовало. То, что сохранилось, представляло собой дезорганизованную и дезориентированную массу. Министр обороны СССР маршал Шапошников и командование вооруженных сил к тому времени находились в сговоре с Ельциным и его командой.

В таких условиях, попытаться применить силу значило бы, в «лучшем случае», развязать гражданскую войну. Для Горбачева это было исключено, как из принципиальных, нравственных, так и из прагматических соображений.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги

Сложившиеся обстоятельства как бы предопределили безнадежность борьбы Горбачева за сохранение единства государства. Каковы же причины такого хода событий?

Назовем наиболее существенные.

— Возникновение двоевластия в жизненном центре страны, значительный перевес в нем в сторону российской власти, присвоившей в дни первого путча еще сохранившиеся союзные (материальные, организационно-институционные и кадровые) ресурсы, ее возросший моральный авторитет как силы, остановившей путчистов.

— Ускорившееся «разбегание» союзных и автономных республик, элиты которых, воспользовавшись разрухой в Центре, в еще большей степени консолидировали свою власть на местах. Возвращаться под чей либо (пусть самый мягкий) контроль они не собирались.

— Острейшие противоречия между союзным и российским руководством, между самими республиками (включая автономные) сделали невозможным сколько-нибудь существенное экономическое оздоровление. Налоговая система

практически рухнула. Платежных средств для покрытия бюджетных платежей не оставалось. Достигнутые договоренности не выполнялись, согласия относительно крайне необходимых реформ не просматривалось

— Большинство населения страны пребывало в отчаянном положении. Существование превратилось в борьбу за выживание. С прилавков магазинов исчезло все самое необходимое. Повсеместно царили раздражение и недовольство. Вместе с тем широко распространилось чувство растерянности. Соответственно исчерпал себя столь распространенный до этого метод уличных выступлений («фактор улицы»).

— Не удалось использовать в это время и внешние источники. Обещанные «большой семеркой» кредиты, на которые можно было приобрести столь необходимые продовольствие и медикаменты, были ею «из политических соображений» задержаны. Некоторая незначительная сумма (14 млрд. при необходимых 100 млрд.) поступила лишь за неделю до Беловежского сговора.

— Сплотившаяся вокруг Ельцина группа демагогов сумела, благодаря ряду обстоятельств, овладеть наиболее влиятельными средствами массовой информации и внушить с их помощью многим отчаявшимся людям надежду на то, что, «сбросив имперское бремя» и «освободившись от обязанности кормить другие республики», Россия мгновенно воспрянет и за несколько лет превратится в процветающую страну — подстать другим, самым успешным в Европе и во всем мире.

— Многие интеллигенты, первоначально активно поддерживавшие Перестройку, переметнулись в «ельцинский лагерь» и превратились в его интеллектуальную обслугу. Эта часть интеллигенции занялась привычным для нее в аналогичных случаях делом — созданием очередного «культа», теперь вокруг Ельцина как безальтернативного лидера — спасителя России. Оба влиятельных течения, сложившихся в ту пору в интеллигентской среде — шовинистическое и либерально-евроцентристское — работали, по сути, в одном направлении — на разрушение Советского Союза.

— В обстановке прогрессирующего системного кризиса в сознании значительной части народа актуализировались во

многим исторически обусловленные черты — презрение к любой власти, безразличие к общественным обязанностям, отсутствие склонности к политически организованной деятельности (своего рода «пофигизм»), а у думающей его части — еще и страсть к пустопорожнему критиканству как форме самоутверждения и самореализации.

Но был ли возможен иной исход?

Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Констатировать можно лишь следующее. В историческом процессе всегда есть место альтернативе. Тот вариант, который был реализован на практике, был обусловлен набором конкретных причин. А он мог быть и иным.

На XXVIII съезде КПСС, состоявшемся летом 1990 года, Горбачеву и его сторонникам, вопреки ожесточенным атакам консервативной части делегатов, удалось одержать вверх по совокупности принципиально важных вопросов. Были приняты решения, расчищавшие путь к дальнейшему углублению политики Перестройки и коренному преобразованию самой партии

«Нам, — писал впоследствии в своих воспоминаниях сам Горбачев, — удалось отстоять перестроечную линию, подтвердить взятый курс, в том числе на рыночные реформы. Был сделан и определенный шаг в дальнейшем разграничении функций партии и государства»⁴³.

Съезд дал однозначный ответ и на вопрос: какой должна быть обновленная партия.

Она должна быть освобождена от идеологической зашоренности, догматизма, стремиться играть инициативную роль в политических и идеологических процессах, действуя методами убеждения, развития отношений сотрудничества и партнерства со всеми прогрессивными общественно-политическими движениями. Она должна будет строить взаимоотношения между своими членами исключительно на основе партийного товарищества, уважении к мнениям каждого, признания права меньшинства на собственную позицию, полной свободы обсуждения и обязательности для всех принятых большин-

⁴³ М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. Книга первая. М. 1995, с. 564.

ством решений. В ее внутренней жизни должны утвердиться принципы самоуправления, свободы действий партийных организаций, самостоятельности компартий союзных республик, объединенных единством программных целей и уставных положений. Ей надлежит открыться для контактов и взаимодействия с коммунистами, социалистами и социал-демократами разных стран и разных ориентаций, с представителями многих других течений современной политической и научной мысли⁴⁴.

Такая партия могла бы возродить лидирующие позиции и противостоять как консервативной прослойке политического класса, так и тем, кто был готов рвать страну на части.

Однако, как показали последующие события, должного обновления КПСС не произошло. Ему помешал ряд причин. Но главной в их числе была кадровая проблема, которая так и не была своевременно решена.

Было бы несправедливым утверждать, что Горбачев недооценил значимость этой проблемы. Знаменитый январский Пленум ЦК 1987 г. свидетельствует о противном. Но за последние два года задача кардинально решена не была. Да, были произведены замены и в высшем эшелоне — в Политбюро, и ЦК, а также на местах. Но они не дали нужных результатов. Перестройка не успела выработать, говоря современным языком, своей «элиты», искренне заинтересованной и способной квалифицированно осуществлять ее идеи и замыслы. У многих рычагов власти продолжали пребывать люди, не желавшие и боявшиеся перемен.

В результате страна получила не только Ельцина, от которого надо было избавиться сразу. Но потом — и Павлова, и Янаева, и Пуго, и Бакланова, и Болдина, и фрондирующих генералов вроде Варенникова. А если пошуровать по министерствам и ведомствам, не говоря уж об обкомах и райкомах, то там можно было найти сотни, если не тысячи людей, которые изначально не могли, а главное, не хотели Перестройки. Сначала они, как могли, саботировали ее, а затем, кто подготовил, а кто поддержал антиконституционный путч ГКЧП. А он, в свою

⁴⁴ М.С. Горбачев. Там же, с 547.

очередь, нанес союзной государственности такой нокдаун, от которого она уже не оправилась.

Путч и обстоятельства его подавления выбили из рук высшей, перестроечной власти рычаги воздействия на ход событий. Дискредитирована была сама идея преобразования, отечавшего исторически оправданным жизненным интересам страны. Не оказалось под рукой, как было показано выше, даже чисто «силовых рычагов», если бы Горбачев и решил к ним прибегнуть (что невероятно «по определению!»). **В этом суть страшного, непростительного преступления путчистов перед страной и ее будущем.**

Конечно, рассуждать о том, что было бы, если бы было то, чего не было на самом деле, — не пристало исследователям. Но вопросы — как «это» могло случиться?! — задают до сих пор. И некоторые историки, а то и кто попало, дают на него вымышленные ответы, навязывая при этом публике свою политически ангажированную позицию.

РАЗДЕЛ IV

В.Б. КУВАЛДИН

Внешний фактор: роль США

К середине 80-х годов прошлого века позади для Советского Союза остался период его взлёта и мощного утверждения на мировой арене. За разрядкой первой половины 70-х годов последовало «второе издание холодной войны». Хотя самый тревожный момент — 1983-ий год — был пройден, ситуация оставалось очень напряжённой и взрывоопасной.

Настроенное на поиски путей налаживание конструктивно-го сотрудничества с Западом, новое руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым не сразу смогло остановить раскрученный маховик «холодной войны». В первые перестроечные годы она продолжала взимать свою обильную дань. По-прежнему дорого — во всех отношениях — обходилось Советскому Союзу острое геополитическое соперничество в «третьем мире».

Завершение «холодной войны» «вничью», на вполне приемлемых условиях, которого удалось добиться перестроечному руководству, несомненно, укрепило внешнеполитическое положение страны, с большим трудом несшей бремя затяжной, дорогостоящей конфронтации. В то же время долгожданная нормализация международных отношений обнажила другую, ещё более фундаментальную проблему советской внешней политики: тупиковость модели «реального социализма» поставившей под вопрос его внешнеполитическую проекцию. Как только были убраны поддерживавшие его внешние силовые и финансовые подпорки, оно осело, накренилось и стало разваливаться буквально на глазах.

Стремительное крушение коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе было полной неожиданностью для внешнего мира. Между тем, за двадцать лет, прошедших после «пражской весны» 1968 года, в общественных настроениях советских «солагерников» произошёл резкий перелом. Социалистическая идея была дискредитирована в лю-

бой ее форме — государственной, «реальной», «демократической». Разумеется, оставалось неясным, в какой мере это относится к населению Советского Союза, но в любом случае это было серьёзным сигналом об опасностях, поджидающих горбачёвских реформаторов впереди. Во весь рост встал вопрос о необходимости выработки реалистического курса дальнейших преобразований, движения к новой модели общества, свободной от генетических пороков прежней системы.

Крах государственного социализма в странах Восточной Европы поставил горбачёвскую Перестройку под удар одновременно с двух флангов. Консервативные силы обвиняли его в предательстве идеалов социализма, утрате завоеваний великой победы во Второй мировой войне, кардинальном ослаблении позиций страны на мировой арене. Радикалы требовали форсированного перехода к новому устройству общества по западным образцам.

Несомненно, наиболее существенным внешнеполитическим фактором, могущим оказать сильное воздействие на внутрисоциальные процессы в Советском Союзе, была политика Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки. Позиция двух элементов «западного треугольника» была достаточно очевидной. Япония, зацикленная на требовании возвращения «северных территорий», слабо и неохотно корректировала свою негибкую позицию. Скованность японской дипломатии обуславливалась и внешним воздействием: стреноженный американо-японским договором безопасности Токио постоянно оглядывался на Вашингтон.

В Западной Европе картина была диаметрально противоположной. Здесь мирное наступление Советского Союза дало наиболее мощный эффект. Измученные сорокалетним противостоянием на переднем крае «холодной войны» западноевропейцы впали в эйфорию и даже «горбиманию». Дело приняло столь серьёзный оборот, что в начале 1989 года недавно избранный президентом США Дж. Буш-старший на одной из первых встреч-обсуждений с ближайшими соратниками заявил, что Соединённые Штаты должны вернуть себе лидерство в Европе, которое оспаривает Горбачёв. Явно имея в виду систему трансатлантических союзов и связей, президент за-

кончил совещание угрюмой констатацией: «Если мы не вернём лидерство, всё посыплется».

После Второй мировой войны в западном мире при всей значимости западноевропейского центра силы последнее — и решающее — слово всегда оставалось за американцами. Тем более на советском направлении. Не стал исключением и период Перестройки. Как и раньше, Соединённые Штаты играли определяющую роль в отношениях Запада с советской Россией.

Роль «американского фактора» в трагическом развороте событий в последние годы существования СССР была и остаётся предметом дискуссий. Наши консерваторы прямо обвиняли правительство Соединённых Штатов во вмешательстве во внутренние дела Советского Союза, поддержке национал-сепаратистских движений, ставке на развал вчерашнего антагониста. Американская сторона отвергала обвинения в какой-либо сознательной подрывной деятельности, направленной на разрушение советского государства.

Любопытный разговор на эту тему состоялся в один из первых дней рокового 1991 года между председателем КГБ СССР В. Крючковым и американским послом Джеком Мэтлоком. В декабре 1990 года Крючков дважды публично обвинил США в подрывной деятельности, направленной против СССР. Возмущенный Мэтлок попросил о встрече и в разговоре с шефом КГБ пункт за пунктом отверг все обвинения в американский адрес. В ответ Крючков заявил, что он может документально подтвердить всё сказанное им в выступлении на Съезде народных депутатов СССР. На самом деле у каждой из сторон были весомые аргументы в пользу той и другой позиции.

Что представляла собой администрация Дж. Буша-старшего, основной контрагент советского правительства во внешнем мире в последние три года существования СССР? Кабинет Буша, а точнее его сегмент, определявший внешнюю политику страны (президент, вице-президент Д. Куэйл, госсекретарь Д. Бейкер, министр обороны Д. Чейни, директор Центрального разведывательного управления У. Уэбстер, руководитель аппарата Белого дома Д. Сунуну, помощник президента по вопросам национальной безопасности Б. Скоукрофт, председатель Объединённого комитета начальников штабов

адмирал Б. Кроу, которого вскоре сменил на этом посту генерал К. Пауэлл) почти полностью состоял из людей, которые знали друг друга много лет и тесно сотрудничали в прошлом. Незаурядные личности, яркие индивидуальности, люди с высокой самооценкой и большими амбициями, они тем не менее умели держать себя в руках в любой ситуации, в случае необходимости наступая на горло собственной песне. У всех был прямой выход на президента, каждый мог легко довести до его сведения свою точку зрения по тому или иному вопросу. Все были лояльны к президенту, никто не допускал несанкционированных утечек информации, хорошо зная, как он ненавидит, когда различия в подходах внутри кабинета обыгрываются в СМИ. Буш — опытный вашингтонский инсайдер — всегда мог вычислить источник информации. Поэтому в отличие от своих предшественников, Д. Картера и Р. Рейгана, когда надо было, он умел держать команду на коротком поводке, не позволяя внутренним спорам и разногласиям выплёскиваться в публичное пространство.

В администрации Буша работала хорошо отлаженная система подготовки, принятия и осуществления решений по внешнеполитическим вопросам. Её можно представить в виде четырёхступенчатой пирамиды, все уровни которой тесно взаимодействовали между собой. Верхний этаж занимал президент со своими личными советниками и помощниками. Накопивший огромный опыт президент Буш прекрасно разбирался в тонкостях мировой политики, обладал хорошим чутьём, старательно культивировал отношения с лидерами других государств.

Прямо под ним расположились руководители федеральных ведомств и институтов, играющих ключевую роль во внешнеполитическом процессе (имена многих из них названы выше). Их замы, часто правая рука начальника, действовали на третьем уровне. Здесь наиболее влиятельные из них входили в Комитет заместителей, занимавшийся планированием, осуществлением и координацией внешнеполитической деятельности.

Основание пирамиды составляли наиболее доверенные и способные сотрудники, входившие в ближайшее окружение

больших боссов. Часто это были довольно молодые люди, делающие блестящую карьеру. Здесь можно назвать имена Боба Зеллика и Денниса Росса из Госдепартамента или Кондолизы Райс и Боба Блэкуилла из Совета национальной безопасности.

В поисках решения важнейших проблем Буш не слишком полагался на аналитические записки с набором готовых рекомендаций. Он предпочитал серии обсуждений с доверенными советниками в узком кругу. Они дополнялись непринужденными диалогами президента с бывшими крупными чиновниками и другими лицами, в ходе которых поощрялось высказывание различных точек зрения и их свободное обсуждение. Это был процесс, в ходе которого независимо от ведомственной принадлежности наиболее способные люди, в том числе молодые, могли серьёзно влиять на решения, принимаемые президентом.

Как известно новая команда начала свою деятельность в январе 1989 года с внутреннего стратегического обзора основных направлений внешней политики страны. В своё время эта вынужденная «пауза» в дипломатической активности Соединённых Штатов вызвала много толков, кривотолков и нареканий в адрес администрации со стороны прессы, Конгресса, зарубежных комментаторов. Высказывались даже подозрения, что за закрытыми дверями готовится ревизия позднезейгановского курса на завершение «холодной войны» и развитие сотрудничества с бывшей «империей зла».

Как мы знаем, эти предположения не подтвердились. Также, как и в предыдущих администрациях, такого рода ревизия полученного наследия ставила своей целью разобраться в происходящем, позволить новичкам войти в курс дела, попытаться несколько расшевелить несменяемую бюрократию, сделать намётки на будущее, настроить команду на коллективную игру. Это было тем более необходимо, что в воздухе витало ощущение надвигающихся больших перемен в мировой политике.

Непосредственные результаты затянувшегося стратегического обзора, занявшего несколько месяцев, были довольно скромными: новые американские предложения по сокра-

щению обычных вооружений и вооружённых сил в Европе. Гораздо большее значение имело то, что бушевская команда сумела основательно подготовиться к головокружительным катаклизмам, которые в предстоящие три года изменили лицо мира.

Администрация Буша была последним американским правительством, для которого центральной внешнеполитической проблемой оставались отношения с Россией. Каково же было в тот момент видение американской администрации происходящего в Советском Союзе, её представления о возможных перспективах горбачёвской Перестройки?

По мере того, как мир выходил из состояния «холодной войны», отношение к Советскому Союзу американской элиты и общества в целом быстро менялось в лучшую сторону. «Цитадель мирового империализма», вчерашний смертельный враг №1, тоже оказался подверженным «горбимании», иногда в тяжёлой форме. Р. Гэйтс вспоминает, что за двадцать лет пребывания в Вашингтоне он не мог припомнить ничего подобного тому восторженному приёму, который оказала американская столица советскому лидеру во время его первого визита в США в декабре 1987 года.

В то же время наиболее враждебно или просто скептически настроенная часть американской элиты сохраняла настороженно-подозрительное отношение к горбачёвской Перестройке. Она опасалась того, что советское руководство стремится лишь выиграть время, получить передышку, чтобы, перестроившись и окрепнув, вновь вернуться к своей старой экспансионистской политике.

У скептиков была и запасная позиция: даже не ставя под сомнение искренность и серьёзность реформаторских намерений Горбачёва, они полагали, что слишком многое завязано на одном человеке, зависит от его физического состояния и политического выживания. Только к концу 1988 года вашингтонские фомы неверующие стали оценивать некоторые — с их точки зрения позитивные — перемены в советской внешней и военной политике как необратимые.

Судя по опубликованным материалам, в Вашингтоне гораздо раньше и намного трезвее, чем в Москве, оценили мас-

штабы общесистемного кризиса, в который быстро погружался Советский Союз. Ещё в конце 1987 года, то есть до известных событий в Карабахе, аналитики ЦРУ пришли к выводу, что накал национальных страстей в различных республиках создаёт для центральной власти реальную угрозу утраты рычагов управления.

В дальнейшем тревожные мотивы в характеристике американскими спецслужбами развития ситуации в СССР последовательно нарастали. В 1988 — 1989 гг. в аналитических материалах ЦРУ содержатся предупреждения относительно углубления кризиса в Советском Союзе, растущей опасности правого переворота, возможности коллапса системы. После прихода Буша в Белый дом в конце апреля 1989 года в очередном докладе Управления внутреннее положение в СССР оценивалось как наиболее нестабильное со времён больших чисток 30-х годов. Авторы текста, разосланного ключевым политическим фигурам в Вашингтоне, были «...далеки от уверенности, что Горбачёв сможет удержать запущенный им процесс под контролем».

1 марта 1990 года ЦРУ вновь обращает внимание политического руководства США на углубляющийся кризис в Советском Союзе. По его оценке советское правительство оказалось перед лицом «...общей неспособности добиться осуществления своих распоряжений во многих национальных республиках, потери контроля над обществом в целом, стремительного упадка КПСС, сепаратистских движений в республиках Балтии и других местах, серьёзных межэтнических конфликтов и продолжающегося ухудшения состояния экономики». Завершавший обзор прогноз был выдержан в столь же мрачных тонах: «Похоже, что политическая нестабильность, социальные потрясения и межэтнические конфликты никуда не уйдут и могут усилиться».

Несомненно, что команда Буша с самого начала хорошо представляла всю сложность положения инициатора Перестройки. В целом она довольно скептически оценивала его шансы на успешное реформирование советской системы. В качестве наиболее серьёзных камней преткновения на пути реформ виделись экономический кризис и разгул национализ-

ма. Воздавая должное Горбачёву за то, что он сделал и ещё может сделать для своей страны и мира, новая администрация трезво и жёстко очерчивала его политические перспективы. Разумеется, с тем же американским прагматизмом никогда не забывали о том, что Советский Союз остаётся очень крупной величиной, с которой надо считаться.

Линией размежевания внутри администрации на «партию послевоенного мира» и «партию продолжения холодной войны до победного конца» стал ответ на вопрос, как наилучшим образом позаботиться об американских интересах в обозримом будущем. Буш, Бейкер, Скоукрофт были твёрдо настроены на работу с Горбачёвым, видели именно в нём гарантию продолжения реформ в СССР, и, похоже, в душе надеялись, что, несмотря ни на что, он сможет довести начатые преобразования до успешного завершения.

Чейни, Л. Иглбёргер (заместитель госсекретаря США), Гейтс считали Горбачёва неисправимым коммунистом, стремящимся отремонтировать и наладить существующую систему. Поэтому сколь бы ни были велики реформаторские достижения Горбачёва, многие его начинания могут быть обращены вспять и Советский Союз по-прежнему останется «империей зла», представляющей наибольшую угрозу безопасности Соединённых Штатов. Если всё же, несмотря ни на что, горбачёвской реформации будет сопутствовать удача, то тем хуже для США: в будущем им придется иметь дело с накачавшей экономические и политические мускулы коммунистической сверхдержавой, опирающейся не только на военную мощь. Логическим следствием такой позиции была ставка на разрушение СССР как единственную надёжную гарантию американской безопасности и интересов. Эти установки нередко встречали сочувственный отклик у Скоукрофта и, по-видимому, К. Райс.

При более или менее численном равенстве сил политическое превосходство внутри бушевской команды было на стороне тех, кто сделал ставку на Горбачёва. Их возглавляли два тяжёловеса, игравших ключевую роль в сфере внешней политики: президент и госсекретарь. Вместе с тем было бы неправильно недооценивать силу группировки «ястребов», всё уве-

реннее тянувших одеяло на себя по мере ухудшения внутреннего положения в Советском Союзе. Не следует забывать и о том, что при случае некоторые «голуби» обожали клекотать по-ястребиному.

Подкреплённые аналитикой ЦРУ, с начала 1989 года всё более настойчиво предупреждавшей политическое руководство Соединённых Штатов о возможности внезапного коллапса СССР, «ястребы» отчётливо различали контуры быстро надвигавшегося кризиса всей советской системы управления. У неотвоевавшихся солдат «холодной войны» к чувству законного удовлетворения примешивались серьёзное беспокойство по поводу того, как возможный крах второй сверхдержавы может отразиться на первой с её глобальными интересами.

18 июля 1989 года Гейтс направил президенту меморандум под красноречивым заголовком «Мысли о немислимом: нестабильность и политические потрясения в СССР». В нём он писал о растущей вероятности того, что в ближайшие год — два перестроечное руководство столкнётся с такими проблемами и вызовами внутри страны, которые могут полностью изменить картину происходящего. В качестве необходимой меры предосторожности автор предложил начать систематическую разработку планов действий на случай чрезвычайных обстоятельств.

Президент согласился, и в сентябре 1989 года Гейтс поручил Кондолизе Райс собрать необходимых людей и в обстановке полной секретности начать эту работу. Небольшая группа Райс включала Денниса Росса из госдепартамента, Фрица Эрмарта и Боба Блэкуэлла из ЦРУ, Пола Волфовитца и Эрика Эделмана из министерства обороны. В своих сценарных заготовках они использовали ряд исследований, специально с этой целью заказанных ЦРУ.

Подстёгиваемый ожиданием больших перемен Белый дом после несколько затянувшейся начальной «паузы» старался не терять драгоценного времени. Общим знаменателем, на котором сходились все в администрации, — кроме, возможно, Чейни, настроенного наиболее непримиримо, — была готовность активно и конструктивно взаимодействовать с советским руководством по широкому кругу проблем. Осно-

вополагающую внешнеполитическую установку команды Буша на советском направлении наиболее ёмко и точно сформулировал госсекретарь Бейкер: мы не знаем, что там произойдёт, но мы должны действовать оперативно, чтобы зафиксировать все возможные приобретения, пока власть в руках Горбачёва.

Поворотной точкой в позиции американской администрации по отношению к горбачёвскому руководству и его политике сохранения Советского Союза можно считать лето 1990 года. В июне ЦРУ выступило с наиболее мрачным к этому моменту предупреждением: «Недавнее ускорение политических событий в СССР может вскоре привести к серьёзному нарушению преемственности в советской политике и существенным изменениям в руководстве страны. Президент Горбачёв теряет контроль над политическим процессом, его будут усиленно подталкивать к резкому развороту влево или вправо для того, чтобы попытаться вернуть политическую инициативу...Время контролируемых реформ, направляемых центральной властью из Москвы, подходит к концу».

Чувствуя, что настал их час, «ястребы» перешли в наступление. 13 июля Гейтс послал президенту меморандум, в котором обосновывал необходимость неотложного пересмотра подхода администрации к советским делам. В нём повторяются привычные аргументы, что Горбачёв в глубине души был и остаётся неразоружившимся коммунистом, пытающимся соединить государственный социализм с «регулируемым» рынком. Поэтому на него в первую очередь возлагается вина за прогрессирующий паралич экономики.

К старым доводам в поддержку своего подхода автор меморандума добавляет новые. Он говорит о том, что Горбачёв исчерпал себя как реформатор: советский лидер подобно Моисею вывел свой народ из рабства, но не в состоянии привести его в землю обетованную. Гейтс также воспроизводит вышешприведённую констатацию аналитиков ЦРУ, что Горбачёв быстро утрачивает поддержку в стране.

В завершение в качестве альтернативы предлагалось «деперсонализировать» американскую поддержку реформ в Советском Союзе, ставить на развитие процесса, а не конкретную личность, установить контакты и развивать отноше-

ния с другими лидерами реформаторского толка. В то же время с такими же предложениями к президенту обратились Иглбёргер и Чейни; по-видимому, это была скоординированная акция.

Реакция Буша была неоднозначной. В ответ на меморандум он написал: «Брент/Боб — Толковая бумага. Совет... разумен, однако, похоже, Горби, по крайней мере, пока, удержится на плаву».

За нежеланием президента полностью принять рекомендации «ястребов» стояло многое. К этому времени Буш, всегда и во всём придающий особое значение личным взаимоотношениям, проникся большим уважением и глубокой симпатией к Горбачёву. 41-ый президент Соединённых Штатов отдавал должное советскому лидеру как инициатору перемен, положивших конец «холодной войне» и коренным образом изменивших облик мира. Он прекрасно понимал его роль в процессе выхода «социалистического лагеря» из тупиков изжившей себя системы. Буш высоко оценил сдержанность, здравомыслие, надёжность советского лидера в подходе к «бархатным революциям» в социалистической части Европы, начавшемуся снизу, но ещё не завершённом процессу объединения Германии. А впереди простиралась ещё далеко не исчерпанная политическая повестка дня, в частности в области сокращения вооружённых сил и вооружений, где также, как для танго, нужны были двое. И здесь Буш, Бейкер и Скоукрофт лучшего партнёра, чем Горбачёв, не видели.

Тем не менее, в сложившейся ситуации просто проигнорировать демарш «ястребов» президент не считал возможным. 18 июля во время встречи в Париже Бейкер сообщил Шеварднадзе, что Соединённые Штаты намереваются установить более прочные контакты с Б. Ельциным и другими реформаторами. Таким образом «ястребы» добились серьёзного успеха, отныне у них были развязаны руки для своей игры на советском поле, чем они не преминули воспользоваться.

Среди лидеров демократических движений особые надежды «ястребы» возлагали на Ельцина. Его первая поездка в Соединённые Штаты в сентябре 1989 года была неудачной. Он слишком много пил, дурил во время встречи в университете

Джонса Гопкинса и вообще произвёл впечатление человека, который не умеет себя вести в приличном обществе.

Тогда — по настоянию Гейтса и К. Райс — его принял в Белом доме Б. Скоукрофт. Оказавшись внутри здания в сопровождении К. Райс, Ельцин артачился, устраивал сцены, добиваясь подтверждения того, что он обязательно встретится с Бушем. Во время беседы помощник президента чуть не заснул от скуки, слушая монотонные рассуждения своего гостя, как надо управлять Советским Союзом. Борис Николаевич буквально преобразился, когда в кабинете появился президент. Он оживился, преисполнился энтузиазма, даже стал интересным. Очевидно, с его точки зрения наконец-то появился достойный собеседник — человек, действительно облечённый Властью. Между ним и Бушем в течение двадцати минут состоялся оживлённый разговор, тональность которого не испортилась даже тогда, когда президент вновь подтвердил свою поддержку Горбачёва. Всё же в тот раз в целом Ельцин произвёл на обитателей Белого дома такое же негативное впечатление, как и за его пределами.

«Ястребы» старательно реабилитировали Ельцина. Неделю спустя после его избрания председателем Верховного Совета РСФСР и более чем за месяц до своего июльского меморандума Гейтс послал президенту короткую записку, посвящённую своему новому протезу. В ней он писал, что под влиянием прошлогодней встречи в Белом доме, возможно, недооценили Ельцина. Между тем он очень умело использовал открывшиеся возможности для возвращения в большую политику. Записка завершалась следующим прогнозом-рекомендацией: «Он (Ельцин — В. К.) превращается в крупного игрока, хотя бы на время, и в дальнейшем мы должны избегать публичных негативных комментариев в его адрес — в один прекрасный день мы можем оказаться сидящими вместе с ним за столом переговоров». В ответ Буш заметил на полях докладной: «Я с этим согласен».

Хотя после этого критических стрел в ельцинский адрес сильно поубавились, Буш, Бейкер и Скоукрофт по-прежнему были невысокого мнения о нём. Они также опасались, что

большая открытость в его сторону может ослабить и рассердить Горбачёва.

Внутри администрации наиболее активными сторонниками налаживания связей с Ельциным были, как нетрудно догадаться, Чейни и Гейтс. Ему также сильно симпатизировали ведущие аналитики ЦРУ, особенно руководитель советского отдела Джордж Колт и председатель Национального совета по разведке Фриц Эрмарт. В своих материалах они акцентировали его популярность в Российской Федерации и за её пределами, реформаторские начинания, нешаблонные подходы к решению межнациональных проблем. Правда, отношение к их продукции во многом определялось общими установками адресата: в то время как на Гейтса она производила сильное — и надо думать отрадное! — впечатление, его шеф Скоукрофт, считавший ЦРУ безнадежно проельцинской конторой, не принимал подобные сочинения всерьёз.

В принципе нетрудно догадаться, почему «ястребы» так старательно привечали Ельцина. Им не мог не импонировать его радикализм, откровенный антикоммунизм и антисоветизм. Но ещё больше они ценили то обстоятельство, что в борьбе с федеральным центром он явно был готов пожертвовать союзным государством. Скованные командной дисциплиной, не позволявшей им выходить за определённые рамки, «ястребы» надеялись использовать Ельцина как таран для разрушения СССР. Вспомним, что такова была их стратегическая установка, определявшая всю логику действий этой группировки.

Следующий сдвиг администрации США от ориентации на федеральный центр в сторону сильно засамевших руководителей то ли союзных республик, то ли полунезависимых государств можно датировать весной 1991 года. В апрельском докладе ЦРУ «Советский котёл» сухо констатировалось: «Экономический кризис, стремление к независимости и антикоммунистические силы разрушают советскую империю и систему управления».

В следующем месяце ЦРУ сообщает президенту и его ближайшему окружению, что горбачёвское доминирование на советской политической сцене закончилось и «...не будет вос-

становлено». Управление прогнозирует: «Независимо от того, останется ли он на своём посту в течение года или нет, произойдёт крупное перераспределение власти в пользу республик, если только оно не будет заблокировано консервативным переворотом».

Между тем ещё с лета 1990 года американская администрация — и прежде всего госдепартамент — стала наводить мосты с представителями оппозиции и лидерами союзных республик. А зимой 1991 года началось настоящее паломничество политических деятелей разной окраски и калибра в Вашингтон. Когда эти новые, ранее неизвестные фигуры заполнили американскую столицу, там толком не знали, кого и как надо принимать. Разумеется, все хотели встретиться с президентом, но большей части это было «не по чину». Правильно расставить нахлынувшую публику по ранжиру и обеспечить соответствующие контакты на официальном уровне было настоящей головоломкой. В то же время поиски представителями новых элит неофициального одобрения и поддержки в Вашингтоне автоматически превращало Соединённые Штаты в активного и влиятельного участника внутривнутриполитического процесса в Советском Союзе. Так, например, по свидетельству Мэтлока, в 1991 году Запад сильно давил на Горбачёва, добиваясь того, чтобы он **не вводил** президентское правление в стране или отдельных её частях.

Каковы были мотивы продолжающегося дистанцирования команды Буша от горбачёвского руководства? Здесь можно назвать целый комплекс причин. Белый дом всё более сурово критикует за то, что он не оставляет Горбачёва ради новых лидеров демократических движений. В самой администрации такие фигуры, как Б. Гейтс и К. Райс, были уверены, что время его пребывания у власти подходит к концу.

Круто изменился внешнеполитический ландшафт. Старая повестка дня — освобождение Центральной и Юго-Восточной Европы от власти просоветских режимов, сохранение объединенной Германии в НАТО, отражение иракской агрессии против Кувейта и разгром военной машины Саддама Хусейна — была исчерпана. Соответственно ценность Москвы как стратегического партнёра в период эпохальных перемен в глазах Вашингтона убавилась.

На первый план выходила тема борьбы прибалтийских республик за государственную независимость. Как известно Соединённые Штаты никогда не признавали законным и добровольным включение прибалтийских стран в состав Советского Союза. Но в 1989 — 1990 годах прибалтийские сюжеты — впрочем, как и кавказские, — были всё-таки периферийными для бушевской команды. Разворачивающуюся кровавую драму в Закавказье в Вашингтоне рассматривали прежде всего как запутанный клубок межэтнических конфликтов, в котором федеральный центр пытается навести порядок, остановить кровопролитие, утихомирить разбушевавшиеся страсти.

Отношение к Прибалтике было совсем иным, но здесь по внешнеполитическим соображениям Буш избегал открытого противостояния с Горбачёвым, предпочитая добиваться своих целей средствами дипломатии. С января 1990 года — как всегда в унисон с президентом — Бейкер в приватном порядке постоянно вёл диалог с Шеварднадзе на эту тему, подталкивая Москву к переговорам с лидерами сепаратистов в поисках мирного решения возникших проблем. В то же время в официальном Вашингтоне полагали, что в данном вопросе их возможности повлиять на происходящее более чем ограничены.

После кровавых столкновений в Вильнюсе в январе 1991 года ситуация резко изменилась. В отличие от кавказских народов значительное число беженцев из бывших прибалтийских государств обосновались в Соединённых Штатах и со временем превратились во влиятельную политическую силу. Когда три прибалтийские республики начали движение к независимости, им была обеспечена серьёзная поддержка в Вашингтоне. Буш оказался под огнём критики за его «примиренческое» отношение к горбачёвской политике в этом вопросе. После Вильнюса эта критика превратилась в ураганный обстрел.

В начале 1991 года неясность позиции и намерений Горбачёва в отношении прибалтийского сепаратизма сделали эту тему постоянным источником разногласий между Москвой и Вашингтоном. В этой атмосфере американская сторона с одобрением восприняла демонстративный жест Ельцина, который, едва узнав о вильнюсских событиях, отправился в Тал-

лин, где подписал заявление о взаимной поддержке с главами трёх прибалтийских республик как **руководителями независимых государств**.

Несмотря на мощный накат с разных сторон, публичная реакция президента Буша была достаточно сдержанной. Он немедленно осудил захват вильнюсского телецентра и, не дождавшись оценки происшедшего от Горбачёва, послал ему личное письмо, в котором сообщил, что, если будет продолжаться применение силы в Прибалтике, он будет вынужден приостановить все программы развития экономического сотрудничества с Советским Союзом. Поскольку постепенно ситуация разрядилась, то вскоре инцидент можно было считать исчерпанным.

Прибалтика была не единственным и не главным камнем преткновения в отношениях советского лидера с его американскими партнёрами. С осени 1990 года в Вашингтоне всё хуже понимали логику его поведения в той острейшей борьбе за власть и собственность, которая разгорелась в СССР. Там всерьёз опасались, что столкнувшись с острейшим кризисом системной трансформации, он поворачивает вправо в надежде как-то стабилизировать положение в стране. Переход президента СССР в лагерь консерваторов мог коренным образом изменить расклад политических сил.

И всё же несмотря ни на что, президент Буш и часть его команды не торопились списать со счетов Горбачёва и поставить на новые, довольно тёмные лошадки. Они видели в нём надежного партнёра в международных делах и политика, запас прочности и реформаторский потенциал которого ещё не исчерпан. В более конкретном, практическом плане необходимо было снять возникшие противоречия трактовок отдельных положений недавно заключенного договора об обычных вооружениях в Европе, а на подходе был важнейший договор о стратегических наступательных вооружениях.

В Белом доме боялись перегнуть палку, чтобы не спровоцировать правый переворот или — что ещё хуже — не толкнуть Горбачёва в объятия консерваторов. Там мучительно пытались определить, какую степень нажима извне может выдержать

расшатанная советская система, прежде чем её защитники возьмутся за оружие.

Ещё более опасались в Вашингтоне погружения в кровавый хаос гражданской войны супердержавы с тысячами ракет и десятками тысяч ядерных боеголовок. Здесь считали необходимым, чтобы развитие центробежных процессов в СССР шло упорядоченно, мирно, в цивилизованных политико-правовых формах; таким образом надеялись ограничить в будущем жажду мести и страсть к реваншу.

Стараясь действовать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, президент Буш в марте — апреле 1991 года делает осторожный шаг в сторону Ельцина. Когда госсекретарь Бейкер приехал в Москву в середине марта, он хотел встретиться с Ельциным. Несмотря на все старания посла Мэтлока, встречу организовать не удалось: судя по всему ельцинскую команду не устроил подчёркнуто скромный формат встречи (ужин в резиденции посла, на который были приглашены главы всех союзных республик, кроме прибалтов, с которыми Бейкер встречался отдельно).

Эта история имела продолжение, когда через месяц Мэтлок отправился за новыми инструкциями в Вашингтон. К этому времени у Ельцина было несколько приглашений посетить американскую столицу от Конгресса и частных лиц, но он был готов приехать только в том случае, если будет принят президентом Соединённых Штатов. Мэтлок встретился с Бушем 18 апреля во второй половине дня, основная часть беседы была посвящена отношениям Горбачёва и Ельцина. На следующий день с ним связался Эдвард Хьюитт, который только что сменил в аппарате Белого дома вернувшуюся в Стэнфордский университет Кондолизу Райс. Он сообщил, что по возвращению в Москву посол может заверить Ельцина, что Буш примет его, если тот приедет в Вашингтон.

По-видимому, на решение Буша немалое влияние оказал бывший президент США Р. Никсон. В конце марта Никсон посетил Москву (возможно, по просьбе Белого дома), встретился с Ельциным и по возвращению в Вашингтон поделился своими наблюдениями и выводами с президентом. Судя по все-

му, он рекомендовал Бушу уделять больше внимания российскому лидеру.

Буш принял Ельцина, неделю назад одержавшего убедительную победу в первом туре на выборах президента России, 20 июня 1991 года. Это был «новый Ельцин»: со вкусом одетый, серьёзный, уверенный в себе и держащийся с достоинством. После встречи под нажимом обрадованного увиденным Гейтса разительную перемену в его облике и поведении был вынужден признать даже Скоукрофт.

Своего рода «момент истины» настал для американского президента, когда он посетил СССР с официальным визитом в конце июля — начале августа того же года. Визитеры из-за океана могли сполна почувствовать сложность взаимоотношений федерального центра с главами республик. В Москве американской делегации пришлось иметь дело со «старым Ельциным» образца 1989 года: мелочным, упрямым, дурно воспитанным, всячески пытающимся набить себе цену.

В Киеве официальными языками визита были украинский и английский без перевода на русский. По предварительной договорённости во время встречи американского президента с председателем Верховного Совета Украины Л. Кравчуком вице-президент СССР Г. Янаев в соседней комнате беседовал с премьером республики Витольдом Фокиным и послом Д. Мэтлоком. Выступление Буша в украинском парламенте было истолковано как слегка завуалированная поддержка линии Горбачёва в процессе реформирования союзного государства. Наиболее ударные в этом отношении пассажи были вписаны в текст речи самим президентом. Нетрудно прогнозируемым результатом была острая критика в адрес Буша, как на Украине, так и в США.

Появление на сцене ранним утром 19 августа 1991 года (на атлантическом побережье Соединённых Штатов ещё завершался день 18 августа) Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) поставило администрацию Буша перед сложной дилеммой. Разумеется, о какой-либо поддержке гэкачепистов не могло быть и речи, но насколько жёсткой должна быть ответная реакция американского правительства на попытку переворота? Находившийся в это время в

своём загородном доме в Кеннебанкпорте, штате Мэн на севере страны, президент Буш вместе с Брентом Скоукрофтом искали ответ на этот вопрос.

На следующее утро, побеседовав с американским поверенным в делах в Москве Джеймсом Коллинзом и изучив аналитическую справку ЦРУ, президент сделал первое заявление для печати о происходящем в СССР. Хотя он не последовал примеру президента Франции Ф. Миттерана, который воспринял переворот как свершившийся факт, заявление Буша было выдержано в осторожно-выжидательных тонах. Он квалифицировал действия ГКЧП как выходящие за конституционные рамки (*extraconstitutional*) и выразил надежду, что руководители ГКЧП будут соблюдать международные обязательства Советского Союза.

В середине дня Буш получил два послания из Москвы, от двух противоборствующих сил. В первом из них, переданном через Коллинза, Ельцин из осаждённого российского Белого дома просил о поддержке. Во втором, которое в американский Белый дом доставил советский посол Виктор Комплектов, содержались заверения гэкачепистов о сохранении преемственности политического курса. На словах посол просил власти США с пониманием отнестись к создавшейся ситуации.

Буш не колебался в своём выборе. Вечером того же дня, вернувшись в Вашингтон и обсудив события в СССР в кругу советников и помощников, он сделал в адрес ГКЧП резкое и жёсткое публичное заявление с открытым осуждением путча как незаконного и антиконституционного предприятия. Президент ясно обозначил своё нежелание признавать ГКЧП или работать с его руководителями. Он призвал заговорщиков вернуть узурпированную власть Горбачёву и предостерег их против использования силы против республик или стран Восточной Европы. На следующий день Буш позвонил Ельцину в Белый дом и заверил его, что Запад един и твёрд в последовательной поддержке проводимой им линии. Он поддерживал тесные контакты с Ельциным до тех пор, пока не смог поговорить с Горбачёвым.

Можно было бы не останавливаться на этих известных фактах и обстоятельствах столь подробно, если бы они не породили любопытную и поучительную заочную дискуссию. В своих мемуарах посол Мэтлок, который за неделю до путча оставил свой пост и вернулся в США, сурово осудил первоначальную реакцию президента Буша на ГКЧП как вялую и малокомпетентную, что повредило силам сопротивления заговорщикам и могло бы наделать ещё больше бед. Более того, в своём осуждении политики президента в отношении СССР посол пошёл значительно дальше, представив его как неуверенного в своих политических возможностях человека с замедленной реакцией, явно проигрывающего в сравнении со своим предшественником, Рональдом Рейганом.

Заявление Буша утром 19 августа можно объяснить тем, что в тот момент он располагал весьма ограниченной информацией относительно сложной и потенциально взрывоопасной ситуации в ядерной сверхдержаве, с которой Соединённые Штаты совсем недавно находились в состоянии «холодной войны». Как всегда в таких случаях руководствуясь принципом «не навреди», он выбрал линию поведения, которая оставляла открытыми все возможности для дальнейших действий. В то же время Буш аккуратно наметил стратегию нарастающего противодействия путчистам, которую он энергично развил, как только ситуация стала проясняться.

Следующей — и последней — проверкой политики администрации Буша на советском направлении стала реакция на ельцинский ползучий контрпереворот, направленный против федерального центра и лично президента СССР. Он начался сразу после провала путча произвольным запретом КПСС и закончился в декабре 1991 года нелегитимным беловежским сговором.

Серьёзные люди в Вашингтоне прекрасно себе отдавали отчёт в том, что это был именно **контрпереворот**, то есть незаконный захват власти в созданной путчем атмосфере правового нигилизма. Именно так его квалифицирует многоопытный Гейтс, который в мае 1991 года вернулся из аппарата Белого дома в родное ЦРУ, на этот раз в качестве его директора. Нового руководителя Управления, столь щепетильного в во-

просах правовой чистоты собственного поведения и деятельности своих подчинённых, вовсе не смущает явно противозаконный характер ельцинских действий; он пишет о них с одобрением, даже восхищением. Гейтс отмечает, что одним из важнейших побудительных мотивов Ельцина была личная враждебность по отношению к Горбачёву и желание отнять у него власть.

По утверждению Гейтса после путча и ельцинского контрпереворота бушевская команда наблюдала происходящее в распадающемся Советском Союзе со стороны. Наверное, в нём есть доля истины. «Голуби» и раньше держались осторожно в этом отношении, «ястребы» могли слегка расслабиться, поскольку союзное государство спасти могло только чудо.

Тем не менее, оставались два вопроса, сильно тревоживших американское руководство: в какой мере страна, называвшаяся СССР, сумеет сохранить своё единство и кто будет контролировать советский ядерный арсенал. Эти темы обсуждались в узком кругу (так называемая «банда восьми») 5 сентября и 11 октября. Как и следовало ожидать, наиболее агрессивно был настроен Чейни. На сентябрьской встрече он заявил: «Распад Советского Союза в наших интересах». Ему возразил Бейкер: «В наших интересах **мирный распад**, а не ещё одна Югославия», видимо, желая подчеркнуть, что в данном случае форма процесса не менее важна, чем его содержание. Колин Пауэлл занял позицию где-то в середине. Он сказал, что хотел бы увидеть распад старого Советского Союза, но не уверен, что это должно означать «...шестнадцать республик, разбредшихся по сторонам...В наших интересах создание какой-то конфедерации и затем развитие двусторонних отношений». В целом разговор крутился вокруг наиболее злободневных вопросов «жизни после смерти»: как строить отношения с руководителями республик, стоит ли ждать нового союзного договора, можно ли иметь дело со слабым центром и сможет ли слабый центр контролировать военных.

Президента беспокоила крайняя неустойчивость ситуации, невозможность поспеть и даже толком следить за событиями в бывшей сверхдержаве. Наконец он перешёл к сути дела. Ещё в конце августа Буш решил предложить советскому

руководству новую серию разоруженческих инициатив. После трёх недель интенсивной проработки они вылились в обращение президента к нации, в котором он представил ряд предложений по сокращению вооруженных сил и ослаблению военного противостояния.

На повестке дня октябрьской встречи «банды восьми» стоял тот же ключевой вопрос: чему содействовать, укреплению центральной власти в СССР или переходу полномочий к республикам. Не изменилась и расстановка сил: Чейни против большинства. Когда он заявил: «Поддержка центра загонит нас не на ту сторону в процессе реформ», Бейкер возразил, что он выступает не за восстановление контроля со стороны центра, а за трансформацию в соответствии с «дорожной картой», базирующейся на определённых принципах. Он продолжил: «Говорить, что поддержка центра разворачивает нас против реформ, значит чрезмерно упрощать ситуацию. Парни в центре **и есть** реформаторы. Президент Грузии — **не** демократ и ярый поборник независимости». Бейкер завершил встречу таким заявлением: «Мы не должны брать на вооружение политику поддержки распада Советского Союза на двенадцать республик. В соответствии с **нашими** принципами мы должны поддерживать то, что **они** хотят».

Даже если предположить, что к этому моменту основная часть команды Буша разделяла точку зрения госсекретаря, время и возможность действительно демократического самоопределения будущего народов Советского Союза было упущено. После августа центробежные процессы были запущены на полную мощность. Свежеиспечённые республиканские «элиты», почувствовав на губах вкус власти и собственности, рвали на куски единую страну. Их разыгравшимся аппетитам не могли противостоять ни федеральный центр, ни измотанные, замороженные люди, которые только только начали превращаться в граждан. В то роковое время у Союза оказалось слишком мало защитников, силы были явно неравны.

В этой ситуации претендовать на то, что спасательный круг тонущему Союзу бросят из американского Белого дома, было бы странно и нелепо. 27 ноября на встрече с американцами украинского происхождения Буш заявил, что по резуль-

татам референдума он готов признать независимость Украины. Как и ожидалось, 1 декабря Украина проголосовала за независимость. Путь к Беловежскому сговору был открыт.

* * *

Несомненно, в последние годы жизни советской сверхдержавы воздействие внешнего мира на внутривнутриполитические процессы было велико. Обнаружившаяся несостоятельность и последующий крах глобального проекта государственного социализма сделал очевидным, что СССР оказался в историческом тупике, из которого нет простого и лёгкого выхода. Крушение просоветских режимов в Европе серьёзно уменьшило политический вес Советского Союза как сверхдержавы. Отказ от продолжения холодной войны в «третьем мире» также этому способствовал. Противники Перестройки истолковали это все против Горбачева и политики реформ.

И всё же внешние факторы не играли и не могли сыграть решающую роль в судьбе Советского Союза. Основной причиной гибели советского государства стала внутренняя борьба — особенно в самой России — за власть и собственность в одной из богатейших стран мира, борьба, вышедшая далеко за всякие разумные, цивилизованные рамки.

Более сложным представляется ответ на вопрос о причинно-следственных связях между «холодной войной» и разрушением СССР. Эта сложность порождена прежде всего необычностью самого феномена «холодной войны». Она отличается от обычных войн многоликостью, неопределённостью, изменчивостью своего облика. Не случайно, ученые спорят даже по таким, казалось бы, относительно простым вопросам, как точная датировка её начала и конца.

Наш сюжет в какой-то мере позволяет приблизиться к пониманию внутренней природы этого сложного процесса. Мир 1989 — 1991 годов — это послевоенный мир. Иначе нельзя объяснить ту степень взаимопонимания и сотрудничества между двумя сверхдержавами, которую они проявили в подходе к европейским и мировым делам в этот период быстрых и драматических изменений.

Джордж Буш — первый американский президент после окончания «холодной войны». И действительно, нет никаких свидетельств того, что он или государственный секретарь Джеймс Бейкер предпринимали какие-либо враждебные действия, направленные против Советского Союза. Напротив, они как-то пытались помочь, поддержать советское руководство.

Это правда, но не вся правда. В то же самое время в Соединённых Штатах, в том числе и на высшем политическом уровне, действуют люди и силы, ведущие против СССР войну на уничтожение. Так, например, в конце 1989 — начале 1990 годов агенты ЦРУ развернули в бывшем «социалистическом лагере» бурную деятельность, направленную против КГБ и Советской армии. Их активность была столь велика, что Скоукрофт и Гейтс были вынуждены сдерживать своих рыцарей плаща и кинжала, чтобы не поставить в затруднительное положение президента Буша. Сам Гейтс датирует официальное заключение мира между ЦРУ и российскими наследниками КГБ 1992-м годом, то есть через несколько лет после окончания «холодной войны». Логично предположить, что нечто подобное мы можем обнаружить и в других сферах: в вооружённых силах, военно-промышленных комплексах, пропагандистских аппаратах, бюрократических структурах, мозговых центрах, политических партиях, общественных организациях. Мир не один год вползал в «холодную войну», вряд ли он выходил из неё быстрее.

«Партия войны» в администрации Буша получила в свои руки мощное политическое оружие, которым ранее никогда не располагали противники СССР. Вместо небольшой группы диссидентов она могла опереться на массовые, влиятельные национал-сепаратистские и радикальные оппозиционные движения. По мере ослабления федерального центра они превращались в действенный инструмент разрушения союзного государства. В этих условиях «ястребы» внутри администрации Буша, не выступая открыто против политики президента, могли продолжать свою разрушительную линию «холодной войны» против Советского Союза.

РАЗДЕЛ IV

Ю.А. КРАСИН

Итоги, выводы, перспективы

В чем же исторический смысл и каковы последствия происшедших трагических событий 1991 года? Как они повлияли на перспективу российского общества?

Перестройка инициировала эпохальный процесс трансформации советского общества, задыхавшегося в «шагреневом комбинезоне», унаследованном от сталинского политического режима. Но нельзя было в одночасье освободиться от тяжелых вериг недавнего прошлого, коренившегося не только в государственных институтах, а во всех порах общественной жизни.

Осознание необходимости демократических перемен появилось задолго до Перестройки. Реформаторские настроения получили широкое распространение в обществе сразу же после смерти диктатора. На этой волне XX съезд КПСС в 1956 году нанес первый удар по сталинизму. И он же показал, какая мощная цитадель автократизма противостояла робким попыткам изменить существующее положение вещей и демократизировать советский строй. Усилия тогдашних реформаторов увязли в тине авторитарного консерватизма. Они и сами оставались в плену прежних стереотипов сознания и политического поведения, и — главное — каждое новаторское действие с их стороны наталкивалось на сильное противодействие ретроградов в среде партийно-государственной бюрократии. Кульминацией противоборства стал антихрущевский заговор 1964 года и наступление длительного периода брежневского застоя.

Тем не менее, XX съезд партии пробудил шестидесятников и подготовил почву для нового тура давно назревших перемен в советском обществе. Перестройка стояла на плечах съезда и поэтому смогла продвинуться гораздо дальше. Однако и она столкнулась с роковой дилеммой всех великих трансформаций. Как кардинально изменить устройство социума и

не разорвать нить исторической преемственности; как осуществить перемены, требующие решительной ломки устоявшихся институтов и практик, травмирующие общество, и в то же время сохранить контроль над процессом изменений, не допустить разгула анархии и вседозволенности, разрушения государственности.

Трагедия двух путей свидетельствует, что у Перестройки было мало шансов справиться с этой трудной дилеммой.

На пути демократических преобразований стояла массивная закостеневшая политическая система, опиравшаяся на разветвленную сеть централизованного идеологического аппарата, выполнявшего охранительные функции в увязке с хорошо отлаженной машиной репрессий по отношению к «еретикам». За годы сталинского правления в этой системе выработался стойкий иммунитет по отношению к либеральным веяниям. Любые реформы в этом направлении, даже исходившие из верхних эшелонов власти, с порога отторгались. Обезличенная инерционность системы погубила хрущевскую «оттепель». Она же задействовала свои тормозные механизмы в ответ на инновационный вызов Перестройки. Инициативы горбачевского руководства тормозились, выхолащивались, а нередко прямо бойкотировались, проходя по исполнительным ступеням власти. Не случайно в народном фольклоре бытовало сравнение Перестройки с тайгой: вверх шум от ветра, а внизу — тишина и покой.

Инерционная застойность советской политической системы питала непробиваемый консерватизм партийно-государственной номенклатуры. Даже творческие инициативные люди, попадая в состав номенклатуры, были вынуждены считаться с консервативной логикой системы. Те, кто сопротивлялся, не проходили сквозь сито карьерного отбора, застревали в периферийных нишах или вовсе оказывались за бортом. Удивительно, что такой инициативный и самостоятельно мыслящий человек, как Горбачев, в тех условиях смог выйти на вершину властной пирамиды. Можно считать это счастливой случайностью, которая рано или поздно происходит в тех случаях, когда общественный процесс заходит в тупик, и кажется, что нет выхода. Тогда наряду с доминирующей логикой систе-

мы начинает действовать нестандартная логика самосохранения, которая дает простор политикам, расширяющим горизонт возможного.

Но, пожалуй, наибольшая трудность на пути Перестройки проистекала из состояния, в котором пребывало сознание советского общества. Более полувека последовательно и методично происходило его идеологическое «оукливание». Безусловно, под внешней оболочкой ортодоксальной мифологии имела место дифференциация общественного сознания. Она резко усилилась в постсталинский период. Решения XX съезда КПСС, и особенно сама Перестройка, ниспровергли многие постулаты и догмы официальной марксистской ортодоксии, сняв с общественного сознания наиболее тяжкие и одиозные идеологические оковы, обеспечив свободу для творческой мысли. Однако в своей базовой основе сознание общества сохраняло устойчивость. К тому же после долгих лет монопольного положения одной государственной идеологии ее резкая ценностная девальвация создала в духовном пространстве социума идеологический вакуум, который быстро заполнился новыми мифами и предрассудками, мешавшими людям понять, что происходит.

Вследствие этого общественное сознание советского общества все больше отставало от темпов, заданных перестройкой, не успевало осваивать происходившие перемены, адаптироваться к ним. Тем более, что у проводимых реформ были немалые издержки и трудности, затрагивавшие интересы широких слоев населения. Это порождало настроения недовольства и недоверия к Перестройке, которые всячески раздувались и использовались идеологами и лидерами двух заговоров.

Перестроечное руководство понимало и учитывало возникшую асинхронность в развитии реформ, с одной стороны, и общественного сознания, с другой. Но оно было зажато в тиски неумолимого противоречия между острой потребностью в быстрых переменах и не менее острым дефицитом времени, отведенного обществу для осознания необходимости этих перемен со всеми сопутствующими издержками. Стремясь найти оптимальный баланс, Горбачев и его команда оказались перед фронтом, с одной стороны, ретроградов, которые проти-

вились реформам и закончили августовской авантюрой, а с другой — радикал-либералов, которые требовали более крутых и быстрых действий, а закончили декабрьским путчем, развалившим Советский Союз.

Несмотря на эти усилия, на политической арене происходило размежевание сил по конфронтационному сценарию, который не мог привести к успеху реформации и победе демократии, что подтверждается как фактами, так и опытом истории.

В начале 1990-х годов известный политолог Адам Пшеворски тщательно проанализировал эмпирические данные перехода от авторитаризма к демократическим формам правления в странах Восточной Европы и Латинской Америки. Он пришел к выводу, что на этом пути успеха добиваются те страны, где в обществе удастся сохранить согласие, где достигнется компромисс между реформаторами и консерваторами, а радикалы с обеих сторон оказываются в изоляции. Проблема демократии после падения тоталитарных диктатур заключается в том, отмечал американский профессор, — «...примут ли лица, действующие на политической сцене, структуры демократических институтов, в которых будет вырабатываться согласие?»¹.

В российских условиях — не приняли. Лидерам не хватило толерантности. Да и откуда ей было взяться? Хотя стратегии и политике Перестройки был присущ алгоритм национального консенсуса. Выдвигая программу реформ, Горбачев заявлял в адрес партийных консерваторов, что Перестройка дает шанс всем принять активное участие в преобразованиях. Решительно отстаивая идею сохранения Союза, он проявлял гибкость, готовность к компромиссам с теми, кто не соглашался с обсуждавшимися проектами. То, в чем придиричивые критики Горбачева усматривали нерешительность и колебания, объективно выражало стремление избежать враждебного противостояния реформаторов и консерваторов, не допустить губительного лобового столкновения, интегрировать и тех и других в реформационный процесс.

¹ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y., 1991. P. 39.

В отличие от Горбачева сторонники конфронтационной политики в принципе отвергали национальное согласие. Именно поэтому они не хотели действовать в рамках легитимных институтов и правовых процедур, пошли на организацию заговоров: одни против только зарождавшихся структур молодой и несовершенной демократии за возврат к административно-командной системе, другие — под прикрытием либеральных лозунгов «свободы» за полное разрушение самой государственности. Два путча 1991 года стали апогеем двойного прессинга на Перестройку с целью торпедировать стратегию национального согласия.

Не благоприятствовал перестроечному курсу и социокультурный фон, на котором разворачивалось противоборство стратегических линий согласия и раскола. Конфронтационная политическая культура, доминировавшая в российском сознании, аккумулировала в себе многовековой исторический опыт жестоких и непримиримых столкновений противостоящих сил. Особую роль в этом отношении сыграл живой в памяти современников XX век, обернувшийся для России кровавыми войнами, насильственными преобразованиями и масштабными репрессиями. Суровый опыт прошлого не только запечатлелся в образе мыслей и поведения людей, но и закрепился на социально-генетическом уровне.

Трудно представить себе, чтобы за короткое время — а большего лимита Перестройке не давала сжатая пружина накопившихся для решений проблем — можно было сдвинуть политическую культуру с платформы перманентной конфликтности на платформу толерантности и согласия. Отложить же давно назревшие реформы советской системы было невозможно без реальной угрозы большой катастрофы.

Ретроспективно обозревая события 1991 года и последующих постперестроечных лет, нетрудно заметить, что реформация общества, начатая перестройкой в соответствии с политическими и социокультурными реальностями России, пробивает себе путь через противоречивое сочетание демократических и авторитарных тенденций. Реформаторским властям, проводящим демократические реформы и добивающимся расширения коридора возможностей для продвижения в

этом направлении, приходится проявлять жесткость при возникновении угрозы прямой конфронтации и раскола, блокировавшей достижение национального согласия. Горбачев и его команда, стремясь действовать демократическими методами, избегали обращения к чрезвычайным мерам. Путчистам это прибавляло самоуверенности, если не сказать наглости.

Негативную роль сыграло запоздание с коренным реформированием КПСС, ее социал-демократической переориентацией. Партия была отодвинута на обочину политической жизни, уступив место еще не устоявшимся и во многом случайным по составу парламентским структурам. Верхушка партийной бюрократии, которая и без того находилась в оппозиции к Перестройке, в большинстве своем оказалась в лагере открытых противников демократических преобразований².

Конечно, отстранение КПСС от руководства политическим процессом дало положительный эффект, убрало рогатки и препоны с пути демократического развития. Но партия в советском обществе была стержнем всей государственной и политической системы. Сохранить структуру государственности, выдернув стержень, можно было лишь заменив его какой-то другой осевой конструкцией, способной выполнять функции социального контроля и политического регулирования. Но институты демократической государственности только еще начинали формироваться. В них пришли люди, лишенные опыта государственной работы, случайные попутчики больших перемен, а то и просто авантюристы. Между тем Перестройка дала свободу многообразию частных интересов, инициатив и начинаний, которая ничем не дозировалась, не уравновешивалась ростом ответственности за публичный интерес и общее благо.

Лишившись стержня, государство как система потеряло способность противостоять натиску радикалов, адаптироваться к быстро меняющимся условиям. У сторонников Перестройки не оказалось механизмов социального контроля, спо-

² Горбачев по этому поводу говорит следующее: «Я думаю (и это называю своей первой ошибкой), что промедление с реформой КПСС привело к тому, что она, по сути, стала тормозом этих жизненно важных процессов» (Независимая газета, 6 апреля 2010 г., Приложение НГ Политика, с. 10).

способных сдержать надвигавшееся стихийное половодье анархии и вседозволенности. Провоцируемая алчущими власти радикалами эта стихия прокатилась по стране в последующее десятилетие, нанеся обществу болезненные травмы.

Показательно, кстати, что путинская стабилизация в нулевые годы XXI века не обошлась без создания партии власти. Что это? Может быть «намеки истории» на неизжитую в России практику участия партии власти в государственной системе социального контроля? В свете постперестроечного опыта ясно видно, что эволюционная трансформация советской системы — альтернатива ельцинскому «слому» государственности — не могла произойти без концентрации главных усилий на демократическом реформировании самой КПСС, на консолидации в ней реформаторского ядра.

Само собой разумеется, что возможности для этого были ограничены. Нужна была «встряска», смелый прорыв сквозь институты и ритуалы закостеневшей политической системы. К этому подталкивал и замшелый консерватизм партийной элиты, не допускавшей и мысли о каких-либо существенных переменах. Реформистское течение внутри партии ширилось. Но для его укрепления требовалось больше времени. Реформаторам же хотелось двигаться к демократии быстрее, и не всегда они соизмеряли свои действия с коридором реальных возможностей. Это способствовало тому, что восторжествовала логика радикально-либеральной ломки, которая дала реформации иной поворот и породила кризис демократического развития.

Реформаторам перестроечного периода не удалось использовать минимальный шанс и не допустить разрыва преемственности демократического курса. Но все же, благодаря Перестройке, задавшей эволюционный тон российской реформации, этот разрыв не принял крайних форм, не превратился в кровавую гражданскую войну по югославскому образцу.

Тем не менее, в целом заговорщические акции второй половины 1991 года обозначили рубеж поворота российской реформации на тяжелейший путь зигзагообразного развития, сопряженный с огромными ресурсными и ценностными поте-

рями, с опаснейшими рисками утраты значимой роли в мировом раскладе сил и даже возможности занять достойное место в зарождающемся постиндустриальном мире.

Парадигмой радикально либеральных реформ стало разрушение советских структур и институтов. Мотивация, как обычно у радикалов, — расчистить пространство для развития новых общественных отношений. Очень напоминает большевистский тезис о расчистке строительной площадки социализма от «буржуазного хлама»³. Реальность всегда мешает радикалам, они жаждут воплощать свои идеи «с чистого листа». Российские «радикал реформаторы», свысока поругивая Горбачева за нерешительность, считали, что «слом» этатистской экономики и советского государства откроет прямую дорогу рыночным отношениям и демократии. Российским гражданам они обещали, что те очень скоро будут жить, как на Западе. Что же думают граждане сегодня, спустя 20 лет, о благах, полученных ими от этих либеральных реформ? Вот данные всероссийского опроса, проведенного в апреле 2011 года Институтом социологии РАН. Выигравшими от проводимых с 1992 года реформ считают себя всего 10% населения, проигравшими — 26%, не выиграла и не проиграла — 35%, а 29% затруднились ответить на этот вопрос⁴.

Исторический опыт доказывает, что парадигма разрушения в общественных трансформациях, как правило, гасит импульсы роста и развития социума, отбрасывает его далеко назад. В социальных революциях это выражалось в феномене «термидора», наступавшем всякий раз, когда вырвавшаяся из-под контроля лавина разрушений и произвола подводила общество к грани самоуничтожения; установление жесткого авторитарного порядка воспринималось в этой ситуации как избавление от кошмара полного хаоса. Победа деструктивного радикализма в 1991 году окончательно перевела российскую реформу из демократического русла перестроечной по-

³ Американский политолог Питер Риддуэй метко назвал гайдаровские реформы «большевизмом наизнанку».

⁴ Двадцать лет реформ глазами Россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Институт социологии РАН. Москва — 2011, с. 95.

литики на рельсы «авторитарного отката» и формирования сословно разделенного общества под властью государственной бюрократии, сросшейся с олигархическим капиталом; общества странной конструкции, рассчитанной на доминирование «сильных» и богатых, общества, обреченного на имманентный системный кризис.

Осью радикально либеральной экономической реформы стала приватизация государственной собственности ради формирования частных собственников — субъектов рыночных отношений. Причем, если экономическая политика Перестройки делала основной упор на создание условий для мелкого и среднего частного бизнеса при сохранении за государством ведущей роли в крупной индустрии, то при осуществлении приватизации центр тяжести был перенесен на крупные предприятия, которые по существу раздавались близким к власти людям. Иными словами, искусственно создавался слой олигархов. В атмосфере неопределенности и жажды наживы приватизированная собственность использовалась неэффективно и часто не по назначению. Новоиспеченные «счастливчики» — собственники выжимали из общенародного достояния по максимуму, не вкладывая капиталы в развитие производства, а вывозя их за границу. За короткий срок Россия была фактически деиндустриализирована.

Хищническое «разгосударствление» собственности сразу же заложило основу для безудержного роста социального неравенства, который принял масштабы, попирающие все исторически сложившиеся нормы и представления о социальной справедливости⁵.

Срастание олигархии с государственной бюрократией, культ богатства и властного статуса создали благодатную почву для процветания необузданной коррупции, превратившейся в тяжкое бремя экономики и генератор нравственного разложения общества.

По данным упомянутого исследования Института социологии РАН, треть россиян считает «падение морали» одной из

⁵ См. результаты выполненного в Горбачев-Фонде исследовательского проекта в книге «Социальное неравенство и публичная политика» (под редакцией В.Медведева, М.Горшкова, Ю.Красина), М.: Культурная революция, 2007.

главных потерь российского общества за годы реформ⁶. Общество, в котором чистоган становится главным регулятором поведения людей, обречено на ожесточение, рост преступности и духовное обнищание.

Экономика, развитие которой определяется, прежде всего, интересами «сильных мира сего», естественно, не нуждается и в демократии. Поэтому принятая на волне радикально либеральных реформ Конституция РФ, вопреки провозглашенным в ней демократическим принципам правления, сосредоточила всю полноту власти в руках исполнительных органов государства. За постперестроечный период в обществе вместе с усилением авторитарных тенденций произошла явная девальвация демократических идей и ценностей.

Согласно данным исследования ИС РАН, удельный вес демократических ценностей в сознании россиян постепенно, но неуклонно, падает. В 2001 году с утверждением, что демократия очень важна для организации жизни социума, соглашались 51% респондентов. В 2011 году их число снизилось до 44%, а численность несогласных увеличилась с 12% до 20% (36% затруднились определить свою позицию). Еще хуже показатели восприятия населением положения дел с демократией: 71% опрошенных считает, что в делах страны ничего не зависит от простых граждан. А в итоге практически половина населения страны (48%) — при 23% не определившихся — полагает, что Россия не демократическая страна⁷.

Тот факт, что эти умонастроения разительно отличаются от тех, которые превалировали в перестроечные годы, наглядно демонстрирует, какой крутой излом произошел в развитии страны в постперестроечный период. Основной вектор политики Перестройки — продвижение к демократическому устройству современного общества гуманистического типа. Основной вектор политики нынешней власти — стабилизация режима «мягкого авторитаризма» в рамках складывающейся государственно-капиталистической системы при гегемонии правящей бюрократии и крупного капитала.

⁶ Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. Институт социологии РАН, Москва, 2011 г., с. 216.

⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян, с. 175, 178.

Вдумываясь в логику российской реформации за четверть века, правомерно заключить, что после двух роковых путчей 1991 года из всех возможных вариантов социально-экономических и политических реформ был избран наихудший вариант. Он поставил Россию на край вселенской катастрофы, обрек великую страну и ее граждан на тяжелейшие испытания, на невиданные в мирное время потери и страдания. И сегодня еще не виден свет в конце тоннеля.

Нельзя, однако, как это делают радикал либералы по отношению к советской эпохе, представлять истекшее двадцатилетие в виде «черной дыры», в которой бесследно растворился смысл истории, и ничего не остается, как закончить ее трагедией 1991 года.

Развитие продолжалось и в период авторитарного отката, и в нулевые годы застойной стабилизации. Пусть односторонне и несистематично, с большими деформациями, но все же идет процесс становления новых экономических отношений, новой социальной структуры, новых общественных институтов. В активную деятельность включаются молодые поколения со своим видением мира, со своими желаниями и ценностями, своим ритмом и образом жизни, со своими запросами и требованиями.

Накоплен богатый и многообразный социальный опыт, который нуждается в систематизации и осмыслении. В связи с этим в российском обществе наблюдается оживление публичной сферы, где артикулируются интересы и идеи, отражающие новые социальные практики, происходит центрифугирование этого мыслительного продукта, постепенно выкристаллизовываются контуры публичного интереса общества.

Пока еще критический анализ общественным разумом этапов и перипетий российской реформации находится в начальной стадии. Слишком мало прошло времени и слишком накалены страсти, чтобы можно было дать рациональное объяснение нынешних общественных трансформаций. Как говорил Гегель, сова Минервы вылетает в сумерки. Однако граждане России все острее ощущают, что тип общества, возникший у нас в постперестроечное время, далеко не отвечает их интересам и стремлениям.

Индикаторы этих настроений отчетливо уловило уже не раз упоминавшееся исследование Института социологии РАН. В аналитическом докладе по материалам проведенного социологического опроса отмечается, что сложившийся в России тип социума кажется россиянам *«неправильным, несправедливым, не обеспечивающим никаких гарантий на случай тяжелой жизненной ситуации и элементарной защищенности от разных форм насилия» (курсив авторов доклада)*⁸.

Социальный опыт убеждает наших сограждан, что на пути реформ создан не тот тип общества, который соответствует их нуждам и потребностям страны. И тот же опыт подсказывает, что по здравому смыслу нужно делать в этой ситуации: надо найти на траектории российской реформации ту бифуркационную точку, в которой сделан ошибочный выбор направления развития, и, соответственно, скорректировать полученные результаты. В представлении большинства населения России эта роковая точка приходится как раз на 1991–92 годы, когда к власти пришла ельцинская команда радикал либералов⁹.

Состояние советского общества, описанное в первом разделе доклада, ясно показывало, что прямого и легкого перехода этого общества от тоталитаризма к демократии и рынку быть не может. Но исстрадавшийся народ жаждал лучшей жизни, жаждал перемен, суливших быстрое достижение желанной цели. Используя это противоречие, радикал либералы уверяли, что разрушение «империи» и «шоковая терапия» в одночасье приведут Россию к свободе и благополучию. Декабрьский путч принес заговорщикам тактическую победу — привел их к власти. Но в долгосрочной перспективе — мы это видим с высоты двадцатилетнего опыта — он потерпел полное поражение. Нельзя было больное советское общество ломать через колено. Авантюризм рвавшихся к власти радикал либералов вверг Россию в бездну тяжелейшего системного кризиса, принесшего народу массу бедствий, страданий и диких форм отчуждения.

⁸ Двадцать лет реформ глазами россиян, с. 87.

⁹ Там же, с. 16–18.

Таков суровый урок 1991-го года. Россия дорого расплачивается за «беловежскую авантюру». Но пока неизвестна полная цена. Однако прошло то время, когда общество верило, что заговорщики преследовали цели «спасения страны от экономического краха, голода, распада». Сегодня под влиянием двадцатилетнего опыта 70% граждан видит эти цели в «захвате власти и перераспределении собственности». Всего только 6% респондентов полагают, что реформы Ельцина-Гайдара были безальтернативны, что их следовало проводить именно так, как они проводились. Прошедшее сквозь горнило тяжких испытаний, больших потерь и горьких разочарований общество *post factum* сознает, что после трагедии 1991 года у России были альтернативы наихудшему варианту реформ, избранному радикал либералами.

Хорошо было бы вернуться назад, и начать все сначала. Время, однако, необратимо. Нельзя из истории страны бесследно вычеркнуть две декады, наполненные драматическими событиями, кардинально изменившими и обстоятельства, и людей. Но в поисках выхода нужно попытаться вернуться на путь, намеченный перестройкой, не буквально, а с учетом времени, на новом витке исторической спирали. Тогда Перестройка была прервана инерционной мощью консервативной реверсии, вылившейся в роковые путчи. Теперь, когда плоды консервативной реверсии испытаны обществом на собственном опыте, демократическая реформация российского социума могла бы обрести второе дыхание.

Не утопична ли такая перспектива на фоне неприглядной российской действительности и авторитарного политическо-го курса нынешней власти?

Вопрос резонный. Россию, заблудившуюся в джунглях корпоративного эгоизма и «рентного синдрома», очень нелегко вернуть на путь демократического развития. Все же некоторую надежду дает неустойчивая амбивалентность российской политической системы, сочетающей в себе авторитарные и демократические черты.

Модель «мягкого авторитаризма» внутренне противоречива, она способна как демократизироваться, так и перерастает в «жесткий авторитаризм». Эта неустойчивая модель очерчи-

вает тот коридор возможностей, по которому движется российское общество.

Вероятность «жесткого авторитаризма» сегодня представляется не очень высокой: уж слишком он расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, ощутивших вкус свободы и самостоятельности. Авторитарный дрейф России наталкивается на серьезные препятствия: отсутствие у режима монополии на информацию, необходимость создания свободной творческой атмосферы для инновационной модернизации страны, активизация очагов общественной рефлексии в публичной сфере, противодействие со стороны демократической общественности на международном уровне, со стороны Запада в целом, т.е. жизненно важных экономических партнеров России. Конечно, выбор направления движения от «мягкого авторитаризма» далеко не predetermined и будет осуществляться в остром противоборстве разнонаправленных тенденций и стоящих за ними общественных сил.

Все же, трезво взвешивая аргументы «за» и «против», можно заключить, что шансы на постепенный переход от «мягкого авторитаризма» к более демократичному режиму достаточно высоки. Намерения и действия верховной власти определяются не только логикой групповых интересов слоев и кланов правящей элиты, но и давлением объективных обстоятельств, нередко вынуждающих власть вступать в противоречие с этой логикой. В условиях объективно назревшей модернизации всей общественной системы властная элита не способна управлять по-старому. Прессинг на нее увеличивается, потому что альтернатива инновационному обновлению — начавшиеся процессы общественной деградации уже захватили целые регионы страны и сферы. Об этом свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падения трудовой этики, роста жестокости и отчуждения, депопуляции обширных территорий, катастрофическая экологическая ситуация в обширных и важных регионах. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

Тревожный звонок в период экономического кризиса уже прозвучал. Авторитарный режим под давлением невозможности справиться с лавиной вызовов и угроз авторитарными методами проявляет черты политической растерянности. В политической системе образуются трещины. Как отмечает профессор Кентского университета Адриан Пабст, правящий режим в России, «возможно, не настолько статичный или монолитный, как считают некоторые. Все это вкупе с различиями взглядов и идеологий можно считать предвестником демократического ренессанса и системной трансформации в рамках существующего конституционного порядка»¹⁰.

Эти пока едва наметившиеся тенденции — слабый пролеск возможной постепенной демократизации, поэтапной консолидации политической оппозиции и появления новых демократических альтернатив, способных в той или иной мере ослабить авторитарные соблазны государственной политики. Между Сциллой окаменелого застоя и Харибдой неуправляемого хаоса пролегает полная опасностей узкая тропа надежды на постепенную демократизацию российского общества.

Начавшийся в мире переход к инновационному типу развития создает потребность в такой модели политического устройства, которая способна раскрыть гигантский потенциал «коллективной креативности». Перед российской властью встает дилемма: продолжать ли реформы в социальной сфере прежними методами, или перейти к социальной политике, отвечающей требованиям современности, т.е. уравнивающей публичные и частные начала. Нарушение разумных пропорций формулы равенство/неравенство в пользу тех, у кого богатство и власть, явно отторгается обществом. Демократическое развитие по современным критериям требует изменить вектор социальной политики. Необходим поворот к устранению застойного дисбаланса в распределении богатства и власти, приоритету публичных начал перед частными и корпоративными, ограничению роста социального неравенства. Для осуществления этих изменений сама власть должна демократизироваться.

¹⁰ «Третий путь» Дмитрия Медведева, «Россия в глобальной политике», 2010, №5.

Необходимость такой демократизации как составной части модернизации российского общества признал президент РФ Д. Медведев, говоря об осторожных поэтапных изменениях в политической сфере¹¹. К сожалению, предпринимаемые властью поэтапные изменения политической системы настолько осторожны, что больше напоминают имитацию изменений. Они не соответствуют размаху и целям провозглашаемой модернизационной программы.

Инновационная модернизация экономики и общества может успешно разворачиваться не в удушающей атмосфере сословно-разделенного общества, а лишь в атмосфере свободы и творчества, которые рождаются в процессе, пусть «поэтапных», но реальных демократических реформ. Если этого нет, то у модернизаторов будет постоянно возникать искушение совершить «инновационный прорыв» авторитарно-мобилизационным способом. По сути дела речь идет о выборе направления движения в нынешнем коридоре возможностей: пойдет ли оно вспять, к ужесточению авторитаризма, чреватому очередным застоєм и утратой шансов на прорыв к постиндустриализму, или вперед — к инновационному типу развития и демократической форме политического правления.

* * *

1991-ый войдет в российскую историю как год начала глубокого кризиса демократического развития России. Утраченных возможностей не вернуть. Но, чтобы не потерять сегодняшние, надо извлечь уроки из недавнего прошлого. Вот почему так важно осмыслить трагедию двух путей, которые произошли в 1991 году.

¹¹ Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами в рамках мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», Ярославль, 10 сентября 2010 года, <http://news.kremlin.ru/news/8882>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Авторам показалось важным поместить здесь в качестве приложения служебную записку, подготовленную за 10 дней до августовского путча 1991 года.

Записка, датированная 7 августа 1991 года, принадлежит А. Черняеву, который находился в то время вместе с Горбачевым в Форосе и по его, Горбачева, просьбе попытался охарактеризовать ситуацию (главным образом в общественной психологии и образе мыслей) накануне событий, которые столкнули государство на наклонную плоскость стремительного самоуничтожения.

М.С. Горбачеву

Страна накануне обретения новой формы своего существования¹ — и как государство, и как общество. Политическая реформа привела к тому, что государство не только стало другим, но и сменит название. Общество стремительно деидеологизируется. Монопольное доминирование одной партии заменяется плюрализмом. Гласность, свобода слова уже стали неотъемлемой характерной чертой общественной жизни.

Экономическая реформа сделала необратимым переход к рынку на основе многообразия форм собственности. Обе реформы открыли стране двери к вхождению по «общим правилам игры» в мировую хозяйственную систему.

Новое мышление содействовало таким переменам в международной ситуации, что стало возможным, по крайней мере на главных направлениях безопасности, проводить единую, в полном смысле мировую политику. Об угрозе мировой войны редко кто вспоминает.

Вот самые главные и самые очевидные, исторического масштаба перемены за шесть лет Перестройки.

Хорошо это или плохо?

При всем многообразии оценок итогов Перестройки, в большинстве своем критических, а то и просто ругательных, в

¹ Имеется в виду предстоявшее подписание 20 августа нового Союзного договора.

огромной массе мыслей и настроений, которые она вызвала у нас и во всем мире, можно вычленить главный вопрос, на который все хотят получить ответ: Перестройка — это революционный прорыв к естественным условиям развития великой страны или это — катастрофа для нее, конец ее истории как таковой?

Никакие оценки нельзя рассматривать вне конкретного времени. Они появлялись в реальном процессе Перестройки, были реакцией на те или иные ее повороты, на определенные действия властных органов. Но на них, какие бы они ни были, все больше сказывались два решающих обстоятельства: экономический кризис, падение жизненного уровня, потеря уверенности в завтрашнем дне — причем не с точки зрения «светлого будущего», а в практическом, жизненно-бытовом плане. И второе обстоятельство — беспокойство за государство как форму совместной жизни людей и наций, охраняющее личную и имущественную безопасность, и как духовную, патриотическую ценность. Оба эти обстоятельства воздействовали на весь спектр мнений о Перестройке, будь то крайние — правые или левые — или промежуточные, либеральные, консервативные, просто обыденные — вне всяких политических предпочтений. Это действительно главное. Ведь Перестройка и нужна-то для того, чтобы люди могли свободно и самостоятельно строить свое благополучие и, конечно, чтобы обеспечить жизнеспособность государства в современных условиях, его достоинство как части цивилизованного мира.

Первые выстрелы по Перестройке прозвучали со стороны «догматиков наоборот», которые заявили, что не было плана, не было концепции, что пустились в путь, не зная, куда он ведет. Не буду ни здесь, ни потом называть фамилии, потому что многие затем не раз меняли свои взгляды, во всяком случае — публично объявленные позиции.

Затем фронт критики открыли те, кто испугался новизны и заявил, что вообще ничего существенного не надо было предпринимать: жили же и прожили бы и так, авось — не пропали бы. Им возражали: начинать надо было и начали в общем правильно, но потом свернули с марксистско-ленинского пути. Дальше — больше. Из этого же лагеря вскоре раздались крики о предательстве социализма, о том, что Перестройка спе-

циально была задумана, чтобы покончить с социалистическим обществом, а заодно и с ленинизмом.

В последнее время докатились до последней степени оголтелости. Как в свое время Ленина объявили немецким шпионом, совершившим переворот по указке германской разведки (теперь этот бред реанимируют), так теперь желтая наша пресса «вычисляет» среди инициаторов Перестройки агентов империализма, выполняющих замыслы западных спецслужб.

А рядом с этим — как и в отношении 1917 года — запущена «версия» о Перестройке как жидо-масонском заговоре.

Но это все уже — по части политической шизофрении.

Перестройку с самого начала поддержала значительная часть интеллигенции. В обстановке свободы и гласности, как уже бывало на крутых поворотах нашей истории, она быстро стала делиться на враждующие группировки, многие из которых вскоре оказались в оппозиции к Перестройке... Потому что руководство страны поступало не так, как рекомендовала и требовала та или иная фракция интеллигенции. Ультрарадикалы среди них, запамятав, откуда все пошло и благодаря кому, поправ печальные опыты собственной истории, потребовали крушить все «до основания, а затем...» Осудив и прокляв большевиков, они, по сути восприняли их методологию действий. Политику здравого смысла, с ответственностью за страну, которая три четверти века жила в условиях чрезвычайного режима, окрестили реакцией, стремлением прикрыть лозунгами Перестройки сохранение кормушек и кресел для той же номенклатуры.

В обществе и в особенности среди коммунистов довольно распространено мнение, что в общем-то правильно, что решили все-таки покончить со сталинским наследием и его продолжением в виде брежневского фарса. Но вот, если бы не ошибки по ходу дела и если бы не менять старые, испытанные рычаги власти и не трогать тех, у кого они в руках.

В этой среде крупнейшей политической ошибкой числится XIX партконференция. С нее, мол, и начался развал партии и государства. И Перестройка кончилась, не достигнув первоначально поставленной цели, как они ее понимают.

Демократизация общества в нашей стране была бы обречена, если бы не распространилась на межнациональные отно-

шения и права всех народов. Но начавшийся — при поддержке и понимании со стороны инициаторов Перестройки — процесс возрождения национального самосознания и самоопределения приобрел взрывной, стихийный характер. Его возглавили в ряде случаев люди либо политически неопытные, либо просто безответственные, националистически озлобленные. А когда дело дошло до кровопролития, виноват в их глазах оказался «центр», который «не уберег», «не предотвратил», «опоздал» или наоборот «неправомерно вмешался». Во всех этих обвинениях подоплека одна: «центр» должен был встать на чью-то, а именно «мою» сторону, против другой, противоположной.

Когда признали на деле ленинский принцип самоопределения, вплоть до отделения, когда отказались от сталинской унитаристской концепции государства, в корне извратившей ленинское понимание советской федерации, когда дали свободу республикам преобразовать свой Союз на действительно добровольных, равноправных, федеративных началах, — неоинтернационалисты от шовинизма подняли крик: разваливают великое многонациональное государство, рушат «нерушимую дружбу народов»!

Перестройка не могла проходить в международном вакууме, тем более — во враждебной внешней среде. Это, кажется, всем ясно. Но когда были предприняты конкретные шаги, чтобы убраться конфронтацию с Западом, давно ставшую бессмысленной, крайне опасной и сверхдорогостоящей, посыпались обвинения: то, чего империализм не добился силой, преподнесли ему на блюдечке, проиграли «третью мировую войну», отдали завоеванное в Отечественной войне, оскорбляем память миллионов ее жертв, предали друзей-союзников, развалили социалистическую систему, нанесли удар в спину международному коммунизму и т.п.

В обстановке исчезновения угрозы мировой войны обнажилась абсурдность и гибельность сверхмилитаризации. Отказ продолжать «холодную войну» и гонку вооружений, истощившую ресурсы страны и приведшую ее на грань экономического краха, отразился на армии и всех тех структурах, которые ее обслуживали, на военно-промышленном комплексе.

И те, чьи интересы были задеты, даже если они понимали неизбежность перемен, особенно те, кто решил поэксплуатировать социальные и психологические последствия возвращения войск из чужих стран, сокращения личного состава и вооружений, конверсии оборонной промышленности, открыли еще один фронт против Перестройки.

В ход пущена самая отъявленная демагогия: армию бросили на произвол судьбы, солдатам и офицерам, вернувшимся из Германии, приходится жить в палатках (какой ужас для военных!), подломили главную опору государственности, унизили генералов и маршалов, не защитив их дачи и привилегии от гласности, и т.п. Били и бьют по самым болезненным местам, задевая не только материально-бытовую сторону проблемы, но и чувство патриотизма, традиционное для нашего народа почитание воинского долга. А помогают этой разнузданной демагогии, озлобляя военных, вызывая законный гнев в армейской среде и в обществе, те, кто — из корыстных или националистических побуждений — занялся поношением армии, клеветой на нее, кто публично оскорбляет офицеров и солдат, использует власть на местах, чтобы всячески им навредить, ухудшить условия жизни и службы.

И вот когда собираешь вместе все эти выбросы и всплески перестроечного процесса, во многом неизбежного при революционном переходе от одной системы к другой, напрашивается, в частности, и такое размышление.

Для старой России бедой, из-за которой Февральская революция оказалась несостоятельной, а замысел Октябрьской революции провалился, была неграмотность миллионных масс, а значит и их отлученность от политики. В определении судеб страны они выступали как материальная сила, легко управляемая с помощью довольно примитивных средств.

Бедой Советского Союза оказалось то, что народу дали грамотность для того, чтобы навязать ему искусственную схему развития, возбудить ненависть ко всему, что не похоже на эту схему, изолировать от внешнего мира, от прогресса цивилизации. В результате он стал орудием манипуляций политических авантюристов, для которых смыслом жизни была безраздельная власть, беспрекословное подчинение людей сво-

ей воле, полный произвол — вопреки нормам морали и правам человека.

Меня не оставляет мысль, что до сталинского Термидора в середине 20-х годов, предавшего и поправшего идеи Великой революции, подлинно народной и для народа, еще можно было бы направить страну по пути демократического прогресса, возрождения и экономического процветания. Исправить ошибки и несправедливости, допущенные в ходе гражданской войны, залечить духовные раны.

Увы! Произошло худшее, чем можно было бы предположить. Хотя уже тогда в обоих лагерях — и в красном, и в белом — были сделаны поразительные по глубине пророчества на этот счет. Но здесь я — не о том.

Только сейчас, в эти несколько последних лет, когда нам стали доступны знания о подлинном состоянии человечества во второй половине XX века, когда мы смогли посмотреть на себя глазами выдающихся мыслителей и писателей, изгнанных с родины, но оставшихся ее страстными патриотами, когда освободились от страха и начали вырываться из плена догм и стереотипов сталинщины, возвращаться к здравому смыслу, — только теперь начала появляться духовная среда для правильного понимания, что же такое наша собственная страна и каково ее предназначение. Однако мы еще только в начале этого открытия самих себя, тем более — обобщения всего, что узнали и поняли: я имею в виду большинство наших граждан, включая и значительную часть интеллигенции.

Период самоосознания и очищения затянулся. И в свою очередь принес много негативного, нагородил новые завалы на путях к здравому смыслу и согласию.

Обрушились на свое прошлое. Обнажили и посыпали солью старые раны, разоблачили безобразия тирании и пагубность тоталитаризма. Пригвоздили к позорному столбу всех, кого только могли, часто не отличая намерений от того, что получилось на деле. Начали выметать даже и действительно великие, оригинальные, признанные во всем мире интеллектуальные и художественные открытия и достижения советской эпохи, вдохновленные массовым энтузиазмом революции, ее молодым творческим порывом. Сокрушили идеологию рево-

люции и сам ее замысел — вопреки, казалось бы, вопиющим и вполне реальным фактам, свидетельствующим о ее неизбежности и неотвратимости.

Во всем этом хаотичном, буйном и страстном движении, в котором много искренности и желания лучшего для своей страны, была неустранимая общественная потребность. Мы должны были через это пройти — чтобы обновить мозги, попытаться очистить совесть, понять, где же мы оказались, и признать реальности. Но, используя библейскую метафору, — камни разбросали далеко друг от друга. Более того, проецируя (сплошь и рядом безграмотно, но зато хлестко) то, что с нами уже было, на то, что происходит сейчас, понесли вразнос людей, замыслы и дела, связанные с перестройкой.

А пора бы уже складывать камни. Процесс этот начался, движимый народным чувством самосохранения, усталостью от раздоров, естественным стремлением к согласию во имя спасения Отечества, да и просто отрезвлением от шока познания истины, оказавшейся трагической. Появляются конструктивные концепции движения вперед. Написаны партийные программы, проекты конституций, формируется новое законодательство. Но поначалу недооценили глубину пропасти, в которой оказалась страна к моменту Перестройки, опомнились с опозданием, дали развернуться всюю кризисным процессам... И в результате образовался разрыв в переходе от одной экономики к другой, от одной общественной системы к другой, от одной государственности к новой. Командно-административную структуру надломили и дезорганизовали, а заменять ее новой, на основе правильно понятых принципов Перестройки, не успеваем. Не сложились еще устойчивые формы и механизмы функционирования плюралистической демократии. Тем более необходимы терпение, согласие, выдержка, умение в политической работе все время помнить о главном: об интересах народа и государства.

А. Черняев

7 августа 1991 года

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

К четвертому разделу — о внешнем факторе — руководитель проекта полезным сделать небольшое дополнение, несколько расширив эту тему.

Способствовал ли он сохранению единства страны или наоборот?

Общее изменение международной ситуации (и атмосферы в общественном сознании) под воздействием политики «нового мышления» — это благоприятный фактор с данной точки зрения или нет? Очевидно, да. Международный авторитет СССР не только возрос, он приобрел новое качество. Для укрепления единства страны это имело и морально-политическое, и практическое значение.

Прекращение идеологической конфронтации — это «хорошо» или «плохо» в этом же смысле? Добавим сюда другой, еще более важный вопрос — снятие угрозы мировой ядерной войны... Вроде как освобождались от перманентного страха, который, впрочем, у советских людей был заметно меньше, чем на Западе. Но это лишало оправданий фантастические средства, уходившие из народного хозяйства «в оборону». Размывался «образ врага», тем самым советское руководство (и пропаганда, и идеология в целом) лишались важнейшего аргумента «держат страну в узде». Но единство на основе силы было чревато не только гражданской и межнациональной войной, но и ядерным столкновением в мировом масштабе.

Отказ от конфронтации вел к сокращению непомерных вооруженных сил и заметному уменьшению вливаний в ВПК, что затронуло очень важный многочисленный слой советских людей, связанных так или иначе с обслуживанием чудовищно разросшегося и явно бессмысленного в таком размере военного потенциала.

Получается, что прекращение холодной войны не просто было использовать как аргумент для укрепления единства сверхдержавы. Но исторически, с точки зрения коренных и перспективных интересов нации, холодную войну нельзя было дальше терпеть. Тут замкнутый круг трагедии Перестройки.

Открытостью страны во внешний мир (включая право на эмиграцию) воспользовалась большая, хотя отнюдь не главная часть населения. Но знакомство с Западом, сравнение его (почти в массовом порядке) с советским режимом и условиями жизни подорвали окончательно веру в «реальный социализм», который был и идейной, и экономической базой единства. Но не открываться, не кончать с изоляцией от развитой части мира было уже невозможно. Тут еще один трагический замкнутый круг.

Объединение Германии. Акция огромного исторического значения. Оно решило, по-видимому, раз и навсегда, многовековую проблему отношений между самыми крупными и значительными нациями Европы. Это — на перспективу. Результатами с успехом теперь пользуются и Германия, и Россия, и другие страны не только Европы. Но ощутимое для нашего населения значение (с точки зрения поддержки Центра в условиях ослабления «империи») было преходящим: порядочный многомиллиардный валютный кредит и поток по многим городам России добровольной благодарственной помощи продуктами и медикаментами из Германии.

Прямую геополитическую связь между объединением Германии и распадом Советского Союза трудно уловить, не считая, конечно, того, что ГДР была существенным звеном «социалистического лагеря», развал которого — другой аспект проблемы. Народы воспользовались своим естественным правом выбирать свою судьбу без вмешательства извне. И им не за что было «благодарить» (и оберегать в целостности) имперскую державу, которая полвека держала их на привязи.

Коренное изменение к лучшему отношений с большинством стран, прежде всего, с крупными влиятельными государствами Европы — безусловно, позитивный фактор в положении Горбачева как главы великой страны, ставшей уже очевидной миролюбивой.

«Горбимания», безусловно, шла на пользу укреплению позиций СССР в мире, а, следовательно, его самого как целого.

Хотели ли западноевропейские лидеры (и элита) распада СССР в 1991 году — нет таких доказательств. И уж во всяком случае, они (включая НАТО) ничего не делали такого, что явно

подталкивало бы процесс распада. Еще весной 1991 года на Лондонской сессии НАТО, — причем под давлением Буша — было принято решение, снижавшее конфронтационность в «восточном направлении».

Главные фигуранты мировой политики, члены «большой семерки» с интересом и всерьез восприняли стремление Горбачева включить советскую экономику в мировую систему. На Лондонской встрече этого ареопага его члены общались с Горбачевым лично на равных и обсуждали проблемы поддержки его политики в тот очень трудный момент. Помощь, правда, запоздала и была (по величине) неадекватной. Однако она демонстрировала намерение, позицию в отношении СССР как таковую. Де-факто он был тогда если не принят, то «прислонен» к «большой семерке».

Все более или менее заметные политики осудили августовский путч, в том числе и в первую очередь — Буш, Коль, Мейджор, Андреотти, Малруни, Гонсалес... Некоторые, например, те же Гонсалес и Маргарет Тэтчер даже пытались как-то вмешаться в ситуацию, когда Горбачев оказался запертым в Форосе.

Подозревать (тем более, обвинять) Западную Европу в каких-то интригах, направлении на разрушение СССР, по меньшей мере, нечестно, не соответствует действительности.

Так что внешний фактор в развале СССР действительно был второстепенным и не влияющим на ход внутреннего процесса по существу. Он проявлял себя скорее как реакция — и позитивная, и негативная для СССР — на импульсы, которые исходили из Перестройки и «нового мышления». Решающими были факторы внутренние, пусть даже иногда и с некоторым внешним «ингредиентом».

В своих выступлениях по поводу 20-летия августовского путча Горбачев неоднократно указывал на то, что в международных делах его политика принесла гораздо больше успехов, чем дома. Для нашей цели здесь важно это учесть в том смысле, что были созданы максимально благоприятные внешние условия для сохранения Союза в конфедеративном и демократическом варианте и для продолжения преобразования страны на новых основах и принципах, т.е. для успеха Перестройки.

The Gorbachev Readings, Issue IX

TWO COUPS AND THE COLLAPSE OF THE USSR

The book published herein is devoted to two events associated with the destiny of the Soviet Union. The authors made an attempt to expose the root causes of historical, economic and especially of political processes that resulted in the disintegration of the USSR.

There was a lot of discussion and misinterpretations in connection with these developments, particularly in connection with the 20th anniversary of the 1991 August coup and the Belovezh takeover in December 1991. The authors of the book did their best and offered their own vision of Perestroika and the 1991 events as supported by the documentary evidence, including the materials of the Gorbachev Foundation Archive.

Individuality of authors is evident in various sections. Nevertheless, this is not a collection of articles but a collective work performed at the Gorbachev Foundation.

The Team of the Project

**Anatoli Chernyayev (the principal of the project's team),
Alexander Weber, Alexander Galkin, Yuri Krasin,
Victor Kuvaldin**

Content of the book

Preface (A. Chernyayev)4

SECTION I

Soviet Society: Why
Has the USSR Collapsed (A. *Chernyayev*)5

SECTION II

The Preparation and the Failure
of the August Coup (A. *Weber*)29

SECTION III

Gorbachev's «100 Days» (A. *Galkin*)61

SECTION IV

External Factors: the USA Role (V. *Kuvaldin*)97

SECTION V

Results. Conclusions. Prospects (Yu. *Krasin*)121

Appendix 1137
*Office memo by A.S. Chernyayev to M.S. Gorbachev
dated August 7, 1991*

Appendix 2144
the External Factor. A Supplement to Section IV

Resume in English147